

Барбара Хэмбли Путешествие в страну смерти

Джеймс Эшер – 2

«Путешествие в страну смерти»: Эксмо, Домино; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-41745-2

Аннотация

Жизнь- для живых. Смерть — для мертвых. Однако мертвый всегда найдет живого, который согласился бы служить ему. Иногда служат за деньги, иногда — из страха, а иногда — из-за любви. Но что же достанется в удел женщине, которая связана любовью с тем, кто охотится в ночи? Роман «Путешествие в страну смерти» в культовом переводе Е. Лукина — образец жанра вампирской литературы.

Барбара Хэмбли Путешествие в страну смерти

Джеймс Эшер — 2

Джерри — с любовью. За его поддержку, а главное, за то, что он во мне никогда не сомневался.

Благородные воины рождены для битв, а сражения возвышают тех, кто предается им без трусости и страха.

Жан Фруассар (франц. хронист, поэт (ок. 1337 — после 1404))

Пролог

Дом был стар и, несмотря на внушительные размеры, неприметен. «Любопытно», —

подумала Лидия Эшер. Приостановившись на нижних ступеньках крыльца, она запрокинула голову, чтобы осмотреть все пять этажей угрюмого темного фасада. Добрая половина обесцвеченных непогодой балок едва заметна под столетним слоем сажи, ясно видны не забранные ставнями старинные переплеты окон, середины каменных ступеней — стерты шагами.

Лидию пробрал озноб, и она плотнее закуталась в плащ, позаимствованный ею у кухарки, поскольку даже самый простой наряд из гардероба самой Лидии выглядел бы слишком роскошно для этих узких безымянных дворов и проулков, теснящихся вдоль берега. «Он не сможет причинить мне вреда», — подумала Лидия, берясь за горло. Под высоким шерстяным воротником шею холодили толстые звенья полудюжины серебряных цепочек.

Или сможет?

Около часа она искала этот двор, по странному стечению обстоятельств не отмеченный ни на одной из четырех современных карт Лондона. Лидия слышала, как на черной колокольне обветшалой церкви позади старого дома пробило три. Двор плавал в тумане цвета золы, съедавшем даже тот слабый свет, который мог сюда просочиться. Она прошла мимо крыльца три раза, пытаясь рассмотреть здание, и ощутила, что, будь воздух прозрачен, наблюдения бы это не облегчило. Возникло нелепое ощущение, что ночью (с фонарями или без фонарей, с лампами или без ламп) дома не разглядишь вообще. И еще был запах: ясный, пугающий, не похожий ни на какой другой.

Лидия стояла на крыльце очень долго.

«Он не сможет причинить мне вреда», — снова сказала она себе и задумалась: так ли это?

Сердце неистово колотилось. С чисто медицинским интересом Лидия отметила, что конечности ее холодеют, несмотря на кожаные перчатки с меховой подкладкой и две пары шелковых чулок. Ботинки, правда, были легкие, изящные, на высоких каблуках. Конечно, стоило подобрать обувь покрепче и попроще, но в грубых ботинках, как представлялось Лидии, ходят одни лишь прачки, с которыми она, впрочем, ни разу не общалась. Однако ожегший кровь адреналин указывал, что холод скорее всего был результатом шока.

Одно дело — размышлять относительно физиологии владельца этого дома, находясь в своей безопасной Оксфордской лаборатории или когда рядом Джеймс, а сама ты вооружена...

И совсем другое — прийти и постучать в парадную дверь дона Симона Исидро.

Она слышала приглушенные туманом цокот копыт и звяканье упряжи с Аппер-Темз-стрит, стонущие гудки моторов. Другой, более глубокий гудок донесся со стороны реки. Щелчки каблуков по грязным ступеням отдались подобно ударам молотка, юбка с шелестом размела пыль.

Несмотря на древность дома, дверной замок оказался относительно нов — тяжелое американское устройство, притаившееся за пластиной настоящего замка времен Елизаветы. Но и оно с готовностью уступило отмычке, найденной Лидией в дальнем конце ящика, где хранились носовые платки мужа. Руки немного дрожали, когда она орудовала отмычкой, используя приемы, которые ей однажды показал Джеймс. Сознывая, что, по сути, совершает преступление, взломщица ежесекундно ожидала в страхе появления за спиной представителя лондонской полиции и крика: «Ни с места! Именем закона!..»

«Какая глупость!» — думала она. Очевидно было, что ни один блюститель порядка не заглядывал в этот двор в течение многих лет. Лидия поправила очки с толстыми линзами (мало того, что нарушительница закона, на которой громоподобно ссылался воображаемый полисмен, так еще и уродина четырехглазая!), отправила отмычки в сумочку и ступила через порог.

Стемнеть должно в пять. До сей поры она была в полной безопасности. Холл оказался куда сумрачнее, нежели она ожидала; широкие дубовые двери по обе стороны закрыты. Роскошные, не покрытые ковром ступени, снабженные резными перилами, поднимались в

темноту. Проем, ведущий в глубины дома, напоминал отверстую могилу.

Лампы Лидия, естественно, не захватила. Мысленно выбрав себя за непредусмотрительность (отсутствие светильников можно было и предвидеть!), она открыла одну из боковых дверей, впустив в помещение пепельный полусвет. На столе обнаружился ключ, и Лидия, вернувшись, прикрыла входную дверь. Какое-то время она стояла, колеблясь, запереть ее за собой или нет. Избыток адреналина в крови мешал принять решение...

В конце концов она повернула ключ, но оставила его в скважине, сама же осторожно направилась к только что открытой ею двери. За дверью, вероятно, располагалась гостиная. Помещение оказалось огромным, как бальный зал в доме ее тетки в Мэйфэйр. От пола до потолка высились книжные полки. Желтые корешки авантюрных романов Конан Дойла и Клиффорда Ашдоуна соседствовали с житиями Святых в истертых кожаных переплетах; устаревшие тексты по химии, Карлейль, Гиббон, Сад, Бальзак; дешевые современные издания Эсхила и Платона; Голсуорси, Уайльд, Шоу. Единственным предметом мебели был обитый кожей массивный дубовый ящик перед камином. На ящике стояла дешевая американская лампа из стали и стекла, фитиль — аккуратно подрезан, резервуар наполовину заполнен керосином. Достав из кармана спички, Лидия зажгла ее и в слабом свете прочла названия лежащих рядом книг, новеньких, наполовину освобожденных от оберточной бумаги. Французская книга по математике. Немецкая физика (автор — какой-то Эйнштейн). «Ветер в ивах».

Сколько у нее остается времени?

Не без труда Лидия извлекла спрятанное под одеждой странное устройство — медный распылительный насос с носиком, тщательно заклеенным пластырем, и лямкой, связанной из пары шарфов прошлогодних расцветок. Сняла колпачок, повесила распылитель на плечо и, прихватив светильник, двинулась в путь.

В следующем помещении книг было еще больше. Присутствовала и мебель: тяжелый стол, на котором валялись математические труды, абака, астрология, глобус, немецкая вычислительная машинка и еще некий предмет, представлявший собой (если Лидия не ошиблась в своем предположении) старинное счетное устройство из слоновой кости. В дальнем конце комнаты злое по блеску стеклом и металлом машина, напоминающая поставленное набок фортепиано, снабженное множеством циферблатов, чье назначение Лидия не могла угадать. Рядом стояла конторка черного дерева — немецкой работы, очень старая, обильно изукрашенная резными богами и деревьями. Ящики снабжены потемневшими медными замками.

Перед камином, чьи синие и желтые плитки были закопчены до черноты, стояло фиолетовое бархатное кресло — тоже очень старое и потертое. Подлокотники покрыты кошачьей шерстью, на сиденье брошена американская газета. Краем глаза Лидия уловила движение и почувствовала удущье, но, слава Богу, это было всего лишь ее собственное отражение в пожелтевшем зеркале, до половины прикрытом большой шалью. Судя по характеру кружев, изделие восемнадцатого века.

Лидия поставила светильник и сдернула шаль. Зеркало бесстрастно отразило ее тонкую хрупкую фигурку. «Плоскогрудая, как школьница, — в отчаянии подумала она. — И это в двадцать шесть лет!» Несмотря на все ухищрения Лидии с рисовой пудрой, краской для век и румянами — в тех крохотных количествах, что позволялись приличной леди, — лицо ее состояло в основном из носа и очков. Четырехглазой ее прозвали в детстве, когда она еще не успела заслужить права именоваться скелетом и книжным червем. Даже сегодня, покидая меблированный номер Блумсберри, Лидия ни за что бы не надела очки, если бы от этого сейчас не зависела ее жизнь.

Ее — и Джеймса...

Она позволила кружеву упасть на пол, снова потрогала серебряные цепочки на шее и двойные толстые браслеты, обвивающие запястья под манжетами и перчатками.

Зачем ему зеркало? Он же не может себя в нем увидеть! Или истории врут?

Лидия снова подняла лампу, надеясь, что информация, которой она владела, хотя бы

частично соответствует истине. Стыд и позор — не собрать за эти годы более точных научных данных! Она должна написать заметку для Журнала медицинской патологии или хотя бы для одного из фольклорных исследований Джеймса.

«Если останусь в живых, — подумала она, и паника вновь ожгла изнутри ее вены. — Если останусь в живых...»

Неужели она все-таки ошиблась?

Лидия обошла дом, поднявшись до чердака. Все кругом было завалено книгами и журналами. Зная на собственном опыте, каково хранить бесчисленное количество номеров «Ланцета», а также его британских, европейских и американских аналогов, Лидия не могла не позавидовать столь обширной библиотеке, и это в какой-то степени ослабило ее страх. «Ланцет» был представлен здесь номерами, восходящими к 1823 году, и, если порыться, можно было бы наверняка обнаружить первый его выпуск. Лишь одна маленькая комнатка наверху была занята не книгами, но одеждой — дорогой и относительно новой.

С самого начала все инстинкты Лидии подсказывали ей, что искать нужно не вверху, а внизу.

Кухня и судомойня располагались на первом этаже, в задней части дома. Лидия спустилась по изогнутой лестнице в судомойню, где обнаружился вполне современный ледник. Открыв его, она нашла кусок льда приблизительно двухдневной давности, бутылку сливок и небольшое количество мяса. В уголке прямо на полу стояли штук пять тарелок, в их числе — блюдо северского фарфора времен Людовика XV. Лидия улыбнулась — впервые.

Подвал, винный погреб, кладовая для овощей под лестницей и множество маленьких чуланов с низкими потолками, где пахло землей и временем. Пламя лампы отбрасывало трепещущую тень Лидии на потрескавшиеся от нагрузки балки, на обесцвеченные обои, на каменную кладку, говорящую о крайне древнем возрасте строения. Ей долго пришлось искать этот дом, упоминания о котором исчезли из Государственного архива после пожара 1666 года. Лидия некоторое время бродила по подzemелью, зная, что где-то здесь должен быть вход в еще один подвал. Внимательно изучив структуру кладки, она сосредоточила внимание на небольшом складском помещении, чья влажная каменная стена хранила следы разобранный лестницы.

День снаружи, должно быть, уже угасал. Стараясь унять дрожь в пальцах (не важно, что было причиной: холод или страх), Лидия сняла перчатки и принялась ощупывать тяжелую лепнину порталов. Возле порога той двери, что вела в винный погреб, что-то подалось, щелкнуло неохотно — и в грязноватом медном свете лампы открылся широкий проход между двумя панелями. На внутренней части подвижной плиты имелась щеколда, то есть открыть замок можно было и с той стороны. Изношенная лестница снова уходила вниз.

Как и предполагала Лидия, помещение, лежавшее ниже, напоминало усыпальницу церкви — возможно, той, что располагалась позади дома, на площади с довольно странным названием — Испанский Двор. На низких сводах потолка еле читались выведенные черной краской слова: «*Salvum me fac, Deus, quoniam intra-verunt aquae usque ad animam meam*».

Лидия не была воспитана в католической вере (тетки ее даже свечу на алтаре рассматривали как повод для жалобы епископу) и все же узнала в этих словах отрывок Мессы Избавления от Смерти.

Гранитный саркофаг занимал весь дальний конец помещения подобно мрачному алтарю, скрывающему все, кроме низкой запертой двери. Лидия довольно долго стояла перед ним, прежде чем решила приподнять светильник повыше и прикинуть вес каменной крышки. Затем стала на колени и принялась изучать пол.

Пыли на полу не было.

Тщательный осмотр трещин в сером каменном настиле выдал ей местоположение люка. В тусклом янтарном полусвете лампы приходилось сильно напрягать глаза. Сначала Лидия пыталась вести поиск со всей возможной аккуратностью, не пачкая и не сминая юбки, но это оказалось невозможным. Кости корсета то и дело упирались в ребра, а распылитель насоса преобильно ударял по локтю. Чуть не заработав за эти полчаса еще и косоглазие, она

сообразила наконец, что запорный механизм люка располагается позади далеко выдающегося каменного портала внутренней двери.

Насколько она поняла, саркофаг вообще не имел никакого отношения к люку. В противном случае все было бы слишком очевидно.

Ступени, ведущие вниз, были настолько мелки и до такой степени стерты, что Лидии пришлось прижаться плечом к одной стене и, придерживаясь рукой за другую, нащупывать опору для следующего шага. Подумалось, вдруг, что снаружи давно уже темно, — и снова нахлынул страх, возникло паническое убеждение, что она просто не способна выполнить задуманное. Пришлось запретить себе смотреть на часы.

Свет лампы не рассеивал лежащего внизу мрака, дышащего влажной землей, холодным камнем и ржавчиной. Интересно, что крысами не пахло вообще.

Свет влажно скользнул по металлическим прутьям решетки. Приблизившись, Лидия просунула руку с лампой сквозь прутья и попыталась осветить то, что располагалось по ту сторону. Решетка была старая, а замок на ней — новый и дорогой. Такой не одолеешь ни отмычкой, ни ломом. Сияние лампы лишь отчасти проникало в лежащие за решеткой катакомбы, и все же Лидии удалось рассмотреть стенные ниши — большей частью пустые или же хранящие ужасные свидетельства бренности земного бытия: черепа, пыль, клочки волос.

На той стене, что справа, в тени таилось еще одно углубление, но осветить его не было никакой возможности.

Из ниши свешивалась белая, как слоновая кость, мужская рука с длинными унизанными золотом пальцами. Темнота скрывала остальное, и хотя изящная кисть выглядела столь совершенно, словно была нарисована Рубенсом, Лидия знала, что владелец ее мертв вот уже несколько веков.

«Значит, правда», — подумала она, и сердце от испуга забилось сильнее и торопливее.

«Глупо», — тут же добавила она мысленно, поскольку знала обо всем изначально.

Но одно дело знать, и другое — столкнуться с ними после наступления темноты. Лидия почувствовала себя нагой и беззащитной.

Зря я все это затеяла.

Пар от ее дыхания принял в свете лампы абрикосовый оттенок. Лидия обессиленно опустилась на ступеньки. Положила свое оружие на колени, поправила указательным пальцем очки и приготовилась ждать.

1

Канун поминовения душ усопших, темный дождь и холод, пронизывающий иглами тело и одежду, отдающийся ломотой в костях. Воскресная ночь на вокзале Черинг-Кросс, гул голосов отражается от сводов из стекла и железа, словно мяч в стальном барабане. Все, что хотел Джеймс Эшер, — это добраться до дому.

День и ночь, потраченные на похороны кузена и на улаживание ссоры из-за наследства между вдовой, матерью и двумя сыновьями покойного, живо ему напомнили, почему двадцать три года назад, сразу же, как только закончилось его обучение в Оксфорде, он перестал поддерживать отношения с теткой, воспитывавшей его с тринадцати лет. Было уже совсем темно, и Эшер, кутаясь в пальто, шагал подлинной кирпичной платформе, цепляя плечами таких же, как он, пассажиров. В обширном помещении стоял запах влажной шерсти и пара. Улицы снаружи были наверняка покрыты гладким опасным льдом.

Эшер размышлял и об этом, и о полутора часах, которые ему предстояло убить между прибытием экспресса из Танбридж-Уэллс на вокзал Черинг-Кросс и отправлением оксфордского местного от Паддингтона, когда увидел вдруг двух мужчин. Лучше бы он их не видел вообще.

Они стояли под центральными часами в отзывающейся эхом пещере вокзала. Эшеру как раз случилось взглянуть в их сторону, когда тот, что повыше, снял шляпу и, стряхнув с

нее влагу, указал рукой в перчатке на железную раму, в которой вывешивались таблички с обозначенным на них временем отправления. Приученный за долгие годы работы в британской разведке улавливать и запоминать мельчайшие подробности, Эшер невольно задержал взгляд на широкополом пальто этого человека: рукава и воротник, отделанные каракулем, верблюжий цвет, тесьма на рукавах — все буквально кричало: Вена. Еще точнее: представитель мадьярской аристократии, а не австрийский немец, поскольку эти предпочитают одеваться менее ярко. Парижанин мог бы надеть пальто подобного покроя, но, конечно, не такого цвета и, уж разумеется, без тесьмы. А верхняя одежда среднего берлинца всегда напоминает попону, независимо от того, насколько состоятелен ее владелец.

«Вена...» — подумал Эшер и испытал легкий приступ ностальгии. Затем он увидел лицо мужчины.

Боже правый.

Замер на краю платформы, кровь, казалось, остановилась в его жилах. Но прежде, чем Эшер успел осознать, что Игнац Кароли — в Англии, он увидел лицо его собеседника...

Боже правый! Нет.

Вот и все, что удалось подумать.

Только не это.

Впоследствии он поймет, что просто не сумел бы заметить второго, не задержись его глаз сначала на пальто Кароли, а затем — на лице венгра. Это и было самым пугающим из увиденного. В течение нескольких секунд двое перекинулись парой слов и обменялись газетами — старая уловка, которую сам Джеймс сплошь и рядом использовал, работая на Интеллидженс Сервис. Память стремительно отмечала мельчайшие, знакомые Эшеру приметы: разрез потертого черного пальто невысокого мужчины и зауженные со штрип-ками брюки цвета буйволовой кожи. Выглядывающие из-под плоской бобровой шапки волосы были коротко подстрижены, и еще — во время короткого разговора собеседник венгра не сделал ни единого жеста; полная неподвижность, даже руки в перчатках, сжимающие набалдашник трости, не шевельнулись ни разу.

Одна только эта подробность могла выдать Джеймсу все.

Три женщины в огромных шляпах с поникшими от влаги перьями заслонили на секунду зловещую парочку, а когда прошли, Кароли уже бодро шагал в направлении парижского поезда.

Второй мужчина исчез бесследно.

Кароли едет в Париж.

Они оба едут в Париж.

Эшер и сам не знал, почему он так в этом уверен. Но инстинкты, отточенные за годы сотрудничества с Департаментом, не исчезли за восемь мирных лет чтения лекций в Оксфорде. С сердцебиением, столь сильным, что даже вызывало дурноту, он нарочито неспешно приблизился к билетным кассам, покачивая небольшой сумкой для уик-эндов, содержащей смену чистого белья и бритвенные принадлежности. Станционные часы показывали половину шестого. Вывешенная табличка известила о том, что дуврский поезд отправляется без четверти шесть. Проезд до Парижа в вагоне второго класса стоил один фунт четырнадцать шиллингов и восемь пенсов, и хотя в кармане у Эшера имелось не более пяти фунтов, указанную сумму он выложил без колебаний. Разумеется, отправившись третьим классом, он сэкономил бы двенадцать шиллингов (а это — несколько ночей в Париже, если, конечно, знаешь, где остановиться), но его представительное коричневое пальто и шляпа с жесткой тульей сразу бы бросились в глаза, окажись он среди бедно одетых рабочих и неряшливых женщин.

Он сказал себе, что покупает билет второго класса исключительно затем, чтобы не привлекать внимания. Лгал сам себе.

Гуляя по платформе, где женщины в дешевых поплиновых юбках загружали в вагоны утомленных детей, бранились друг с другом на парижском диалекте, а мужчины в куртках и шарфах ежились от холода, Джеймс старался не слушать, как сердце нашептывает ему, что

нынешней ночью кто-то из пассажиров третьего класса неминуемо должен умереть. Он коснулся руки проходящего мимо носильщика:

— Будьте любезны, не могли бы вы проверить багажный вагон и сказать мне, не везет ли кто ящик или чемодан футов в пять длиной? Это может быть и гроб, но скорее всего чемодан.

Тот покосился на показанную ему монетку достоинством в полкроны, скользнул острыми карими глазами по лицу Эшера:

— Вам, что ли, прямо сейчас, сэр?

Эшер машинально отметил в его произношении горловое «ои» и целевое отрывистое «i» (несомненно, ирландец из Ливерпуля) и удивился своей способности задаваться чисто филологическими вопросами в то время, как его собственной жизни грозила опасность.

Носильщик коснулся кепки:

— Старый Джо чуть не помер, пока втолкнул в вагон эту штуковину. Уж больно неуклюжая...

— Тяжелая?

(Если тяжелая — значит не то.)

— Да так себе, не очень. Фунтов семьдесят...

— А не могли бы вы посмотреть, куда отправляется груз?

Это информация, — поспешил добавить Джеймс, видя, что карие глаза подозрительно прищурились, — для жены его владельца...

— Сбежал, что ли? Вот сукин сын...

Эшер сверил свои часы с вокзальными, сознавая, что, чем реже становится толпа уезжающих, тем больше у него шансов быть замеченным. Локомотив с шумом выдохнул клуб пара. Толстый мужчина в твидовом по-деревенски просторном пальто, колышущемся за его спиной наподобие плаща, лез в вагон первого класса. За ним — тощий лакей с тяжеленными чемоданами.

«Надо будет телеграфировать Лидии из Парижа», — подумал Эшер и почувствовал острую жалость: она будет сидеть, ожидая его, весь вечер, пока не уснет у камина среди чайных принадлежностей, кружев и медицинских журналов — прекрасная, как сильфида с ученой степенью. Две ночи он ждал встречи с ней. Поскольку погода была ненастная, она, вероятно, предположит, что поезд задержали. Лидия зря беспокоиться не станет.

Носильщик, однако, не появлялся.

Эшер попытался вспомнить, кто сейчас возглавляет парижское отделение.

— Боже мой! Как он собирается сообщить им о Чарльзе Фаррене, бывшем графе Эрнчестерском?

Его рука почти против воли сдвинулась к воротнику, как бы желая проверить, на месте ли толстая серебряная цепь. Что и говорить, необычное украшение для мужнины и протестанта. Эшер не расставался с цепочкой вот уже около года. Это стало привычкой, подобной тем привычкам, что он приобрел «за кордоном» (как выражались в Департаменте). Например, досконально изучить дом, где ты остановился, чтобы при случае пройти по нему бесшумно в полной темноте; запоминать лица и узнавать их потом в иной обстановке. Или, скажем, постоянно носить с собой нож, спрятанный в правом ботинке. Другие преподаватели Нового колледжа, занятые исключительно своими предметами и академическими перепалками, даже и представить не могли, что их скромный коллега, читающий лекции по этимологии, филологии, фольклору, знал в лицо каждого их слугу, а также все входы и выходы в этом зеленом, замшелом, туманном городке.

Но все это были вопросы, от которых одно время зависела его жизнь. Вполне возможно, что зависела и сейчас. Летом, когда Эшер и его студенты ходили на плоскодонках вверх по Черуэллу, молодежь обратила внимание на тяжелые двойные цепочки из серебра, охватывающие запястья преподавателя. Джеймс объяснил, что это подарок его суеверной тетки. Никто даже не усомнился и, кажется, не усмотрел связи между цепочками и рваным красным шрамом, пересекавшим горло Эшера от уха до ключицы. Равно как и похожими

шрамами на руках.

Вернулся носильщик и как бы невзначай сунул Эшеру клочок бумаги. Пришлось дать ему еще полкроны, которые очень быгодились сейчас самому Джеймсу. Ну что делать, не нарушать же правила приличия! Не взглянув на бумажку, Эшер спрятал ее в карман и устремился перрону, над которым уже разносился последний предупреждающий крик: «Все в вагоны!»

При этом он не искал взглядом невысокого мужчину в черном пальто, хотя знал, что Эрнчестер если и сядет в вагон, то подобно самому Эшеру — в последний момент.

Его все равно невозможно будет увидеть.

Восемь лет назад, на исходе англо-бурской войны, Джеймса Эшера приютило семейство буров, жившее в предместье Претории. Подобно многим бурам, они снабжали информацией немцев, но сами по себе люди были хорошие и вполне искренне верили, что помогают этим своей стране. Они радушно приняли Джеймса, видя в нем безобидного профессора лингвистики из Гейленберга, прибывшего в Африку для изучения языков банту. «Мы — не дикари, — сказала госпожа ван дер Плац. — Мы же знаем, что шпион не станет заниматься такими вещами!» Тем не менее Эшер был именно шпионом.

И когда Жан ван дер Плац — шестнадцатилетний паренек, влюбленный в Джеймса, ходивший за ним тенью, — узнал, что его старший друг вовсе не немец, а англичанин, и предстал перед ним в слезах, Эшер застрелил его, чтобы спасти городскую агентуру и своего информатора кафра, которого бы неминуемо убили в отместку. А развяжись у кафра язык, были бы захвачены врасплох и вырезаны несколько подразделений британской армии. Вернувшись в Лондон, Эшер порвал с Департаментом и женился — к полному ужасу семейства восемнадцатилетней девочки, на чью любовь он к тому времени даже и не надеялся.

Эшер тогда искренне полагал, что со службой во имя Короля и Отечества покончено навсегда.

И вот он направляется в Париж, под обстреливающим вагон дождем, с несколькими фунтами в кармане — и все только потому, что увидел Игнаца Кароли беседующим с Чарльзом Фарреном.

Случилось то, чего Эшер боялся весь этот год — с тех пор, как он узнал, кто такой и что такое этот Фаррей и все ему подобные.

Идя по коридору из вагона в вагон, Эшер заметил в купе первого класса Кароли, читающего в одиночестве газету.

Подобно Дориану Грейю, Кароли не утратил своей красоты за прошедшие тринадцать лет. А ведь ему уже должно быть сорок. И однако же — ни следа серебра в его гладких черных волосах или в ниточке усов, словно бы нарисованных тушью на короткой верхней губе; ни морщинки не залегло в уголках широко посаженных темных глаз.

«Вся моя кровь вскипает от восторга при мысли, что я выполню любой приказ императора, каким бы он ни был! — С этими словами (вспомнил Эшер) он вскочил тогда на ноги в мягком сиянии газовых рожков „Кафе Версаль“, и шитье вспыхнуло на его алом мундире. Вспомнилось сияние идеалистического идиотизма на юношеском лице. — Я буду драться везде, куда бы Он меня ни послал!» Отчетливо слышалась заглавная буква в слове «Он» — император, а вокруг ревели и аплодировали друзья-гвардейцы. Хотя они взревели еще громче, когда кто-то из них пошутил: «Да, конечно, Игни... но кому придет в голову послать вас на врага?»

Но когда Кароли уже преследовал Эшера с собаками в Альпах, замучив перед этим до смерти его осведомителя и проводника из местных жителей, стало окончательно ясно, что в прошлый раз он умышленно корчил безмозглого дворянчика, проводящего жизнь на балах, а не в строю. Надолго запомнилась Эшеру эта погоня.

Они так и не встретились лицом к лицу в те адские дни среди потоков и ущелий, Джеймс даже не знал, известно ли было Кароли, кто его дичь. Но проходя вагонным коридором и бросив беглый взгляд в окно купе, Эшер вспомнил тело своего проводника и

вновь порадовался, что тогдашняя их встреча не состоялась.

Во всяком случае, больше всего он сейчас боялся не Игнаца Кароли.

В третьем классе было куда более шумно, чем во втором. Теснота, запах грязной шерсти и нестираного белья. Младенец вопил, как фабричный гудок. Небритые мужчины поднимали лица от «Фигаро» или «Лондон ньюс», когда Эшер протискивался между жестких с высокой спинкой сидений. Желтый подрагивающий электрический свет падал на дешевые фетровые шляпы, влажные бумажные цветы, простые стальные булавки. Женщина сказала: «Замолчи, Беатрис, замолчи сейчас же!» — однако в голосе ее надежды не прозвучало. Видимо, Беатрис не уговорится до самого вокзала Гар дю Нор.

Эшер поднял воротник, понимая, что Фаррен может его узнать. Он нервничал при одной только мысли, что Фаррен находится где-то здесь и что ему достаточно одного беглого взгляда в сторону Джеймса. Думать о том, что произойдет в таком случае, было тем более неприятно.

В самом конце третьего класса находилось багажное отделение, загроможденное велосипедами, собачьими клетками и огромным креслом. Там было темно, за окнами алмазно посверкивал дождь, подсвеченный грязноватыми бликами из вагонов третьего класса. Стоило Эшеру ступить внутрь и прикрыть за собой дверь, как его ожгло холодом: все окна были открыты и громко дребезжали, пол забрызган водой. У ног Джеймса скулила от страха собака в клетке. Но даже запах холодной дождливой ночи не мог ни перебить, ни рассеять запаха смерти.

Эшер торопливо огляделся, затем опустился на колено, словно опасаясь, что его увидят снаружи через окно. Тусклый свет проникал через глазок на двери, но его было недостаточно. Эшер выудил коробок из кармана пальто, чиркнул спичкой.

Труп мужчины был согнут и казался маленьким: колени вмяты в грудь, руки прижаты к бокам — иначе бы его и не удалось затолкнуть в тесный угол за футляр контрабаса.

Эшер погасил спичку, зажег вторую и подобрался поближе. Мертвец был молод, смугл, небрит, руки — в рабочих мозолях, на шее вместо галстука грубо повязан платок. Одежда пахнет дешевым джином и еще более дешевым табаком. На подошве ботинка — дыра. Крови на шейном платке — совсем немного, хотя, когда Эшер оттянул его пальцем вниз, открылась разорванная аорта. Края раны казались белыми и вспухшими, как будто их жевали и обсасывали. У Эшера и у самого имелся шрам такой же формы и размера — как раз там, где шею холодили серебряные звенья цепочки.

Третья спичка осветила лицо мертвеца, совершенно белое, с синими губами и явственно различимой щетиной.

Хотя, судя по цвету век, он погиб от силы полчаса назад.

Подвернув потертую штанину, Эшер заметил, что голая лодыжка еще даже не начала синеть.

Скорее всего, — подумал Эшер холодно и сердито, — синеть там уже нечему...»

Он погасил спичку, отправил ее — вместе с первыми двумя — в карман и скользнул между креслом и контрабасом к выходу. В одном из вагонов он столкнулся с проводником. Возможно, кто-то из должностных лиц спугнул убийцу, помешав ему избавиться от трупа. А может быть, Эрнчестер просто ожидал, когда они отъедут подальше от Лондона. Эшер быстро покинул вагон, вытирая ладони о полы пальто и, недовольно бормоча, словно искал кого-то и не нашел. Никто из пассажиров третьего класса не проводил его взглядом.

К тому времени, когда поезд достигнет Дувра, тело наверняка исчезнет. Привлечь чье-либо внимание к своей находке означало привлечь внимание к себе, а в этом случае вряд ли он доберется до Парижа живым.

В темном купе второго класса, кроме Эшера, ехало жизнерадостное и шумное семейство парижан, которые вели себя в поезде как дома — закусывали хлебом и сыром. Bonne fette¹ предложила попутчику сыра с апельсиновым соком, в то время как глава семьи

трудолюбиво изучал помятый номер «Авроры». Эшер поблагодарил, выудил свой «Таймс», большую часть которого прочел еще по дороге в Черинг-Кросс, и вновь спросил себя: что же он все-таки намерен сообщить тому, кто сейчас возглавляет резиденцию в Париже?

Ночь предстояла долгая. Он не осмеливался лечь спать, боясь, что Фаррен может почуять его сны.

* * *

2/11/1908-0600 ПАРИЖ/ГАР ДЮ НОР
ЭРНЧЕСТЕР ОТБЫЛ В ПАРИЖ С ИГНАЦЕМ КАРОЛИ
АВСТРИЙЦЕМ ТЧК ПРЕПОРУЧУ ЗПТ ВЕРНУСЬ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ
ДЖЕЙМС

Эрнчестер. Лидия Эшер положила тонкий листок желтой бумаги на инкрустированный с позолотой письменный стол. Сердце забилось чаще, стоило ей прочесть это имя.

Отбыл в Париж с кем-то из Австрии...

Чтобы осознать все это, требовалось время, поскольку Лидия, досконально знающая, чем отличается одна железа от другой, никак не могла вспомнить, чьи союзники австрийцы: немецкие или английские. А вспомнив, содрогнулась.

— Это от хозяина, мэм?

Лидия подняла глаза. Элен, принесшая чай, а заодно и телеграмму, задержалась в дверях кабинета; большие красные руки теребили передник. Темный, как чернила, дождь, хлеставший всю ночь, унялся лишь под утро, ровная изморось сыпалась с небес цвета стали. За высокими окнами сияла влажная мостовая Холиуэлл-стрит. А поскольку Лидия была близорука, то картина была несколько размытой, в стиле Мане. Высокая коричневая стена Нового колледжа напротив стала от сырости почти черной. Время от времени по улице проходил студент или преподаватель — безликие призраки, тем не менее безошибочно опознаваемые Лидией, точно так же, как она опознавала Элен: по общим очертаниям и манере двигаться. Как, например, можно было спутать малорослого декана Брейсноуза с его важной петушиной поступью и такого же крошечного, но скромного доктора Вирдона из Церкви Христовой? Глубоко вздохнув, Лидия обратила огромные карие глаза в направлении темного пятна двери, ведущей в зал, и поняла впервые за это утро, что давно уже голодна.

— Да, — сказала она. — Ему пришлось срочно ехать в Париж.

— Ох!.. — Элен неодобрительно покачала головой. — В такой-то дождь! Подумаешь Париж! Какие там могут быть дела, чтобы не явиться вовремя и заставить вас волноваться?

Пожалуй, Лидия не смогла бы как следует ответить на этот вопрос. «Возможно, сговор, который обернется победой Германии над Англией и еще бог знает чем», — подумала она, но промолчала.

— Я же говорила, что не стоит волноваться насчет мистера Джеймса! — радостно продолжала Элен. — Вон какой ливень был! Хотя о Париже я даже и не думала... Что-нибудь с инвестициями, мэм? — Элен работала в течение долгого времени у отца Лидии и привыкла к мысли, что если хозяин куца-то внезапно отбыл, то это непременно связано с инвестициями. — Даже и не знала, — добавила она с неожиданным проблеском разума, — что он куда-то вкладывал деньги...

— Так, по мелочи, — правдиво ответила Лидия, сворачивая телеграмму и отпирая одно из отделений украшенного позолотой секретера. Содержимое немедленно вывалилось наружу и возлегло на полу пухлой горой бумаг. Лидия посмотрела на нее с такой растерянностью, как будто стол ее не был точно так же завален диаграммами, заметками об эндокринной системе, письмами других исследователей относительно удаления гланд, счетами модисток, меню, образцами шелка, номерами «Ланцета». Там же лежал набросок статьи для январского выпуска «Британского медицинского журнала», над которым она работала до прихода Элен. Лидия подсушила кружевные манжеты и, решительно запихнув

все обратно, с натугой захлопнула дверцу. Открыв еще пару отделений с тем же успехом, она в конце концов подсунула телеграмму под кипу заметок о воздействии электростимуляции на выработку адреналина.

Ее подруга Джосетта Бейерли всегда посмеивалась над тем, что Лидия не читает газет и даже не знает, кто сейчас премьер-министр. Как будто премьер-министры, подобно балканским королям, не зависели от горстки избирателей! Чтение газет лишь наводило Лидию на размышления о том, не страдают ли такие деятели, как лорд Бельфор или кайзер, воспалением щитовидки или авитаминозом, что каждый раз отвлекало ее от работы.

«Он пишет, что возвратится сегодня». Лидия понимала, что ей следует успокоиться. Конечно, Джейми способен сам позаботиться о себе. Она думала об этом прошлой ночью, лежа с открытыми глазами и оглаживая пальцами тяжелые звенья серебряной цепи на шее. А когда заснула, ей привиделось трупно-белое лицо, возникшее при свете газовых рожков в глубине парковой аллеи: странно горящие глаза и урчащая пасть с мерцающими клыками. Затем Лидия проснулась и не смогла уснуть до утра. Лежала и слушала шорох дождя в плюще.

Итак, причин для страха у нее не было.

В телеграмме сказано: «Препоручу».

Тем более бояться нечего.

Но в телеграмме содержалось также нечто такое, что засело занозой в подсознании.

«Досадно будет, — машинально продолжала она размышлять, — если он не выкроит в Париже время купить себе рубашку и коробку конфет. У него всего одна смена белья. Эти, знаете, похороны кузенов...»

«Препоручу».

Почему ей кажется, что она уже слышала это имя — Игнац Кароли?

И почему, ради всего святого, он отправился объяснять, кто такой граф Эрнчестер, сотрудникам министерства иностранных дел в Париже?

— Не могли бы вы принести мне тост, который я не доела за завтраком? — спросила Лидия секунду спустя.

— Сию минуту, мэм! — В голосе служанки послышалась радость, а плечи ее, когда она повернулась в дверях, облегченно расслабились.

И Элен, и миссис Граймс обе считали Лидию слишком худой. Она же, еще будучи школьницей, неуклюжей, очкастой зубрилкой, оставляла без внимания их предостережения, что если девочка вечно сидит, уткнувшись носом в книгу, и ест меньше канарейки, то вряд ли она сумеет когда-нибудь подцепить себе муженька. Однако Лидия прекрасно сознавала, что у кого, у кого, а уж у нее-то, единственной наследницы состояния Уиллоуби, отбоя от женихов не будет. При мысли об этом у нее уже тогда волосы вставали, дыбом.

Джейми сказал, что она красива. Единственный мужчина, которому Лидия могла верить.

Может быть, это Джейми когда-то давным-давно помянул в разговоре Игнаца Кароли?

Нет, не похоже... И Лидия вспомнила высокого скромного преподавателя, который на устраиваемых ее отцом вечеринках гулял с ней по саду, рассказывая о королях и капусте: каким способом лечат болезни в Китае и как продолжить обучение без согласия родителей. Вежливый знающий человек, никогда ничего от нее не требовавший, принимавший ее такой, какая она есть. Он никогда не говорил лишнего, хотя, еще будучи школьницей, она заподозрила, что Джеймс не так прост, как кажется. Даже теперь, после семи лет брака, рассказывая какую-либо подлинную историю, он, по примеру Марка Твена, всем описываемым лицам давал фамилию Фергюссон.

Именно это Лидию и беспокоило. Она слышала фамилию Кароли. Или читала. Скорее читала. Она не помнила, как эта фамилия произносится, и, стало быть, Джейми ее не упоминал.

Лидия извлекла свои очки из-под труды бумаг, где она их прятала, когда кто-нибудь входил в комнату, встала, шурша кружевами, и, откинув назад длинные рыжие волосы,

двинулась к книжным полкам. С намерением поработать после полудня в прозекторской Рэдклиффской больницы она решила повременить. К тому времени, когда вновь появилась Элен — с подносом бутербродов и луковым супом, — Лидия уже вспомнила, где и при каких обстоятельствах она набрела на фамилию Кароли. Воспоминание скорее встревожило ее, нежели успокоило. Она оставила поднос нетронутым и спустилась в спальню — порыться в старых номерах «Ланцета» и «Медицинских изысканий», сваленных под кроватью. Она могла не помнить, есть ли сейчас в Германии парламент и чем большевики отличаются от меньшевиков, зато без особого напряжения месяцами хранила в памяти адрес парижской лаборатории Марии Кюри или год открытия внутренней секреции. Лидия продолжала читать до ужина, когда Элен явилась с еще одним подносом и вынудила съесть половину яйца и часть булочки; сама же развела огонь в камине и зажгла газовый рожок. Лидия нашла смутно знакомую ссылку, но та вывела ее на другое имя. Пора уже было начинать считать часы до полуночи, когда, по идее, должен появиться Джеймс.

Если он не решит задержаться в Париже еще на один день.

Если ничего не случится.

Если его не заметит Эрнчестер...

«Если он решит задержаться в Париже, — думала она, намазывая джем и девонширское масло на булочку, а затем кладя бутерброд на поднос, чтобы взглянуть в темнеющее окно, — он даст телеграмму. Он сообщит мне...»

А если не сообщит?

Сможет ли она найти его, отправив телеграмму в консульство... или, может быть, лучше в военное министерство, которому подчинены секретные службы? Где оно там находится, это консульство? Подобно многим девушкам из состоятельных семей, Лидия знала в Париже лишь Елисейские поля и рю де ля Пэ. Позвонить по телефону в министерство иностранных дел в Лондоне... Опять же — где оно располагается? Уайтхолл? Парламент? Скотленд-Ярд? Ну, эти если что-нибудь и скажут, то наверняка солгут...

Лидия остро осознавала свою беспомощность, она была испугана, она не знала, что делать.

«Кроме того, — подумала она, глядя в непроглядную тьму за шторами, — все чиновники давно уже разошлись по домам». И, словно подтверждая эту ее мысль, старинные часы времен Людовика XV, стоящие на камине в гостиной, отчетливо пробили пять раз.

Оставалось сидеть и ждать.

Она заснула после полуночи, улегшись поперек кровати, среди вороха медицинских журналов, разбросанных до порога спальни, так и не сняв своего пышного платья цвета чайной розы. Ей снились разрушенные здания древних городов; каменная кладка была покрыта черной запекшейся кровью и паутиной; из бездонных теней полз шепот столетий.

Джеймс не вернулся и под утро. И все же только после того, как пришла вторая телеграмма, Лидия решилась отправиться в Лондон и попытаться найти этот дом.

2

— Граф Эрнчестер — вампир.

Стритхэм — суетливый мужчина со скошенным подбородком, которого Эшер никогда не любил, — устал на гостя прищуренные голубые глаза, как будто спрашивая себя, с какой целью Эшер морочит ему голову и не повредит ли это его положению главы парижского отделения Департамента. Эшер провел большую часть предыдущей ночи, бодрствуя на борту дуврского парома, затем — в булонском поезде, и все подыскивал довод, который бы убедил представителя Департамента арестовать Кароли в Париже (что скорее всего невозможно, поскольку вряд ли тот поедет куда-нибудь без дипломатической поддержки) или хотя бы отрядить агента, тобы следовал за ним по пятам.

Когда он, невыспавшийся, голодный и раздраженный, в начале десятого постучал в зеленую крашеную дверь дома на рю де ля Виль л'Эвек, выяснилось, что открыть ее некому.

Еще двадцать минут Эшер просидел на скамье под голыми деревьями, выжидая, когда дом подаст признаки жизни. Над городом собирались тучи, вот-вот должен был припустить дождь. «К черту! — злобно подумал Эшер. — Скажу им всю правду».

Стритхэм рискнул усмехнуться:

— Это несерьезно.

— Сам Эрнчестер (иногда он называет себя Фаррен, другое его имя — Уонтхоуп) относится к этому вполне серьезно, — мрачно сказал Эшер, вспоминая мертвого рабочего. — Правду он говорит или нет, будто прожил, питаясь человеческой кровью, два столетия, но я по собственному опыту знаю, что этот человек обладает способностями, за которые хорошо бы заплатили иностранные разведки. Он может пробраться сквозь любую охрану, войти и выйти незамеченным. Он может влиять на мышление людей. Понятия не имею, как это ему удастся, но знаю, каков он в деле.

Эшер буквально видел, что за мысли копошатся на донышке прищуренных голубых глаз парижского начальника. Естественно! Стритхэм просто не мог представить ничего подобного. А ведь из всех вампиров, подобно призракам окруживших Джеймса прошлой осенью в Лондоне, Чарльз Фаррен, бывший граф Эрнчестерский, был самым безобидным, меньше других употреблявшим свои зловещие способности, чтобы охотиться на людей, заманивая их в ловушки.

Наблюдая вчера, как тонут в туманной тьме за кормой «Лорда Уордена» желтые огни Дувра, Эшер пытался понять самое странное во всей этой истории: почему венгр связался именно с Эрнчестером?

В Лондоне обитали и куда более опасные вампиры. Почему не с кем-нибудь из них?

Стритхэм скривился в гримасе, очевидно, означавшей улыбку.

— Конечно, доктор Эшер. Департамент вполне разделяет ваше беспокойство, особенно ввиду вашего внезапного ухода... — Это был изящный выпад, и Эшер почувствовал раздражение.

— Все, что я сказал тогда о Департаменте, остается в силе! — Он поставил чашку на стол. Во всяком случае, хотя бы чаем угостили. На такую внимательность он в Париже даже не рассчитывал. — Если бы Департамент собирались взорвать с помощью динамита, я бы улицу не перебежал, чтобы погасить фитиль! Но я вам говорю, речь сейчас уже не о Департаменте! — Голос Эшера по-прежнему звучал ровно, холодно, но старая ярость тлела под слоем пепла. — Речь о стране. Вы не должны позволить австрийцам нанять лорда Эрнчестера.

— Вам не кажется, что вы немного преувеличиваете? Ну примут они на службу какого-то гипнотизера...

— Это не просто гипноз, — сказал Эшер, чувствуя, что если он выйдет сейчас из терпения, то помощи не получит. — Я не знаю, что это такое. Я знаю только, что это страшная сила. — Он перевел дух, понимая, насколько сложно описать физические возможности вампиров даже тому, кто готов поверить в их существование. Хотя бы то, как они гасят разум своей жертвы и следуют за нею незримо, или, находясь на соседней улице, читают сны спящего человека.

Прирожденные шпионы.

Конечно, Кароли, с детства знакомый со страшными карпатскими легендами, поверил бы этому быстрее, чем кто-либо другой.

Я готов выполнить любой приказ императора, каков бы он ни был. Он произнес это с пылающими глазами — в духе прочих молодых глупцов из офицерского корпуса, но Эшер знал уже тогда, что Кароли говорит правду. Просто разные люди вкладывают разный смысл в одни и те же слова.

«По сути, ничего не изменилось», — подумал Эшер. Трудно сказать, сколько раз в течение нескольких лет он находил приют в этом неприметном доме недалеко от посольства, сколько раз отправлялся отсюда в путешествия по Европе исследовать архаичные формы глаголов или собирать легенды о феях и героях. Возвращался же с чертежами немецкого

линейного корабля или списком фирм, продающих оружие грекам.

Все это было так давно, что казалось, будто не он, а кто-то другой рисковал жизнью и кривил душой ради сведений, которые все равно через год устареют.

Стритхэм сложил руки, белые и мягкие, как у женщины.

— Конечно, перестав сотрудничать с Департаментом, — с неким извращенным удовлетворением начал он, — вы не можете знать о том, что по смерти старой королевы мы тут претерпели реорганизацию. После Южной Африки бюджет нам сильно урезали, так что теперь мы вынуждены делить этот дом с визовой службой и атташе. Конечно, мы не можем потребовать, чтобы французские власти арестовали гражданина Австрии только на основании того, что вы мне сейчас рассказали. По вашим словам, он аристократ и, видимо, имеет отношение к дипломатическому корпусу. Выделить агента, чтобы он следовал за Кароли по всему Парижу, а тем более в Вену или Будапешт, мы также не можем...

— Кароли — наша единственная нить, — тихо сказал Эшер. — Только он может вывести на Эрнчестера...

— Да прекратите вы называть его Эрнчестером! — Стритхэм со злостью уравнил край служебной бумаги с кромкой стола. — Граф Эрнчестерский — мой друг. Я имею в виду: настоящий граф Эрнчестерский. Люциус Уонтхоуп. Мы с ним однокашники, — не удержавшись, похвастался он.

Видимо, речь шла о колледже Церкви Христовой в Оксфорде, и Эшер невольно задался вопросом, не тот ли это Люциус Уонтхоуп, что пытался ухаживать за Лидией восемь или девять лет назад. Имя его Стритхэм произнес как Уонт'п» — на оксфордский манер.

— Если какой-то самозванец присвоил чужой титул, то это еще не повод поддаваться на обман.

— Это не имеет значения, — устало сказал Эшер. — Пусть он называет себя хоть Альбертом Сакс-Кобург-Кота. Кстати, в курсе относительно реорганизации и бюджета. Установите за ним слежку. Вот адрес с его багажа. Тут, правда, указано, что он следует транзитом, но ваш человек довольно легко его опознает. С ним будет огромный ящик (иди чемодан), с которым он скорее всего направится в сторону вокзала Гар де л'Эст, если он сразу собирается отбыть в Вену. Впрочем, возможно, что у него здесь есть дом, где он будет встречаться с сообщником. Выясните, с кем он связан...

— И что потом? — Стритхэм издал смешок. — Вогнать ему в сердце кол?

— Если это будет необходимо.

Глаза Стритхэма — близко посаженные, с вялыми мешочками цвета рыбьего брюха — снова сузились, внимательно изучая Эшера. Сегодняшним утром Джеймсу пришлось бриться и умываться в одном из общественных туалетов на вокзале Гар дю Нор — сразу после отправления телеграммы, — и он сознавал, что больше похож на клерка, лишившегося работы и крова, чем на оксфордского преподавателя.

Руководитель парижского отделения снова хотел что-то сказать, но Эшер не дал ему и рта раскрыть:

— Если надо, я дам телеграмму полковнику Глейчену в Уайтхолл. Это — шанс, который мы не имеем права упускать. Я потратил последние деньги, чтобы прибыть сюда и предупредить вас. С более серьезной опасностью ни я, ни Департамент еще не сталкивались. Поймите наконец: я бы не сделал этого, если бы думал, что Эрнчестер — не более чем опытный гипнотизер. У нас просто нет выбора. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он начал работать на австрийскую разведку. Все, что начинается в Вене, заканчивается в Берлине. Вы это знаете. И Глейчен это тоже знает.

При упоминании главы отдела МО-2/Д лицо Стритхэма медленно стало краснеть. Он шумно вздохнул:

— Я доложу об этом на днях, а пока могу приставить к нему только Крамера из отдела информации. Вы удовлетворены?

Эшер напряг память, но ничего из нее не выудил.

— Вы с ним не встречались, — раздраженно сказал Стритхэм. — Он пришел позже. Но

работник хороший.

— В какой области?

— Информация..

— Вы имеете в виду, стрижет газеты? — Эшер встал, взял шляпу. За высокими окнами снова начинался дождь. Мысль о пешей прогулке к банку Баркляя, что на бульваре Османн, вызвала у него такое чувство, будто в груди болезненно, со скрипом проворачивались ржавые шестерни...

— Сегодня каждый сотрудник вынужден освоить несколько специальностей. — Стритхэм теперь даже и не скрывал неприязни. — Мне очень жаль, но бюджет наш таков, что даже не позволяет устроить вас на ночлег и оплатить дорожные расходы. Я, конечно, могу предложить вам койку в одном из кабинетов...

— Благодарю вас, — сказал Эшер. — Я как раз направляюсь в банк...

«Этот Крамер наверняка только и умеет, что вырезать статьи из газет», — думал он.

— Тогда не смею задерживать.

«А ведь было время, — думал Эшер, спускаясь по мелким ступеням из песчаника, — когда я любил Париж...»

Впрочем, он любил его и сейчас. На фоне набухшего дождем неба и зданий пепельных оттенков бледно-золотистые стволы сбросивших листву каштанов казались особенно яркими. На окнах за железными решетками балконов — жалюзи; красные и синие тенты магазинов напоминали распутившиеся цветы. Движение на бульваре было оживленно: мерцающие от влаги, кожаные крыши кебов; ярко окрашенные электрические трамваи, крики «Посторонись!», элегантные ландо, лошади, выдыхающие пар на влажном холоде, как драконы; мужчины и женщины в дневной одежде оттенков баклажана и влажного камня.

«Все-таки волшебный город», — подумал Эшер. Даже в бытность его сотрудником Департамента, когда пришлось вплотную познакомиться со здешним жульем — головорезами, взломщиками, фальшивомонетчиками, скупщиками краденого, — Эшер все равно считал Париж волшебным городом.

Но теперь он спешил завершить все свои дела и как можно скорее покинуть Париж, потому что очень уж не хотелось ему оказаться в этом городе после заката солнца.

Ибо имелся в районе Моро старинный особняк, принадлежащий женщине по имени Элиза. И с тех пор, как Эшера, завязав ему предварительно глаза, привели туда однажды ночью и он увидел этих бледнолицых прекрасных созданий, играющих в карты посреди ярко освещенного салона, он уже никогда не чувствовал себя на этих улицах в безопасности. Во всяком случае, добровольно бы он в этом городе не заночевал ни за что.

* * *

В банке Баркляя он снял со своего счета двадцать фунтов (пятьсот франков) — сумму, более чем достаточную, чтобы отобедать в Пале-Рояле и вернуться в Лондон, но неудобства минувшей ночи отбили у него желание вновь испытывать судьбу. Полдень давно уже миновал, но в Вефори еще можно было заказать ленч. Эшер расположился за столиком в углу — с омлетом, кофе, бутербродами, ничуть не напоминавшими ту пародию, что подают в Англии, и номером «Ле Пти Журналь». Отправление следующего поезда — в четыре. Посетить Лувр он, конечно, не успеет, но можно заглянуть к букинистам на набережной и если останется время — в Нотр-Дам.

Когда состав покинет Гар дю Нор, начнет смеркаться, будем надеяться, что света еще будет достаточно. И пока он перелистывал страницы, одна половина мозга просеивала и сортировала газетные сообщения (сербы требуют независимости от Австрии, Россия требует правоверия для сербов, новое правительство Турции учинило очередную резню армян, султан строит козни, надеясь восстановить утраченную власть, а кайзер нацелен на создание самых быстрых линейных кораблей и самой мощной артиллерии), другая же половина

прикидывала, что произойдет, если в эту путаницу вмешается еще и вампир. В любом случае последствия были бы ужасающие. Эшер понимал, что Европа ходит, оскальзываясь, по краю пропасти. Немецкий кайзер заранее просил извинения за то, что сделают его армии; французы распалялись гордостью, яростью и жаждали реванша. Австрийская империя пыталась укротить славянские меньшинства, в то время как русские трубили о своем намерении эти меньшинства поддержать. Эшер буквально видел спешно закупаемое новейшее оружие и строящиеся железнодорожные линии, готовые нести солдат к местам будущих сражений. В Африке ему уже доводилось наблюдать, на что способно это оружие.

Люди, готовые без колебаний бросить на пулеметы солдат вооруженных ружьями, с той же готовностью предоставят одного или двух политзаключенных на завтрак тому, кто способен невидимо проскользнуть в любое консульство, лабораторию, штаб армии или флота. Он перевернул еще одну страницу и снова вызвал в памяти бледные лица вампиров. Грубый и мощный Гриппен. Загадочно-презрительный Исидро. Забияка Джо Дэвис. Очаровательная Селеста.

Граф Эрнчестер. Почему именно он? Эшер искал — и не находил ответа.

Эрнчестер. Самый слабый из них, странно хрупкий, создание Гриппена, то есть раб Мастера лондонских вампиров... А знает ли Гриппен, что маленький аристократ покинул Лондон и вступил в сговор с иностранной разведкой? Может быть, они сначала пытались выйти на Гриппена, но безуспешно?

Тот не вампир, — сказала Элиза де Монтадор, и свет газовых рожков замерцал в ее зеленых глазах, — кто подвергает опасности других вампиров, выдавая людям места охоты или самый факт нашего существования. Красивая женщина, с кивающими перьями страуса в волосах, в черно-зеленом платье, сидящем столь естественно, что, право, не верилось, будто владелица его рождена в эпоху пеньюаров и трехфутовых париков. Эшер помнил нечеловеческую силу ее ледяных рук и подобные когтям ногти, разрывающие вены на его руках.

«Почему бы Игнацу Кароли не войти в контакт с Элизой? — задумался он. — Или с вампирами Вены? В любом городе, где имеется беззащитная беднота, можно найти и тех, кто охотится в ночи».

Эшер просмотрел газету до конца, но так и не обнаружил сообщения об обескровленном трупе рабочего, найденного в поезде или на пароме.

— Доктор Эшер?

Высокий молодой человек, вошедший в ресторан и направляющийся к его столику, был не знаком Эшеру. Судя по покрою костюма и гладкому с тяжелым подбородком лицу — англичанин. Он протянул Джеймсу руку, карие глаза с любопытством смотрели из-под падающей на лоб пшеничной челки.

— Я — Эдмунд Крамер.

— А... — Эшер крепко пожал руку в американской перчатке из дубленой кожи. — Тот сотрудник, чье отсутствие в архиве грозит безопасности государства?

Крамер засмеялся и сел в кресло, подвинутое ему Эшером. Появился официант с еще одной чашкой черного кофе и бугылкой коньяка. От последнего Эшер отказался.

— С деньгами у нас в последнее время и впрямь сложно, но Стритхэм мог бы и оплатить вам дорожные расходы, не говоря уже о завтраке. Надеюсь, визит в банк прошел удачно?

— Вы созерцаете последствия этого визита. — Эшер небрежно указал на пустые тарелки и, когда официант, вернувшись, осведомился, не принести ли еще кофе, вручил ему два франка. — Вы за мной следили?

— Полагал, что найду вас в одном из кафе в Пале-Рояль, — пояснил молодой человек. — Стрит сказал, что вы хотите зайти в банк Баркляя, а это ведь совсем рядом. Я сейчас направляюсь в отель «Терминус» и хотел бы узнать побольше об этом Эрнчестере и его венгерском дружке. — Он достал из нагрудного кармана записку, на которой Эшер обозначил адрес отеля «Терминус», что близ вокзала Сен-Лазар. — Шеф, кажется, полагает,

что этот Кароли — крепкий орешек.

Крепкий орешек.

Эшер взглянул в сияющие глаза собеседника, и сердце его сжалось. Мальчик был чуть старше тех студентов, которым он должен был сегодня читать лекции в Новом колледже, если бы не его поездка в Уэльс. Как можно посылать безусого новичка по следу такого человека, как Кароли, не говоря уже об Эрнчестере!

— Он смертельно опасен, — сказал Эшер. — Не попадайтесь ему на глаза, не вздумайте подходить к нему близко — если сможете. Упаси Боже, если он заподозрит, что вы за ним следите. Я знаю, он выглядит так, будто всю жизнь только и делал, что примерял мундиры и подбрасывал усики, но это, поверьте, не так.

Крамер кивал, отрезвленный словами Эшера, и тот невольно задался вопросом: что Стритхэм сказал о нем этому юноше?

— А Эрнчестер?

— Эрнчестера вы не увидите.

Вид у молодого человека был озадаченный.

— Он еще и не на такое способен. — Эшер поднялся, оставив официанту пять франков, и двинулся к дверям. — Так что давайте сосредоточимся на Кароли. Сколько у вас денег?

Крамер моргнул.

— На железнодорожный билет и на завтрак хватит?

— Примерно так...

Когда они вышли из высоких дверей и оказались в пассаже, вновь пошел дождь и прекращаться не собирался. В галерее стало многолюдно. Преобладали господа с фондовой биржи и из близлежащих банков (все — в цилиндрах и дорогих пальто) и дамы в юбках, подобных блистающим цветам на фоне серого ливня, деревьев, темной почвы садов. Вскоре Эшер нашел то, что искал, — лавку ювелира. Крамер наблюдал в замешательстве, как Эшер покупает три серебряные цепи, — каждая длиной приблизительно восемнадцать дюймов. Торговец уверял, что серебро — чистое.

— Наденьте на шею. — Когда они снова оказались в пассаже, Эшер вручил одну из них Крамеру. Многие магазины были уже освещены газовыми рожками, свет из широких витрин мерцал на толстых звеньях. Крамер пытался открыть замок, не снимая перчаток. — Эрнчестер искренне убежден в том, что он вампир, — продолжал Эшер, застегивая другую цепь на запястье Крамера. — Так что, серебро может спасти вам жизнь.

— Он сумасшедший? Эшер отвлекся на секунду, взглянул молодому человеку в глаза — и снова сосредоточился на замочке второй цепи.

— Будьте с ним осторожны. — Цепочка туго облегла запястье. Крамер был хорошо упитанный молодой человек. — После наступления темноты не расслабляйтесь ни на секунду. Да, он сумасшедший, но это не значит, что он не сможет убить вас в течение нескольких секунд.

— Тогда, может быть, заглянуть в Нотр-Дам, купить распятие? — Крамер еще силился улыбнуться.

И Эшер вспомнил лейтенантика, судя по произношению, выходца из восточной Англии, с которым познакомился в вельде. Как его звали-то? Пинчхон? Прадлхом?... Стойка «смирно», руки по швам, взгляд устремлен в пустыню цвета льва. Говорят, это всего лишь горстка фермеров, не так ли?

— Серебро их отпугивает, — сказал Эшер.

Крамер, казалось, не знал, что ответить.

Даже в Пале-Рояле трудно было во время дождя поймать свободный фиакр. Они высаживали седоков у метрополитена близ вокзала Сен-Лазар и сразу направлялись к отелю «Терминус».

— Может, поспрашивать возниц? — Крамер указал на стоянку, где, впряженные в двухколесные фиакры, мокли понурые лошади, в то время как люди, кутаясь во что попало, старались укрыться от дождя под деревьями.

Эшер покачал головой.

— Скорее всего он обратится в компанию грузовых перевозок. Ящик слишком велик. Лондонские четырехколесные повозки ещё могли бы его увезти, а парижские фиакры слишком легки для такой ноши. Но кое-что мы здесь проверим... — Эшер поднялся по серым гранитным ступеням отеля «Терминус» и пересек темный турецкий ковер, устилавший вестибюль. Крамер шел по пятам, как большой, хорошо выдрессированный пёс.

— Пардон, — сказал Эшер клерку по-французски с немецким акцентом. Вел он себя тоже как немец, держа плечи подобно офицерам из южной Германии, но ни в коем случае не с прусской окаменелостью. У Парижа долгая память, так что с подобной манерой поведения на помощь можно было бы не рассчитывать. — Я пытаюсь выяснить местонахождение моей сестры Агнессы. Она должна была прибыть сегодня дьеппским поездом, но мы не встретились. Затруднение в том, что я не знаю, путешествует ли она под нынешней фамилией, или же под фамилией своего первого мужа, который погиб в Кении...

Когда они с Крамером вновь пересекли площадь, Эшер сказал:

— Кароли зарегистрирован. Это хорошо. — Он проскользнул между ярко-красным электрическим трамваем и роскошным автомобилем и направился вверх по рю дю Ром. — Во всяком случае, один из своих титулов он указал. Теперь начинается самая скучная и выматывающая часть нашей работы...

— Протестую! — радостно сказал Картер, вздергивая воротник от холода. — Нет более скучной и выматывающей работы, чем прочесывать в день сотню парижских газет в поисках одной-единственной заметки, которая могла бы заинтересовать военное министерство. Так что приказывайте!

Эшер усмехнулся и взошел на крыльцо скромной гостиницы, втиснувшейся между табачной лавкой и какой-то конторой.

Слышу глас храбреца и настоящего агента?

Он почти уже забыл тот дух товарищества, что объединял сотрудников секретной королевской службы... А мальчик, между прочим, имел задатки. Жаль только, что у него не было наставника получше, чем этот Стритхэм.

Снова став страсбургским немцем, Эшер обратился к дежурному клерку с очередной байкой — на этот раз не о потерявшейся сестре, но о пропавшем багаже (ящике полутораметровой длины с кожаной обивкой и железными обручами). Вокзальная неразбериха, неправильно обозначенный адрес... Нет? Нет. Может быть, герр посоветует к какой местной компании по перевозке грузов стоит обратиться? Городской справочник, что и говорить, приобрести недолго, но вряд ли он поможет в данном случае...

— Есть список фирм, мсье, который мы используем, когда клиент везет такого рода багаж. Не у каждой компании есть телефон, но у нас тут имеется кабинет с телефонным аппаратом...

— Чудесно! Герр столь добр! Конечно, каждый звонок будет оплачен! Пожалуйста, примите в знак признательности...

— Теперь действуйте, — мягко сказал Эшер, когда клерк вышел, оставив их вдвоем с Крамером в обшитом деревом кабинетике. — Компании, у которых нет телефона, вам придется посетить лично. Я сейчас возвращусь к отелю «Терминус» и постараюсь не спускать глаз с Кароли. Там есть кафе на углу рю д'Амстердам и Гаврской площади, а напротив, на рю дю Ром, — другое. Оба просматриваются со стоянки кебов. Я буду в одном из них. Если вы меня там не застанете — значит я следую за Кароли. В любом случае вы меня ждете там. Последний поезд на Лондон отбывает от вокзала Сен-Лазар в девять. Постараемся встретиться в полдевятого. Идет?

Крамер кивнул:

— Идет. Было весьма любезно с вашей стороны ввести меня в курс...

Эшер безнадежно покачал головой, встал и достал из кармана перчатки.

— Не позволяйте им вас заметить. Но и не теряйте их из виду. Все куда серьезнее, чем вам кажется.

Ответом была ребяческая улыбка:

— Я буду стараться...

Эшер взял потрепанный коричневый саквояж, с которым таскался весь день, и кивнул:

— А большего никто из нас сделать и не сможет.

Уже на лестнице он приостановился и оглянулся, дабы удостовериться, что тучный сотрудник уже расположился перед аппаратом, положив на колено список телефонных номеров. «И даже нет денег, чтобы нанять кого-нибудь получше!» — подумал он чуть ли не с отчаянием. Париж не был горячей точкой. Все опытные работники Департамента сейчас либо в Ирландии, либо на индийской границе.

Он почти вернулся домой.

И что теперь? — спросил он себя — Преследовать Кароли самостоятельно? Или вернуться в Департамент и выполнять все их приказы, как выполнял прежде?

Тогда какая разница?

Огромная, — подумал он с горечью. — Однако и в том, и в другом случае делать придется одно и то же.

Душа ныла, как старая рана перед штормом.

* * *

В кафе на углу рю д'Амстердам Эшер заказал черный кофе и приготовился ждать. Газету он читать не мог, поэтому попросил официанта принести ручку с бумагой и, внимательно следя краем глаза за стоянкой такси, развлекал себя игрой, состоявшей в угадывании состоятельности, рода занятий и семейных связей выходящих с вокзала пассажиров. Не столь систематически, как это проделывал мистер Холмс Конан Дойла, зато с обостренным привычкой чутьем агента. Место как нельзя лучше подходило для этой полезной забавы. Эшер насчитал три немецких диалекта, пять итальянских, венгерский, голландский и добрую дюжину разновидностей французского. Прошла пара, беседующая по-гречески. «Брат и сестра», — предположил он, исходя из характера беседы и сходства черт. Чуть позже появилось маленькое японское семейство. Однажды, — подумал Эшер, — мне придется выучить и этот язык.

Если он останется в живых.

Часы на Трините ударили четыре раза, но Эшер и так уже знал, что не успевает на дневной поезд.

Ни Крамер, ни Кароли не появлялись.

Время от времени официант приносил кофе, несколько не удивляясь такому посетителю. Есть люди, которые просиживают в кафе весь день до вечера: пишут письма, читают, пьют кофе и ликеры, играют в шахматы и домино. Ждут друзей или коротают время до отправления поезда.

Небо цвета сажи расцвело над площадью белыми яркими электрическими огнями. Возницы сменили дневных лошадей на разбитых одров (какой смысл ставить доброго коня на суровую ночную работу!) и зажгли желтые лампы, обозначающие их принадлежность к району Монмартра.

Было почти шесть, когда Эшер увидел Кароли. С хищной грацией (гепард, прикидывающийся домашним котом) Игнац Кароли быстрым шагом приближался к отелю «Терминус», посматривая по сторонам; колыхнулось широкополое венгерское пальто, когда он взбегал по ступеням; дуговые лампы осветили гладко выбритый волевой подбородок и красивые губы; глаза затаились в тени полей шляпы. Таким образом он двигался лишь тогда, когда полагал, что за ним никто не наблюдает, — это удивительное открытие Эшер сделал еще в Вене. Кроме того, Кароли всегда выдавало то, что он был умнее своих поступков.

Эшер расплатился, проклял Департамент и, прихватив свой саквояжик, долго слонялся по площади, держась в тени деревьев возле стоянки такси, пока венгр не появился снова из

дверей отеля. Эшер слышал, как он велит ехать на рю дю Бак. По дороге Кароли вполне мог сменить экипаж, поэтому Эшер просто сказал своему вознице:

— Следуйте за тем фиакром, но не позволяйте ему нас увидеть.

Возница — язвительный, похожий на воробья парижанин — понимающе подмигнул в ответ и хлестнул свою клячу.

Они пересекли Королевский мост. Огни Лувра сияли, отражаясь в черной воде. На набережной Кэ д'Орсэ Кароли отпустил фиакр, и Эшер, последовав его примеру, двинулся за ним по людным улицам левого берега. Под сенью деревьев бульвара Сен-Жермен Кароли подцепил ярко одетую небрежно причесанную женщину — одну из тех, что, подобно вампирам, появляются лишь с наступлением темноты. Джеймс почувствовал легкий приступ неприязни и к своему подопечному, и к себе самому, но продолжал следовать за парочкой на безопасном расстоянии. Они свернули с освещенного бульвара в темные кварталы старых домов, выстроенных еще до нововведений «гражданина короля», остановившегося однажды промочить горло в одной из харчевен. Стоя в сыром мраке переулка, Эшер слышал удар часов. Скулеж скрипок и гармоник достиг его слуха, и в ярком отблеске цветных огней он рассмотрел безвкусный водоворот юбки, полосатые чулки и смеющийся рот, окутанный синеватым дымом сигареты.

Вечерний поезд уходил в девять. Эшер прикинул, есть ли у него время оставить сообщение для Крамера или даже встретиться с ним. Кажется, придется все-таки провести ночь в Париже. Мысль была не из приятных. Сзади послышался шорох, сердце подскочило к горлу — и Эшер обернулся, уже мысленно видя холодные белые лица и странно мерцающие глаза Мастера Парижа с ее выводком...

Всего-навсего кот.

Если бы это была Элиза де Монтадор, он бы вообще ничего не услышал.

Когда Кароли и женщина снова вышли из кафе, она уже цеплялась за его руку. Не заколотые булавками волосы напоминали овечью шерсть. Насколько помнилось Эшеру, Кароли всегда вел себя галантно с девушками его круга и с дочерьми венских нуворишей, зато инкогнито совращал молоденьких продавщиц, а на постоянных дворах — девчушек, работающих на виноградниках.

Их шаги звонко отдавались на сыром тротуаре. Когда они поравнялись с невидимой Эшеру нишей, навстречу им шагнул мужчина в полосатом свитере и матросской куртке:

— Не пожалейте пары су честному-благородному человеку, обиженному судьбой!

— Иди работай! — Голос Кароли был холоден, произношение — безупречно.

Попрошайка насупился и преградил им дорогу. Не столь рослый, как венгр, он был широк в плечах, мясист, и поза его теперь таила откровенную угрозу:

— Рад бы, но... Единым движением руки Кароли стряхнул женщину, оставив ее сползать спиной по черной, как сажа, стене, и перехватил поудобнее трость. Прежде чем нищий смог раскрыть рот, палка с треском опустилась на его череп. Бедняга скорчился — и Кароли ударил снова. Изо всей силы, словно выбивал ковер. Расчетливо. Неторопливо. Этот район редко посещался стражами порядка.

Женщина стояла, заткнув рот кулаком, и в ужасе глядела на происходящее. Она не попыталась убежать, да и была ли она сейчас на это способна! Покончив с побирушкой, Кароли повернулся к спутнице и, взявши за жакет, рванул к себе. Та повисла на его плече, как пьяная или наркоманка. Скучного света из окон кафе было вполне достаточно, чтобы различить кровь на неровной мостовой. Лежащий дышал хрипло, со стонами.

Он нуждается в помощи, — подумал Эшер. И затем: — Если я сейчас зайду в кафе, я упушу Кароли.

Тихо, как бродячий коричневый кот, двигаясь в тени вслед за уходящей парой, Эшер вспомнил, почему он порвал с Департаментом. Однажды ты выполнишь приказ страны — каким бы он ни был — и возненавидишь себя...

Дом представлял собой одно из тех бесчисленных оштукатуренных с фасада парижских строений, чей облик не изменился со времен Короля-Солнца. Двери и ставни были наглухо

закрыты. Как только Кароли отомкнул вход в полуподвальный магазинчик, Эшер нырнул в переулочек с немногочисленными трубами над линией крыш и затем проскользнул в заросший сорняками двор. Света за ставнями на втором этаже было вполне достаточно, чтобы различить обрушенный навес старой кухни, наполненные дождевой водой бочки, старые доски, сломанные ящики. Щели в ставнях сияли. Под подошвами ботинок была клейкая грязь, воздух был густ, благоухал навозом, откуда-то тянуло падалью.

Эшер оставил саквояж возле бочки с дождевой водой и крайне осторожно взобрался на крышу бывшей кухни. Сквозь сломанные жалюзи он увидел Кароли, привязывающего женщину к рахитичному креслу. Она смеялась, запрокидывая голову.

— Тебе так нравится, да? Хочешь, чтобы я чуток побрыкалась?

Кароли снял перчатки, бросил шляпу на испятнанный провисший матрас кровати. Безмятежность его красивого лица была сравнима с безмятежностью статуи. Расслабленные плечи также говорили о полном спокойствии. Казалось, он и сейчас действует, ни на секунду не забывая, что все это — для блага страны, и, следовательно, заслуживает поощрения. В голосе Игнаца Кароли звучала ирония:

— Побрыкайся, пташка. Вдруг поможет...

В глубине помещения Эшер различил огромный чемодан, обитый кожей, с окованными медью уголками. Он был открыт, и тусклый свет керосиновой лампы мерцал на его металлических частях. Чрево его было залито тенью, но Эшер видел, что внутри находится еще один, несколько меньший чемодан, в котором тем не менее вполне мог поместиться человек.

Шум во дворе чуть не заставил его сердце остановиться.

Крысы подрались, — сообразил он спустя секунду и обессиленно прислонился к ледяной кирпичной стене. — Верно из-за той падали под навесом...»

Когда он оглянулся, Эрнчестер уже был в помещении.

— Поздно вы, — заметил Кароли. Таким голосом упрекают за опоздание к чаю. — Поезд отходит от вокзала Гар де л'Эст в семь тридцать. Времени у вас осталось только на то, чтобы заняться этим небольшим эклером. Скоро сюда придут извозчики...

Он подступил к хихикающей женщине, ухватил грязное кружево воротника и разорвал платье до пояса. Сорочки на женщине не оказалось — один корсет, из которого, подобно тесту, выпирала грудь с сосками, похожими на медные пенни. На шее поблескивала дешевая позолоченная цепочка. Женщина подмигнула Эрнчестеру и подбросила юбку движением колена. Штанишек она тоже не носила.

— Торопись, а то опоздаешь на поезд, cher ²! — Она откинула голову, призывно чмокнула накрашенными губами и снова захихикала.

Эрнчестер смотрел на нее без выражения. Он, казалось, несколько усох с тех пор, как Эшер видел его последний раз. Хрупкий старичок в старомодной одежде. Хотя все остальные вампиры выглядели от силы тридцатилетними. Держался Эрнчестер не по-стариковски, не было и седины в его коротко подстриженных прямых волосах, но, глядя на него, Эшер почему-то представлял себе пустой, покрытый пылью стеклянный сосуд.

— Я уже отобедал, — отозвался Эрнчестер.

— Ну и что, маленький? — смеялась женщина. — А десерт?

Кароли с отвращением пробормотал венгерское ругательство, явно относящееся не к женщине, а к бессмысленно потраченному времени, и вытянул из кармана тонкий шелковый шарф. С убийственным изяществом сложил из него петлю и накиннул на шею жертвы. Дыхание пресеклось, она выгнулась, запищала, забила ногами. Один ботинок слетел и с силой вцепился в стену.

Эшер отвернулся, прижавшись щекой к холодным кирпичам. Он знал, что, если попробует вмешаться, станет одним мертвецом больше. Уже с того момента, как Кароли подцепил ее на бульваре, женщина была обречена, и Эшер прекрасно об этом знал.

А еще он знал, что звуки борьбы — треск и скрип кресла, хрип и агония жертвы — заглушат шум его бегства, и тогда он успеет на Гар де л'Эст раньше, чем там окажутся эти двое, а поезд отходит в семь тридцать...

«Слишком долго имел дело с Департаментом», — с горечью успел подумать он, тихо соскальзывая по водосточной трубе. Эшер знал, что спасти эту женщину он был не в силах. Попытка стоила бы ему жизни, и еще миллионов жизней она стоила бы Англии — в том случае, если кайзер собирается развязать войну...

Трус! — проклинал он себя. — Трус, трус!.. Вот и они всегда говорили, что самое главное — добраться домой с информацией, чего бы то ни стоило вам и всем прочим.

Честь для сотрудников Департамента считалась непозволительной роскошью.

Часы пробили семь, напоминая, что времени мало. Эшер приземлился в грудку старых досок у стены бывшей кухни. Крысы брызнули врассыпную, и вновь потянуло мертвечиной.

Он забрал свой саквояж, но что-то заставило его обернуться и возвратиться. Среди развалившихся досок в тонкой полоске света виднелась кисть человеческой руки.

Я уже отобедал, — сказал Эрнчестер.

Эшер нагнулся и сдвинул доску в сторону.

Крысы успели изуродовать лицо мертвеца, впрочем, при таком освещении черт так и так не разглядишь. Однако на пухлом запястье обнаружилась знакомая серебряная цепь.

3

— Было время, когда я сожалел о манерах, утраченных нынешним обществом.

Лидия задохнулась, как при пробуждении от холода или ушата ледяной воды. Бледный мужчина одной рукой вынул из ее судорожно сведенных пальцев самодельное оружие, а другой поднял на ноги. Сила пальцев, сомкнувшихся на локте Лидии, не оставляла сомнений в том, что их владелец может при желании пережать ее руку до кости. Решетка за его плечом была открыта, хотя она не уловила ни малейшего движения со стороны ниши. Оставалось предположить, что в течение нескольких предыдущих мгновений Лидия была в состоянии шока.

И вот теперь он стоял перед ней в белом саване — стройный, надменный и безупречно вежливый. Невысокий. Его глаза, располагавшиеся на одном уровне с ее глазами, мерцали бледной желтизной с коричневыми крапинками, какими обычно покрывается со временем сухая древесина.

Он прижал ее к каменной стене, а когда заговорил, свет керосиновой лампы блеснул на острых клыках.

— Однако с тех пор, как законных королей изгнали во Францию, а взамен пригласили немецких еретиков с их колбасниками и вешателями, нет больше в этой стране ни манер, ни общества. — Гнева в его тихом голосе Лидия не услышала, лицо также оставалось бесстрастным, но хватка не ослабевала по-прежнему. Его руки были подобны мрамору — руки мертвеца. — Всегда считалось, — продолжил он, — что если женщина врывается в дом к спящему мужчине, то, стало быть, она в беде.

В беде был Джеймс. Позже Лидия осознала, что только поэтому и осмелилась прийти сюда. Ее давняя встреча с Исидро была тогда вызвана опасностью, одинаково грозившей им всем. Теперь же все складывалось иначе.

— Я должна была поговорить с вами. Я пришла сюда днем, так что другие не узнают...

Он отпустил ее руку, но лесенка была такой узкой, что они стояли на расстоянии объятия. Лидия отметила, что от тела Исидро не исходит ни тепла, ни запаха. В складках савана, правда, мерещился легкий запах старой крови. За исключением тех мгновений, когда он говорил, тело его хранило полную неподвижность. Ни дыхания, ни жеста.

Она поправила очки.

— Лорд Исидро... дон Симон... мне кажется, мой муж в опасности. Мне нужен ваш совет.

— Ваш муж, сударыня, получил все, что я мог дать ему. Мало того, я оставил его в живых... — Желто-зеленые глаза рассматривали ее отрешенно и холодно. Не кошачьи, но и не змеиные, эти глаза не могли принадлежать и человеку. Ресницы — белые, под стать волосам. — И вновь готов, позволив вам уйти отсюда, вернуть ему сокровище, которого он явно не заслуживает.

— Граф Эрнчестер работает на иностранное правительство.

Черты дона Симона Исидро не дрогнули. Лицо его, словно бы выточенное из слоновой кости, не выразило ни гнева, ни презрения, оставшись задумчиво-умиротворенным.

Такое впечатление, что за несколько столетий он разучился испытывать сильные чувства. Голос также остался ровным и тихим. Дон Симон Ксавьер Христиан Морадо де ла Кадена Исидро был единственным вампиром, с кем довелось встретиться Лидии, и она невольно спрашивала себя: все ли они такие?

— Пройдите наверх.

Он вернул ей оружие и двинулся по темным и влажным ступеням каменной лестницы, высоко подняв керосиновую лампу. Видневшиеся из-под савана ноги были босы. Клубилось позолоченное желтым светом дыхание Лидии, а владелец безымянного дома, казалось, не чувствовал холода.

Четыре кота, материализовавшиеся в судомойне, замыкали, требуя еды, но Лидия обратила внимание, что ни один из них не рискнул приблизиться к вампиру на длину его руки. Исидро поставил лампу на стол и, коснувшись насосика, выровнял пламя. Было чрезвычайно трудно заметить, как и когда он движется. Отдельные и мгновенные зрительные образы не складывались воедино, как во сне. Вот порхнули белые руки рядом со стеклянным колпаком лампы, и вот уже вспыхнул газовый рожок, и мягкое его сияние обозначило небольшой ястребиный нос, длинный подбородок и тени в уголках рта. Исидро открыл ледник и, обратившись к котам по-испански, поставил им миски с мясом и молоком. Затем отступил подальше. Лишь после этого коты осмелились подобраться к еде.

— Откуда вы это узнали? — Он помог ей сесть в кресло, сам же расположился на краешке стола. Его английский был безупречен, если не считать легкой кастильской шепелявости и странно смещенных ударений. В постановке плеч Исидро и в том, как он держал голову, чувствовалось эхо давней привычки к тесным камзолам и пышным высоким воротникам.

Она протянула ему телеграмму, которую получила утром в понедельник с Гар дю Нор:

— Игнац Кароли, он...

— Я знаю, кто такой Игнац Кароли, — спокойно отозвался Исидро, и Лидии показалось, что вот так неподвижно он просидел на этом краешке стола уже лет сто.

Пальцами цвета слоновой кости вампир поднес бумагу к ноздрям, затем мягко провел ею по скуле, тронул нижней губой.

— Венгерский боярин, почитающий службу выше чести. Как и ваш супруг в свое время. Хотя, возможно, венгры и англичане вкладывают в эти слова разный смысл. Дипломат и шпион.

— Я ничего о нем не знала, — сказала Лидия. Страх ее отчасти прошел — по крайней мере Исидро готов был ее выслушать. — Только то, что Джеймс сообщил в телеграмме. Но имя это мне известно. Я нашла его в одном из списков, который составила год назад, когда пыталась найти врачей, вошедших в контакт с вампирами. Этот Кароли был упомянут в примечании к статье о докторе Бедфорде Фэйрпорте.

Дон Симон слегка склонил голову к плечу, став похожим на птицу альбиноса:

— Тот человек, что искал эликсир бессмертия?

— Следовательно, вы о нем слышали?

Вообще-то Фэйрпорт исследовал химические изменения крови и мозга, но определение Исидро показалось ей вдруг удивительно точным.

— Это было в одной из его ранних статей, — медленно продолжала она. — Году в восемьдесят шестом или восемьдесят седьмом он отправился в Австрию изучать крестьян-

долгожителей. Так вот, частная лечебница, где он проводил исследования, принадлежала семейству Кароли, и приглашение исходило именно от Игнаца Кароли. В следующей статье Фэйрпорт благодарит его за финансовую поддержку. Затем фамилия Кароли исчезает и больше не упоминается. Я проверила.

— Больше всего меня изумляет то, что сам я ничего этого не читал. — Особого изумления в голосе Исидро Лидия, впрочем, не услышала. — Хотя подписываюсь на многие журналы, как вы уже, очевидно, заметили.

Лидия покраснела. Отчаянное и неизбежное проникновение в логово вампира обернулось вторжением в частный дом джентльмена.

— Я сожалею... — Она запнулась, но он, не обращая внимания на ее слова, указал на носик с распылителем:

— Что это?

— О... — Лидия вынула из кармана пластырь и залепила носик. — Нитрат серебра. Можно достать в любой лаборатории. Я... Джеймс как-то раз упомянул, что в одном доме могут спать два или три вампира... Видите ли, я просто не знала, с кем встречусь...

Она боялась, что он посмеется над ней, поскольку такое оружие ей вряд ли бы помогло. Но вампир лишь обронил:

«Что ж, изобретательно», и, дотронувшись до насоса, тут же отвел пальцы. В бледном свете газового рожка Лидия видела, что мочки ушей Исидро проколоты на цыганский манер.

— Стало быть, Кароли финансирует этого Фэйрпорта?

— Думаю, да. — И Лидия протянула ему вторую телеграмму, пришедшую из Мюнхена. Телеграмму, заставившую ее спешно упаковывать чемоданы и, наскоро соврав что-то слугам, ехать в Лондон, чтобы найти там того, кто сидел сейчас перед ней на краешке стола, а самый маленький из его питомцев — гибкий дымчато-серый котик — терся об ее ноги.

Исидро взял вторую депешу.

ОТБЫЛ ИЗ ПАРИЖА ТЧК АДРЕС ЭППЛЕР В ЗАПИСНОЙ КНИЖКЕ ДЖЕЙМС

— Здесь он более осторожен в выражениях. — Вампир вновь поднес бумагу к губам. — Вы заглянули в эту записную книжку?

— После того как расшифровала послание — да. — Лидия машинально нагнулась, чтобы погладить кота. Исидро сидел, обхватив обеими руками колено. Длинные ногти вампира обладали странным глянцевым блеском и выглядели более толстыми, чем человеческие. Похоже на хитин. Но прямо спросить джентльмена о химическом составе его ногтей, наверное, было бы крайне бестактно.

— Видите ли, «записная книжка» — это что-то вроде кода, — объяснила она. — Миссис Эпплер здесь вообще ни при чем, это мать одного из студентов Джеймса, проживающая в Ботли (примерно десять миль от Оксфорда). В записной книжке на букву «Е» она идет второй сверху. У Джеймса всегда при себе дубликат этой книжки. Существует простой шифр, когда каждая буква алфавита заменяется следующей по порядку. Я посмотрела страницу на «F», а там на второй строчке — венский адрес Фэйрпорта. Кстати, телеграмма отправлена из Мюнхена в час сорок дня во вторник.

— С той же легкостью вы нашли и меня?

Лидия запнулась, не решаясь лгать. Первый страх миновал, но опасность была еще велика. Она понимала, что, не умея Исидро располагать к себе людей, он бы умер от голода три столетия назад.

Главные страхи — еще впереди.

— Я знала про этот дом, — сказала она наконец. — В теории. Я составила список предполагаемых жилищ вампиров для Джеймса, когда он был... Ну, словом, работал на вас.

Легкая морщинка залегла в уголке рта, чуть заметно дрогнули ноздри.

— Стало быть, австрийская разведка завербовала Фэйрпорта еще тогда, — сказал

Исидро. — Статью, где Кароли упоминается в качестве спонсора, они проморгали. Впрочем, это не удивительно, если учесть, что тогда творилось на Балканах и во Франции. А вот впоследствии Фэйрпорт, очевидно, уже и сам знал, что не стоит оглашать имя своего патрона.

— И это означает, — спокойно сказала Лидия, — что Джеймс сам идет в западню.

Исидро по-прежнему хранил неподвижность, телеграмма в его пальцах не шевельнулась ни разу. Но Лидия видела, как в глубине бледно-желтых глаз словно бы тасуется с невероятной быстротой карточная колода. «Вспоминает», — предположила она. Статьи Фэйрпорта на венгерском и румынском, его работы, касающиеся продления жизни, пребывание в той части мира, которую Джеймс называл колыбелью легенд о вампирах... Наконец он поднял голову и сказал:

— Подождите меня.

Лидия не увидела, как он вышел из кухни. Просто оказалась одна.

Она взглянула на, часы, не имея понятия, как долго ей придется ждать. Если бы она сама собиралась куда-нибудь в крайней спешке, то потратила бы на туалет, завивку и прочее два с половиной часа — время, которое ее супруг, истый мужчина, полагал потраченным попусту. По крайней мере Лидия знала свои возможности — в отличие от знакомых денди, полагавших, что могут привести себя в надлежащий, достойный вид всего за «одну секундочку».

Джеймс рассказывал ей (да она и сама убедилась в этом воочию), что вампиры способны двигаться с умопомрачительной быстротой. Однако мужчинам при сборах свойственно бесконечно перевязывать галстук и перекладывать из кармана в карман деньги, записные книжки, театральные билеты, словно от этого зависит их дальнейшее равновесие. Быть может, они и после смерти остаются такими же?

Двадцать пять минут — загадала она и прождала вдвое больше, прежде чем Исидро возник снова. В пепельно-сером костюме он казался еще бледнее, нежели в белом саване.

— Идемте.

Глухие зловонные улочки и переулки, которыми он вел ее, были не освещены и полны скрытого движения. Должно быть, маршрут их не был прям, но убедиться в этом Лидия не могла, поскольку, стоило им выйти из дому, дон Симон забрал у нее очки. Кроме того, пока они шли, он трижды или даже четырежды коснулся ее разума, и каждый раз она словно пробуждалась от сна уже на другой улице, в другом дворе. Вокруг шевелилась ночь, мерцали смутные огни пабов, слышалась брань на идиш, немецком и русском, худые бородатые люди толпились в дверных проемах и возле жаровень. Те, что попадались навстречу, казалось, не замечали ни Лидию, ни дона Симона и тем не менее поспешно уступали им дорогу.

Каждую вторую неделю Лидия отправлялась в Лондон работать в анатомичке Святого Луки, куда пропахшие карболкой и формалином фургоны доставляли тела точно таких же людей с коричневыми сломанными зубами, грязных, завшивленных, умерших от пневмонии или запущенной опухоли, — материал, на котором Лидия и ей подобные изучали с помощью ланцета сложную красоту мышц и нервов.

Впервые наблюдая этих людей живыми и в естественной среде обитания, Лидия испытала соблазн расспросить их о пище и условиях работы, что несомненно бы внесло заметный вклад в патологию. С другой стороны, она была очень рада, что находится под защитой Исидро.

Они пересекли дощатый мост. Туман был настолько густ, что снизу сквозь него почти не проглядывала вода. Сбоку проступили и канули темные очертания старинной церкви. Потом был мерзкий двор позади паба, пропахший тухлятиной и кошками. Хотя глаза уже привыкли к темноте, Лидия только и смогла увидеть, как порхнули мотыльками бледные руки, а дальше послышался лязг замка. Скрипнули петли. Исидро сказал: «Прибыли», — и они ступили в непроглядный мрак.

Чиркнула спичка, бросив шафранный свет на узкое лицо Исидро.

— Не бойтесь, крыс здесь нет. — Он зажег пару сальных свечей в двойном канделябре.

Сквозь дыры в заплесневелых черных обоях виднелась кирпичная стена. — Подобно котам, они знают, кто мы такие. Знают они и о том, что хотя главная наша дичь — люди, кровь мы можем пить из любого живого существа. — Он поднял канделябр повыше. Сдвоенные тени закружились в причудливом танце. Исидро и Лидия направились к лестнице черного хода. — Антея и Эрнчестер редко спят сейчас в доме на Савой-Уок. Слишком много воспоминаний. Вообще-то она предпочитает охотиться поздней ночью, но, может быть, ушла к портнихе.

Пересекая зал (ободранный шелк на стенах, черные провалы дверей), Лидия снова взглянула на часы.

— Я полагала, портнихи работают по ночам только перед Рождеством...

— Одни расплачиваются деньгами, сударыня, другие — своим сном и досугом. Я, например, посещаю моего сапожника в полночь, и он всегда встречает меня с восторгом.

— Что вы ему говорите? — Лидия попробовала представить себе модистку своей тети Гарриет, принимающую клиента после семи (будь это хоть сама королева!), — и не смогла.

Исидро окинул ее взглядом светлых янтарных глаз:

— Я говорю ему, что не потерплю такой безвкусицы, как двухцветные ботинки и пуговицы, торчащие наружу. — Он остановился перед дверью. — Примерно так.

Мебели в помещении, как и в доме Исидро, было немного — и вся старая. Кровать с резным изножием стояла впритык к стене, обшитой ветхими деревянными панелями; покрывало выцвело под стать обоям на лестнице; у другой стены — платяной шкаф черного дерева, безнадежно загубленный, пятнистый, с пыльными завитками резьбы. Двери его были распахнуты. На кровати валялись нижние юбки, корсеты, чулки, огромное манто и два платья. Ни одно из них, по мнению Лидии, не годилось для путешествия, первое вышло из моды, второе было белое. Никакая нормальная женщина, будь она живой или мертвой, в поезде его носить не станет.

— Она ушла вслед за ним, — сказала Лидия, заглядывая в платяной шкаф. Там висели только вечерние платья из бархата и шелка, сильно декольтированные. Исидро вернул ей очки. Она открыла нижний ящик. Дорожной обуви там тоже не обнаружилось. — И собиралась она в спешке.

Лидия приостановилась, нахмурилась, надела очки. Зрение прояснилось, и стало заметно, что беспорядок вокруг ужасающий: из наспех задвинутых ящиков свисали рукава, шарфы, кончики платков.

— Здесь был обыск! — Исидро, незаметно улетучившийся в соседнюю комнату, возник снова. Казалось, он принохивается. — Несколько дней назад сюда приходили живые. Я чувствую слабый запах их табака и крови. — Он осмотрел валяющиеся на кровати наряды. Цвет их, насколько могла Лидия различить в янтарном сиянии свечей, говорил о том, что владелица гардероба темноволоса. Все отличного качества: шведский хлопок, мелтоновская шерсть, итальянский шелк.

— Одни только ее вещи. — Рукой в серой перчатке Исидро поднял сорочку. — Его вещей нет. Мне это не нравится, мсис Эшер. — Он позволил шелку выскользнуть из пальцев. — Многие годы Эрнчестер был единственным смыслом существования Антеи. Она сильная натура, чего нельзя сказать о нем. Хрупок, как стекло.

— Может, это и было причиной? — Лидия отвлеклась от ящика, на дне которого лежали заколка слоновой кости и ножницы. Все остальное отсутствовало: гребни, щетки, зеркала. Соседний ящик был выдвинут. Там, подобно мертвым паукам, лежали перчатки самых разных расцветок.

Исидро приподнял бровь.

Лидия продолжила с сомнением:

— Может, он от нее сбежал?

— Ища убежища за границей, в Австрийской империи? — Он обогнул угол кровати, коснулся вмятины на пыльном покрывале, и ноздри его вздрогнули вновь, улавливая тончайшие запахи. — Не думаю. Она любила его, берегла. Она была для него всем. — Он помедлил, отвернулся; лицо — бесстрастное, как и голос. — Бывает, правда, что любят и

ненавидят одновременно. Это то... — Снова помедлил, поколебался — и закончил: — То, что я никогда не понимал, будучи живым. Она встретила его взгляд, но не ответила.

Спустя некоторое время он сказал:

— Почтовый на Кале отбывает от Черинг-Кросс в девять. Сомневаюсь, чтобы мы успели собраться до этого времени. Так что встречаемся завтра в восемь на платформе: вы и ваша служанка. А я предварительно телеграфирую в Париж...

— Я не возьму с собой служанку, — возмущенно сказала Лидия.

Брови Исидро приподнялись вновь, бесцветные на бесцветном лице:

— Она не узнает, кто я такой. Просто случайный попутчик.

— Нет.

— Миссис Эшер...

— Тут не о чем спорить, дон Симон. — Мысль о путешествии в Вену с попутчиком-вампиром была страшна сама по себе. Но подвергать такой же опасности еще и ни в чем не повинную Элен... — Я пришла к вам за советом относительно вампиров, в частности — относительно лорда Эрнчестера. И не услышала пока что ничего конкретного. — Ей показалось, что в глубине светлых янтарных глаз вспыхнуло раздражение, но, к своему удивлению, страха она не почувствовала. — И я не возьму с собой никого — тем более женщину, которая служит у меня вот уже пятнадцать лет, — даже не предупредив о предстоящей опасности. Нет, это невозможно.

— Порядочные женщины не путешествуют в одиночестве.

— Чепуха! Моя подруга Джосетта Байерли всегда ездит одна — и...

— А вы одна не поедете. — Голос Исидро не стал громче, но Лидию словно обдало ледяной волной. — В мои времена из дому в одиночестве выходили только крестьянки да уличные женщины.

— Ну, если бы сейчас вдоль дороги от Лондона до Кале бродили шайки разбойников и наемных солдат, я бы, конечно, прислушалась к вашему совету...

— Перестаньте говорить глупости. Кароли опаснее любой шайки, не говоря уже об Эрнчестере.

— Это вы говорите глупости, — огрызнулась Лидия, хотя в глубине души признавала, что он прав. — Сейчас двадцатое столетие, а не семнадцатое. Я с благодарностью приму любой ваш совет...

— Советы мало помогут вам против Кароли и Эрнчестера. Если вы хотите уберечь вашего мужа от опасности, вы должны ехать со мной. Я же отправляюсь с вами, чтобы предостеречь Чарльза от того, что он затеял, каковы бы ни были его мотивы. Лидия молчала, обессиленная одной только мыслью о предстоящей поездке.

— Если это ваш долг, — медленно произнесла она. — Спасибо... но я не возьму служанку в путешествие, где она может встретиться с Эрнчестером или догадаться, кто вы такой. Это вполне вероятно, — добавила Лидия. — Элен весьма любопытна и гораздо умнее, чем кажется. Я не могу с ней так поступить.

— Наймите кого-нибудь специально для путешествия.

— Чтобы вы ее потом убили, когда все кончится? И меня заодно? — добавила она, холодея при мысли о таком исходе. Лидия и так уже слишком много знала. Одно только ее вторжение в логово вампира грозило нарушить границы, тщательно обговоренные Джеймсом и Исидро год назад в доме на Харли-стрит — ныне сгоревшем.

«Ему нужен живой попутчик, — подумала она. — Кто-нибудь способный позаботиться о его дневном укрытии. Кто-нибудь настолько знающий Джеймса, чтобы выследить его... и таким образом выйти на Кароли с Эрнчестером».

Она сказала Элен и миссис Граймс, что едет в гости к кухне. Значит, ее хватятся только через неделю.

— Вам не стоит бояться меня, сударыня, — медленно проговорил вампир. — Не стоит бояться и за попутчицу — во всяком случае, до тех пор, пока она не начнет совать нос куда не следует.

— Нет.

Джеймс рассказывал ей о способности вампиров овладевать разумом живых людей, о холодной стискивающей мозг хватке. Но с ее помощью можно было лишь отвлечь внимание, сбить с мысли. Изменить решение таким образом не заставишь. И Лидия видела, что Исидро тоже это понимает.

— Коль скоро мы собираемся странствовать вместе, я просто не могу допустить, чтобы вы путешествовали подобно гулящей девке, — сказал он. — Полагаю, ваш супруг согласился бы со мной.

— Это его дело, согласился бы он или нет, — сказала Лидия. — Я же скорее соглашусь выглядеть гулящей девкой, чем предать доверившегося мне человека. Если это вам не подходит — хорошо, я обойдусь без вашей помощи.

Исидро склонился и поцеловал ей руку. Губы его были — как шелк в морозную ночь.

— Что ж, доброго пути, сударыня. И доброго исхода вашей встречи с неумершим.

С чувством внезапного пробуждения она обнаружила, что осталась одна.

* * *

Было довольно поздно, когда Лидия выбралась из этого совершенно незнакомого района Лондона. Хотя туман сгустился, а ночь стала еще холодней, на улицах было полно народу. В основном это были иностранные рабочие, направляющиеся в изобилующие здесь веселые дома, и матросы, словно бы задавшиеся целью подтвердить мысль Исидро о том, что в одиночестве гуляют только уличные девки. Впрочем, многие услышанные Лидией слова были ей просто непонятны. Суфражистские идеи Джозетты сюда еще явно не проникли. Надо будет ей как-нибудь об этом сказать.

Как Лидия и подозревала, река обнаружилась неподалеку. На широкой освещенной электрическими фонарями набережной она остановила кеб и велела ехать в небольшую гостиницу близ музея, где оставила свой багаж.

Уже в номере Лидия решила, переодеваясь, что скорее рада, нежели огорчена утратой такого спутника, как Исидро. Многие путешествовали в одиночку, почему бы не последовать их примеру? Взгляды Исидро отдавали антиквариатом, в то время как мир вокруг был полон полисменов, портье, гидов, кебменов, туристических бюро, отелей с прекрасным обслуживанием. Магазинов, наконец, если в спешке забудешь что-нибудь захватить. Отсутствие служанки, конечно же, создаст определенные неудобство, но в крайнем случае можно будет воспользоваться услугами горничной в отеле.

Непохоже, чтобы Лидия встретилась с Джеймсом до того, как прибудет в Вену. Оставалось надеяться, что, будучи человеком профессионально осторожным, он воздержится от немедленных действий и не будет слишком откровенен с перевербованным агентом (если тот, конечно, перевербован). В крайнем случае Лидия даст знать тамошнему представителю Департамента, что Джеймса надо искать в клинике доктора Фэйрпорта, расположенной в Венском лесу.

Если представитель Департамента сам не перевербован.

Судя по рассказам Джеймса, такое было вполне возможно.

В очередной раз преодолев чувство паники, она осмотрела свой собранный за одну ночь багаж: пеньюар, две пары комнатных туфель, еще одна пара — изящная, но менее удобная, розовая вода и глицерин для рук, прославляемая тетей Гарриет ананасовая вода против морщин, оправленная серебром щетка для волос, гребень, зубная щетка, маникюрный набор, щипцы для завивки, заколки, нижнее белье, корсеты, юбки, серебряные ножи, заточенные настолько, насколько можно вообще заточить серебро, и револьвер тридцать восьмого калибра, заряженный серебряными пулями.

Укладывая все это рядом с тальком, рисовой пудрой, румянами, лосьонами и духами, Лидия чувствовала себя героиней дешевого романа — из тех, что выходят в бумажных

обложках.

Еще тут была рыночная корзинка, приобретенная в Ковент-Гарден и содержащая косицу чеснока, пакетики аконита и боярышника, ветки шиповника и осиновый колышек. Лидия разложила это все на подушке, а частью развесила на единственном окошке холодной спальни (остановиться в другом, более приличном отеле, она не решилась, боясь столкнуться с людьми, знакомыми с ее семейством).

Раздетая и непричесанная, она задумалась, не предложить ли кому-нибудь из подруг составить ей компанию.

Джосетта разбирается в политике и ничего не боится, зато, где бы ни оказалась, яростно добивается собственного ареста за суффражистские взгляды и терпеть не может законы. Другая близкая подруга, Энн Грешелм, умнее и рассудительнее Джосетты, но она сейчас читает лекции студентам, да и со здоровьем у нее неважно. Кроме того, Лидия была почему-то уверена, что любой другой вампир на месте Исидро не оставил бы в живых того, кто хотя бы заподозрил о существовании ночных охотников. Выдать этот секрет Джосетте или Энн означало подвергнуть их такой же опасности.

Снова пойти к Исидро и согласиться ехать вместе с ним? Он опять потребует взять с собой Элен...

Лидия вздохнула, засунула револьвер под подушку и провалилась в сон — среди скомканных одеял, расписаний поездов и путеводителей по восточной Австрии.

Запах чеснока... — подумала она уже во сне. — Чеснок... дом в тумане...

* * *

Она стояла на террасе высокого особняка, наполовину деревянного, наполовину каменного. По одну руку от нее располагался облитый луною сад, по другую — светились мозаичные цветные окна. Заглянув в одно из них, она увидела затянутых в бархат придворных и мягкое сияние алмазов времен царствования Елизаветы. Там танцевали. Лидия слышала нежную замысловатую музыку. Мужчины носили маленькие «шекспировские» бородки и выглядели довольно забавно в тесных чулках и подбитых ватой оливково-зеленых камзолах. Женщины щеголяли юбками размером с кухонный стол и стоячими злато кружевными воротниками.

Женщину, стоящую у окна, Лидия заметила, потому что на ней было вполне современное платье из коричневой саржи — словно бы с чужого плеча. Лицо у незнакомки было открытое, с чуть скошенным подбородком, обильные вьющиеся волосы рассыпаны по узким плечам. Стоило, однако, Лидии присмотреться, как выяснилось, что одеяние женщины вполне соответствует елизаветинским временам. Наряд служанки или бедной родственницы. Маленькая рука теребила агатовую пуговку на рукаве.

Потом Исидро произнес — очень мягко:

— Вы полагаете, они так бы танцевали, будь их одежда более удобна?

Его голос был столь тихим, что Лидия удивилась, как она вообще может расслышать его сквозь музыку и сквозь стекло. Дон Симон стоял рядом с женщиной в коричневом платье. Его черный бархатный камзол, открытые туфли и чулки с подвязками у колена шли ему больше, чем всем прочим; светлые волосы казались в таком освещении темнее, чем обычно, и приобрели медовый оттенок. Девушка ответила неслышно, но ответ ее заставил дона Симона рассмеяться. Неужели она не видит? — в ужасе подумала Лидия. — Не понимает, кто он такой?

Какое-то время они стояли плечом к плечу, разглядывая фантастически одетых танцоров, — девушка и вампир. Затем сон изменился, поплыл. Она снова увидела этих двоих, но уже в другом саду (высокие цветники, фигурно стриженные кустарники), где он кружил ее в вальсе при свете луны под слепыми взглядами мраморных богов. И их поцелуй — позже, в сводчатом проходе меж двумя домами, построенными на мосту, и красный свет

факелов отражался в глазах Исидро. Через другое окно (два окна, потому что Лидия находилась в темном доме напротив) она видела, как та же девушка, но уже в домашнем наряде, склоняется над лежащим на растерзанной кровати доном Симоном, в груди которого торчит клинок (рана для человека — смертельная). Исидро шевельнул рукой, и девушка припала губами к его губам.

— Ты не похожа на других, — услышала Лидия, оказавшись перед окном, за которым вновь звучали скрипки и раздавался смех танцующих придворных. «Версаль?» — предположила она, исходя из покроя темно-сливового шелкового одеяния Исидро. — Как я бесконечно устал от них! Я и не думал, что встречу такую женщину, как ты. — И он поднес руку девушки к губам. — Мы знали друг друга, мы любили друг друга — когда-то, в бесконечно далеком прошлом. — Он закутал девушку в тяжелый бархатный плащ. Они стояли в зимнем лесу, и луна сияла на синих снегах. Волосы девушки были растрепаны, одежда разорвана. Лидия знала, что Исидро выручил ее из беды, о чем свидетельствовал и мужской труп, лежащий в овраге на берегу скованного льдом ручья. Ногам стало холодно. Стоя за деревом по колено в снежной хляби, Лидия чувствовала, как, напокая, тяжелеют ее юбки.

Девушка в коричневом — на ней, как и раньше, было коричневое платье со вздутыми рукавами и широким воротником, — прошептала:

— Я помню, Симон, я помню... все... — И их губы встретились.

Нет! — крикнула Лидия — и хотя дыхание ее заклубилось в лунном морозном воздухе, звука не было. — Он лжет тебе! Он собирается убить тебя! Ужаснувшись, она хотела подбежать к ним, но черные сучья вцепились в юбку и не пустили. Она попыталась освободиться, ветки ломались в пальцах, как мертвые насекомые. Она проснулась, сжимая ветку шиповника, что лежала рядом с ней на подушке.

* * *

Лидия отправилась в Париж двухчасовым поездом. Даже после того как странная путаница романтических интерлюдий в лунном свете исчезла из ее сновидений, проснулась она с ледяным ощущением, что стройная желтоглазая тень поджидает ее за дверью. Поднявшись, Лидия приняла ванну, оделась, собрала вещи, привела себя в порядок (все это без помощи служанки), после чего выяснилось, что на утренний поезд она не успевает. «Никогда больше не буду останавливаться в таких отелях, — подумала она. — Лучше уж случайно столкнуться с кем-нибудь из родственников!»

В Париж она прибыла в девять, но в связи с усталостью и головной болью решила пропустить поезд на Вену, который отходил в час тридцать от другого вокзала, и остановилась в отеле «Санкт-Петербург»,

В Париж Лидию вывозили еще в детстве, а в последнее время она часто приезжала сюда на медицинские конференции. Хорошо владела французским и знала, как себя здесь вести. Возможно, что путешествие окажется не таким страшным, как ей представлялось, поскольку Лидия все привыкла делать методично, шаг за шагом, как в анатомичке.

Спала она плохо, вновь снились девушка в коричневом и дон Исидро. То он спасал ее от гвардейцев кардинала, то они целовались под полной луной в пустынях Марокко. Проснувшись в темноте, Лидия лежала, натянув одеяло до подбородка, смотрела на проникший сквозь щель жалюзи свет электрического фонаря, слушала голоса, доносящиеся из кафе внизу, и гадала, где сейчас находится Джеймс и все ли с ним в порядке. По улице прокатил молочный фургон — и она уснула.

Венский экспресс отправлялся в семь тридцать, так что у Лидии оставалась достаточно времени не только на сборы, но и чтобы заглянуть в магазины.

Она намазывала маслом круассан в почти пустом обеденном зале, размышляя о патологии ногтей дона Симона Исидро, когда услышала мурлыканье официанта «Б'нжур,

м'мзель», — и, подняв глаза, увидела входящую в зал даму. На таком расстоянии и без помощи очков Лидия не могла разглядеть лица вошедшей, но в целом женщина произвела на нее впечатление безобидного создания; довольно высокая, чуть сутулая, она двигалась несколько робко, словно чувствуя себя иностранкой в своей родной стране.

И Лидии вдруг почудилось, что где-то она ее уже видела. Женщина приблизилась, размытые черты обрели ясность, и Лидия наконец поняла, в чем дело.

На женщине было коричневое платье со вздутыми рукавами и широким воротником, какие носили в девяностых. Лидия поставила чашку на стол.

— Миссис Эшер? — Женщина остановилась возле ее столика, неловко сцепив руки в перчатках. С виду ей было примерно двадцать три года, и она казалась несколько более неуклюжей, чем в сновидениях. И еще на ней было пенсне. — Дон Симон сказал мне, что я смогу вас найти здесь.

4

В те дни, когда Эшер работал в Вене, в моде был вальс из балета Чайковского «Щелкунчик». Убаюкиваемый перестуком вагонных колес, Эшер слышал его вновь и, прикрыв глаза, мысленно переносился вослед за мелодией в освещенное мягким светом газовых рожков кафе «Нью-Йорк». Карнавальный сезон, искрящийся снег на мостовой, а вокруг — оживленный говор на французском, итальянском, немецком. Светские сплетни и споры о психоанализе, музыке, политике и кто кому наставил рога. Тринадцать лет назад...

Матроны в масках и карнавальных костюмах, ищущие острых ощущений; офицеры в мундирах, бряцающие саблями и шпорами.

Франсуаза.

— Здесь все кем-то притворяются, — сказала она в ту ночь, когда они направлялись в кафе после бала в честь Святого Валентина, данного ее братом, и Джеймс осознал, что эти слова в первую очередь ему следует отнести к самому себе.

Несмотря на тридцатипятилетний возраст, худощавое лицо и почти шесть футов роста, что-то в ней завораживало мужчин. Ее брат был директором крупнейшего венского банка, владельцем поместий, виноградников и кварталов в Седьмом округе. Его жена, младшая дочь барона, в течение многих лет пыталась найти Франсуазе мужа из дипломатов.

Эшер часто задавал себе вопрос: выйдет ли она когда-либо замуж? Поверит ли какому-нибудь другому мужчине?

— Люди просиживают в таких кафе целыми днями, пьют кофе, читают газеты, разглядывают прохожих. — Она грациозно пожала плечом, усмешка ее была печальна. Смуглолицая. Изумруды в ее серьгах искрились в тон глазам. — Со стороны это выглядит очень мило, но на самом деле большинство из них обитают в тесных однокомнатных квартирах и сбегает сюда от семейных сцен, кухонного чада и грязных пеленок. Мы здесь в Вене тонко различаем титулы, соблюдаем правила хорошего тона, а вокруг словенцы, сербы, чехи, молдаване, мусульмане требуют, чтобы у них были свои школы, свой язык, свои государства. Они бросают бомбы, стреляют, учиняют мятежи, зовут на помощь Россию, Англию, кого угодно, кто бы помог им освободиться.

Ее большая рука в длинной перчатке цвета слоновой кости метнулась, словно пытаясь сорвать невидимую завесу. Эшер познакомился с Франсуазой на балу Двенадцатой ночи. Он предстал перед ней тогда в привычном облике профессора-фольклориста. Фольклор был всегда популярен в Вене, особенно экзотический, чудесные истории о японских оборотнях или китайских феях. Но Эшер, часто встречаясь с вышеупомянутыми сербами, чехами и молдаванами, был так же неплохо осведомлен о бомбах, мятежах и планах отделения от Австрии.

Ему не нужно было встречаться с Франсуазой еще раз. Но он встретился.

— Когда мы жалуемся, — продолжала она, — это вовсе не жалобы. Когда мы всхлипываем, это еще не означает, что нам больно. Танцуем — не для веселья. «Да» не

означает «да», «нет» редко означает «нет». Дворцы, которые вы видите, на самом деле не дворцы, и каждый толкует о чем угодно, только не о том, что его действительно интересует. — Она взглянула на него, слегка нахмутив темные брови и как бы не решаясь о чем-то спросить. — И мы вечно сомневаемся, что перед нами: лицо или маска.

Эшер глядел в ее светло-зеленые глаза и не знал, что ответить.

Я просил тебя на прошлой неделе выяснить, кто из знакомых тебе офицеров особенно глубоко влез в долги.

Я прибыл сюда за сведениями, которые погубят твою страну, твоих родных и близких.

Мне кажется, я люблю тебя.

Он и сам бы не смог сказать, когда это случилось.

Маски упали. Эшер и Франсуаза глядели друг другу в глаза. Но даже теперь, вспоминая все это в полудреме, он не знал, что ей сказать.

Франсуаза улыбнулась, снова надев маску любезности.

— Вальс цветов, — сказала она. — Вы танцуете?

Он не должен был возвращаться в Вену.

Эшер заставил себя проснуться. Спать было рано. Сзади в синей мгле еще мерцали огни Парижа. Он прихлебывал черный кофе, принесенный проводником. Отдельное купе было дорогим удовольствием. В кармане вновь оставалось не более пяти фунтов.

Однако в экспрессе Париж-Вена ему следовало ехать только первым классом, чтобы чувствовать себя в относительной безопасности и иметь доступ к вагону, в котором могли находиться Кароли и Эрнчестер. Неизвестно, суждено ли ему проснуться следующим утром.

Кароли.

Здесь все кем-то притворяются.

На другом карнавальном вечере Кароли, помнится, прервал танец с одной из самых богатых наследниц Вены, чтобы выбежать на улицу и запретить извозчику хлестать упавшую лошадь.

— Впечатляюще, — заметила Франсуаза и, когда Эшер поднял бровь, пояснила: — Если обратили внимание, он ведет себя так, только когда на него смотрят.

Эшер давно обратил на это внимание, но он не предполагал, что это заметила и Франсуаза.

Он не успел дать телеграмму Лидии. Как и Стритхэму — о смерти Картера.

Стритхэм покидает офис ровно в семь и приходит утром на службу не ранее двадцати минут одиннадцатого. Лишь бы он завтра не изменил этой своей привычке!

Стоило заснуть, как привиделась выгнувшаяся в кресле рыжеволосая проститутка. Она хрипела и била ногами, прощаясь с жизнью.

Потом — изъеденное крысами лицо Крамера. Пугающие сновидения засасывали, увлекали во тьму. Я уже бывал в этой комнате, — подумал он. — Когда? За плотно занавешенными окнами слышался шум проливного дождя. Раньше комната была обставлена, теперь же из мебели в ней остался один лишь стол, залитый воском свеч, сгоревших почти до конца. Их нарциссовый свет ощупывал бархатное одеяние, брошенное на край стола, и мерцал на драгоценных камнях прячущейся в складках бархата диадемы. Сон был похож на воспоминание. Чувствовалось, что за окнами глубокая ночь.

Женщина, неподвижно лежащая на желтом мраморном полу возле стола, подобно второму одеянию, брошенному небрежным слугой, была черноволоса, ее растрепанные локоны, тронутые бликами свечей, обретали оттенок корицы.

— Антея... — Другая женщина пересекла комнату, пройдя в каком-нибудь шаге от Эшера. — Антея, ты должна лечь в постель.

Даже во сне Эшер отметил удлиненность гласных звуков в ее речи и машинально подумал: «Конец семнадцатого столетия...» Вошедшая была в черном. На фоне кружев ее лицо казалось безжизненным. Глаза — красные, припухшие.

— Уже далеко за полночь. — Она с шорохом опустилась на колени и тронула руку лежащей.

— Как он мог умереть? — В ясном, низковатом для женщины голосе не было слышно слез, в нем звучало лишь усталое недоумение. — Я не... не чувствую его. Неужели я поднимусь сейчас по лестнице, а он на ждет меня там, наверху? — Лежащая приподняла голову, как пьяная. И хотя от Эшера ее отделяло футов двадцать, он увидел ее глаза цвета осенней дубовой листвы, устилающей дно пруда.

— Я чувствовала то же самое, когда умер мой Эндрю. — Вторая женщина помогла ей подняться с пола. Антея держалась на ногах нетвердо, высокая и прекрасная — даже в сбившемся смятом наряде. — Поверь мне, дорогая, он мертв.

Медленно, как старуха, Антея двинулась к столу и тронула бархатный покров, на котором раньше, как догадался Эшер, стоял гроб. Голос ее стал совсем ребячьим:

— Не знаю, что я теперь буду без него делать.

Она повернулась и вышла из комнаты, как бы не замечая своей подруги, следовавшей за ней по пятам. Эшера она не увидела, хотя прошла так близко от него, что коснулась его ног краешком платья. Ее сброшенная вуаль осталась лежать на полу подобно черной розе. -

— Стеффи, дорогой, ты невыносим со своей ревностью!

Эшер проснулся. В глаза бил солнечный свет, шея затекла, покачивание вагона отдавалось в костях. Он сел, слушая, как Стеффи (кем бы он ни был), ворча что-то на берлинском диалекте, удаляется вместе со своей венской подружкой по коридору в сторону ресторана. Эшер дотянулся и выключил электрический светильник, затем нажал кнопку звонка. Велел явившемуся проводнику принести воду для бритья, сопроводил просьбу чаевыми (непозволительная в его положении роскошь) и осведомился, который час.

— Десять утра по венскому времени, сэр, — ответил тот по-французски с итальянским акцентом. — В Париже — девять. Местное время, насколько я могу судить, — четверть десятого.

Эшер был слишком измотан вчера, чтобы перевести часы на венское время, и сделал это сейчас.

— Когда здесь можно позавтракать?

— Сразу, как только вы побреетесь, мсье. — Проводник коснулся козырька. «Венецианец», — предположил Эшер. Смуглый, держится с изяществом, свойственным даже старикам в этой древней республике. — Я сам обслуживаю мсье.

Эшер вручил ему еще два франка серебром. Должно быть, в карманах проводника венского экспресса найдутся и доллары, и пиастры.

— Не могли бы вы выяснить: тот венгерский джентльмен, что едет вместе с англичанином, все еще сидит в ресторане? Но только, — добавил он, поднимая руку, — не привлекая его внимания.

Темные итальянские глаза просияли интересом, и Эшер добавил еще один франк.

— Семейные дела, — пояснил он.

— А! — Итальянец понимающе кивнул. — В том купе, где едут венгр и англичанин, свет горел всю ночь, но чем они там занимались, сказать не могу — шторка была задернута. Но они не вызвали меня утром, а когда я зашел навести порядок в купе, постели были не тронуты. — Он выразительно посмотрел на несмятую постель Эшера. Вчера вечером Джеймс сразу же заперся изнутри, и если этот человек стучался в его купе, то он его просто не слышал.

Вскоре проводник, которого, по его словам, звали Джузеппе, принес горячей воды, поднос с завтраком и известие, что венгерский герр Фекетело покинул ресторан. Покончив с едой, Эшер прогулялся по коридору, надеясь, что Кароли, подобно своему попутчику, будет отсыпаться весь день. Его собственное купе находилось рядом с гармошкой перехода в вагон-ресторан. Купе, занимаемое Кароли и Эрнчестером, было в самом конце поезда, а следующим, как заметил Эшер, шел багажный вагон.

Он был опечатан, но Джеймс сам часто имел дело с дубликатами ключей, вдобавок был осведомлен о физических возможностях вампиров, поэтому прекрасно сознавал, что для Эрнчестера это — не преграда.

Эшер передал Джузеппе еще несколько франков из своего скудного бюджета, велел ему точно так же принести на подносе и ленч. И все же было гораздо приятнее путешествовать по Европе таким способом, нежели блуждать в Альпах с пулей в плече, с номерами компрометирующих счетов швейцарского банка в кармане и с Кароли за спиной. В Мюнхене экспресс сделал полуторачасовую остановку, к составу добавили два вагона второго класса и спальный вагон, следующий из Берлина. Эшер рискнул сбегать на телеграф и отбить две депеши: одну Лидии — об изменившихся планах, другую Стритхэму — о смерти его агента.

Он до сих пор был в бешенстве, причем не столько из-за Кароли с Эрнчестером, сколько из-за Стритхэма, отрядившего на столь опасное задание самого неподготовленного из своих людей.

Пересекши огромное пространство вокзала, накрытое стеклянным потолком, сквозь который просеивался серый свет ненастного дня, Эшер пытался вспомнить, кто был начальником венского отделения. По крайней мере Фэйрпорт должен был еще находиться в Вене, занимаясь между делом омолаживанием богатых пациентов, — суетливый, застенчивый, болезненный, в неизменных нитяных перчатках и с фанатическим блеском бледно-голубых глаз.

Эшер улыбнулся, вспомнив три дня, которые он провел с этим забавным ипохондриком, сопровождая его в отдаленное чешское селение, где Фэйрпорт собирался побеседовать с крестьянами, заставшими в живых своих прадедов и прабабок, а сам Эшер намеревался исследовать местные варианты глагола *byti* или *biti*. Ну и заодно взглянуть на ведущую в Саксонию лесную дорогу, которую не к добру решили отремонтировать и расширить, причем за берлинские денежки. Старик ни разу не снял перчаток в течение всего путешествия, пил согретую воду из родников, ибо это благоприятно сказывалось на его печени, и употреблял только свою особую пищу. Местные крестьяне лишь трясли головами и называли его промеж собой «постирушкой» и «английской бабушкой», а владелец постоялого двора отвел Эшера в сторонку и вполне серьезно спросил, неужели в городе (имелась в виду Вена) нет докторов, которые бы вылечили беднягу. Было крайне сложно объяснить ему, что «английская бабушка» и есть такой доктор.

Эшер усмехнулся этим своим воспоминаниям и возвратился в купе, чувствуя, что пока у него все складывается неплохо. Кроме отправки телеграмм, он еще купил «Нойе-Фрайе-Прессе» и две детские игрушки: медведя, который, будучи заведен с помощью ключа, бил в литавры, и ослика, умеющего ходить по наклонной плоскости. Обоих он привел в действие на столе и наблюдал за ними с мрачным удовлетворением.

Другие пассажиры возвращались в вагоны, отягощенные новыми книгами, журналами, газетами, сладостями и печеньем. Через окно он увидел мужчину, который скорее всего был тем самым ревнивым Стеффи, и его фееподобную венскую подружку с охапкой свежих цветов, улыбающуюся людской способности поверить в то, во что им хочется верить.

Были там и прекрасная вдова в безукоризненном одеянии, сопровождаемая девушкой с коровьими глазами и тремя черными маленькими французскими бульдогами, седобородый джентльмен с лицом воина-монаха и с ним юноша (не то внук, не то слуга). Кароли, чисто выбритый, свежий, с зимней розой в петлице, прогуливался по платформе, приостанавливаясь и вежливо приподнимая шляпу, когда бедно одетые девчушки предлагали ему купить орехов. Интересно, нашла полиция тело задушенной им проститутки?

Почему Эрнчестер?

Поезд уже тронулся, а Эшер все еще ломал над этим голову.

Почему вообще англичанин? Значит ли это, что венские вампиры отказались сотрудничать с австрийскими властями? Это, кстати, вполне вероятно. Жители Вены, насколько было известно Эшеру, отличались неисправимым легкомыслием, полагая вслед за окружающими их чехами, венграми, сербами, молдаванами, венецианцами, что император, которому они вынуждены служить, — не более чем старое пугало.

И все равно, чтобы там ни обещало правительство, вампиры сотрудничать с ним не

станут. За семнадцать лет шпионской деятельности Эшер узнал, как правительство (какое угодно) держит слово.

Кроме того, это не объясняет, почему был затребован именно английский вампир. Почему не французский, не германский?

Или тоже уже затребованы? Эшер замер, представив багажный отсек, уставленный гробами, и вагон-ресторан, где за каждым столиком белеют меловые лица вампиров.

Если дела обстоят именно так, какого черта он вообще едет в Вену? Спихнуть эту проблему на руки того, кто заведует сейчас тамошним отделением? Послать на смерть очередного желторотого новичка?

Он откинул койку, разделся и вновь уснул, чтобы очнуться с тем давним знакомым чувством, будто сознания его только что коснулось сознание вампира. Из коридора сквозь задернутую шторку внутрь проникал один-единственный луч. Купе — одноместное, даже если кто-то проник сюда снаружи, спрятаться ему негде. Эшер припал к дверному окошку, отвел шторку, коснулся глаз.

Кароли и Эрнчестер прогуливались по коридору. Кароли вел беседу, плавно помахивая рукой в белой перчатке, Эрнчестер по обыкновению не жестикулировал вообще.

— Поймите, что просидеть всю поездку в купе было бы по меньшей мере подозрительно. Сплетни проводников...

— Не вижу, в какой степени нас должна касаться болтовня прислуги. — Голос Эрнчестера был негромким, произношение — несколько старомодным. Кто же еще из знакомых Эшера изъяснялся в подобной манере? — В этом «поезде» (граф выговорил слово «поезд», как иностранное) мною никто не заинтересуется. Если мы, как вы утверждаете, вскоре прибудем в Вену...

Голоса их, удалившись, смолкли. Эшер поднес свои часы к полоске света. Шесть тридцать по венскому времени. Кароли, надо понимать, только что освободил Эрнчестера из багажного вагона, распечатав и вновь опечатав дверь. Слабое касание сознания вампира Эшер ощутил, пробуждаясь. В ночи за внешним окном смутно голубели Альпы.

Быстро одевшись, он выскользнул в коридор и прислушался к голосам в соседних купе. Там царил тишина. «Ушли ужинать», — предположил он. Замок в купе Кароли быстро поддавался инструменту, сооруженному Эшером из игрушечных внутренностей ослика и медведя. Осмотр он провел со всей тщательностью, понимая, что Кароли ничего важного на виду держать не будет. Ни блокнота, ни писем, ни адресов. Небольшая сумма серебром в саквояже, вскрытом с помощью шпильки, примерно две сотни флоринов ассигнациями и пара дюжин печатей для багажных вагонов.

Под фальшивым дном обнаружилось десять ящичков из лощеного дерева, таивших в себе слепки ключей не от одного багажного вагона. Коллекцию эту Эшер присвоил, надеясь, что Кароли обнаружит пропажу только в Вене.

Саквояж также содержал две сложенные в несколько раз страницы частных объявлений лондонской «Таймс», взять которые Эшер не осмелился, а чтобы изучить их на месте, времени уже не оставалось. Он запомнил даты и, сложив все как было, вновь поставил саквояж на бархатное сиденье.

На столе стояли дорожные шахматы — очевидно, попутчики коротали время за игрой. Старомодное пальто Эрнчестера мирно висело рядом с широкополым пальто Кароли. На всякий случай Эшер проверил карманы обоих.

Возвратившись в свое купе, он вызвал звонком проводника и, заказав ужин, расстался еще с парой франков.

— Здесь можно раздобыть английскую «Таймс»?

— Разумеется, сэр, — сказал Джузеппе, оскорбленный в лучших своих чувствах. — К услугам пассажиров первого класса — свежий номер любой газеты.

— А как насчет номера за прошлую субботу? Или даже, возможно, пятницу?

— Хм... Ну, тут я не знаю, мсье. Но я могу посмотреть в купе проводников...

— Разумно, — сказал Эшер. — Причем целый номер мне ни к чему. Только страница

частных объявлений. — Приподняв бровь, он многозначительно взглянул на Джузеппе, и тот исчез с видом опытного международного интригана.

А может, он и был таковым. Обстановка к тому располагала. Во всяком случае, вернулся Джузеппе с изъятой у буфетчика скомканной страницей субботних объявлений, и Эшер в течение часа изучал добычу в поисках послания, содержащего место и время встречи вампира с венгром.

Олюмсиз-бей — Парадное крыльцо Британского музея, 7. Юмитсиз.

Эшер прочел это дважды, прежде чем сообразил, что искомое найдено.

«Олюмсиз» по-турецки означает «бессмертный» или, может быть, «неумерший». «Юмитсиз» — лишенный надежды или, возможно, «жаждущий надежды» (по-английски — «уонт-хоуп»). Именно так звучит одна из родовых фамилий графа Эрнчестера, под которой, кстати, Чарльз Фаррен прожил много лет.

Странно. Почему турецкий? — Эшер сложил страницу и бросил ее в раскрытый саквояж. — Неумерший лорд. Лишенный надежды. Жаждущий надежды. Уонтхоуп. Бессмертный лорд...

Теперь было очевидно, как Эрнчестер и Кароли поддерживали связь. Не исключено, что и другие лондонские вампиры, читая «Таймс», могли наткнуться на это объявление, и вряд ли бы оно им понравилось. Владеет ли Гриппен, Мастер лондонских вампиров, турецким языком? «Исидро, возможно, владеет», — подумал Эшер и вспомнил с тревогой бледного испанского идадьго, решившегося вопреки воле своих собратьев обратиться за помощью к нему, живому человеку. В семнадцатом столетии Оттоманская империя обладала огромной властью. Исидро, придворный и отчасти ученый, вполне мог знать и этот язык. Не исключено, что и граф тоже. Венгерский — другое дело. Венгерский в те времена почитался наречием варваров. Все прочие лондонские вампиры наверняка владеют только немецким да французским.

Венские или венгерские вампиры семнадцатого столетия тоже должны были знать язык армий, то и дело вторгавшихся в их земли.

Эшер еще раз взглянул на дату сверху страницы. Суббота. 31 октября. Пятничного номера нет. Что же мог такого знать Эрнчестер, если утаил это от других вампиров Лондона и даже от собственной жены? И кто был тот, что называл себя Бессмертным Лордом? -

Даже в десять часов вечера венский вокзал оставался людным местом. Эшер спрыгнул с поезда, не дожидаясь полной остановки, и, нырнув в толпу, зашагал прочь. И тут же ощутил укол ностальгии. Не было в мире города, подобного Вене.

Евреи с курчавыми пейсами и в черных кафтанах, решительно не замечаемые их же сородичами в немецком платье; венгры в высоких сапожках и мешковатых шароварах; пестрая одежда цыган. И сама Вена: дамы в шелковых дорожных нарядах, скрывающие лица под вуалями; мужчины в блестящих мундирах (улань или почтальоны); дети, сопровождаемые затынутыми в черное гувернантками; студенты в ярких фуражках, французы, итальянцы; столь отличный от берлинского венский диалект немецкого языка, смешанный с идишем, чешским, румынским, русским, украинским наречиями...

Воздух, напоенный ароматом кофе.

Вена

Направляясь к стоянке такси, где Эрнчестер и Кароли могли ожидать, когда таможня разберется с их багажом, Эшер затаил дыхание — показалось, что вот сейчас он встретится с Франсуазой.

Сегодня она вновь приснилась ему — на этот раз идущей под звуки вальса по городу мимо мраморных и позолоченных лепных фасадов, сквозь хрустальный свет весеннего вечера. Она явилась Джеймсу не такой, как тринадцать лет назад, — похудевшая, с сединой в волосах.

Мне очень жаль, Франсуаза.

Ее юбка с шорохом задевала узорную бронзовую ограду, и Джеймсу почудилось вдруг некое движение во тьме под камнями мостовой. Шепот среди теней, глаза во мраке, только и

ждушие, что наступления ночи.

Они обитали и здесь.

Франсуаза, беги! — попытался крикнуть он. — Домой! Включи свет и не пускай их! Не заговаривай с ними, когда они встретят тебя на улице...

Но из-за того, что он сделал тринадцать лет назад, она не могла его теперь услышать. Она продолжала идти, и казалось, будто сквозь решетку ограды выползает на улицу серая мгла.

Эшер отогнал воспоминание. Вряд ли бы они встретились теперь. Франсуаза вполне могла покинуть Вену. Кроме того, с любовью их было покончено. Остаток жизни он намеревался провести с Лидией, этой медноволосой очкастой нимфой.

И все же каждый раз, когда он слышал «Вальс цветов», сердцу становилось больно.

— Герр профессор доктор Эшер?

Он обернулся, вздрогнув. Первая мысль была: Нет! Не сейчас! Кароли и Эрнчестер могли появиться с минуты на минуту...

Перед ним стояли два венских полицейских в коричневых мундирах. Оба поклонились.

— Вы — герр профессор доктор Эшер, прибывший экспрессом Париж-Вена?

— Да, это я, герр обергаупт. — Старая венская привычка прибавлять титулы и звания вернулась вместе с напевным венским произношением. — Какие-либо затруднения? Мой паспорт уже проверили...

— Нет, с паспортом все в порядке, — сказал полицейский. — Мы весьма сожалеем, но вам придется ответить на вопросы, связанные с убийством в Париже герра Эдмунда Крамера. Будьте добры следовать за нами.

На секунду Эшер оцепенел. Затем, услышав чешское ругательство, обернулся и увидел, как двое носильщиков под присмотром Кароли и графа Эрнчестера загружают в фургон огромный чемодан с медными уголками. Кароли повернул голову, и взгляды их встретились.

Венгр приподнял широкополую шляпу и улыбнулся. Уводимый с вокзала Эшер видел, как шпион и вампир неспешно направляются к стоянке такси.

5

— Видите ли, мы знали друг друга в прежней жизни. — мисс Маргарет Поттон прекратила теребить ниточку пуговицы и подняла голову. В голубых глазах за толстыми линзами Лидия увидела настороженность и вызов. — И жизней было много. Мне следовало понять это раньше. Я, должно быть, постоянно видела одни и те же сны, но утром все забывала.

— Должно быть? — переспросила Лидия, пытаясь, чтобы злость на Исидро не пробила в ее голосе. — Если вы их полностью забывали, откуда вам известно, что вы видели эти сны постоянно? Честно скажите, вы знали о них раньше?

Маленький рот поджался упрямо.

— Да. Да, я знаю. Теперь.

Лидия смолчала. Скотина! — Вот и все, что она смогла подумать. — Впрочем, здесь должно быть более точное слово. Хорошо бы спросить у Джеймса — он ведь лингвист...

Мисс Поттон вскинула маленький подбородок:

— Я знала, что вижу во сне что-то важное. У меня всегда оставалось чувство, будто мне снилось что-то очень красивое, опасное, способное изменить всю мою жизнь. Но до прошлой ночи, проснувшись, я ничего не помнила...

— Большого идиотизма мне еще слышать не доводилось! — Вспомнились ее собственные мрачные сны: любовь, погоня, вальс на лунной террасе — и душа ушла в пятки. — Вы просто хотите этому верить. Потому что это нужно ему...

— Нет. — На скулах ее проступил румянец свекольного цвета. — Да. Наверное. Потому что я нужна ему. — Она снова принялась теребить пуговку на рукаве. — Когда он пришел ко мне прошлой ночью... когда я проснулась, а он стоял в лунном свете у изножья

кровати... он сказал, что никогда бы не вторгся снова в мою жизнь, но я ему нужна. Он нуждается в моей помощи. Вы не понимаете его.

— А вы понимаете?

— Да, — сказала мисс Поттон, не поднимая глаз.

Лидия задержала дыхание, потому что знала: стоит ей дать волю чувствам — и она завизжит. Но это было бы по меньшей мере неуместно в обеденном зале отеля «Санкт-Петербург». Страха перед Исидро она уже не ощущала, настолько сильная нахлынула ненависть к нему, к Эрнчестеру и ко всем им подобным.

Вампир — вот самое точное слово.

А мисс Поттон продолжала:

— Я понимаю, что такие, как он, нуждаются в людях, которым они могли бы доверять. Он сказал, что приходится долгие годы искать людей, у которых бы хватило духу принять их такими, какие они есть. Таких людей, которым они могли бы довериться. Я была... мы с ним... Но он не тревожил меня в этой жизни, потому что в предыдущей я... Меня убили из-за него.

— Ничего более нелепого...

— Это все, что вы можете сказать? — Мисс Поттон устремила на Лидию фанатически непреклонный взгляд. — Но я это помню. Я помнила это во сне всю свою жизнь. И он снова нуждается во мне, ему нужен кто-то, кто бы поехал в Вену...

— Ему нужно приставить ко мне дуэнья! — потрясенно воскликнула Лидия. — Я даже не знаю, что хуже: этот ваш бред или то, что он делает...

— Он — истинный джентльмен, — тихо сказала мисс Поттон...

— Он — убийца! Мало того: он — изувер, католик, бездушный сноб, а вы — дура, если поверили...

— Он не изувер! — Подошедший официант поставил на стол чашку кофе, и мисс Поттон взглянула на него несколько испуганно. Официант, однако, удалился, не проронив ни слова, и она вновь повернула к Лидии вспыхнувшее лицо. — Во время Варфоломеевской ночи и религиозных войн во Франции у дон Симона был слуга-гугенот, который ценой своей жизни спас его от инквизиции. Потом мы выручили семью этого слуги, помогли им бежать в Америку...

Лидия смотрела на нее, не зная, что сказать. Даже с этого расстояния мисс Поттон представлялась ей несколько размытой. Коричневое платье сидело на ней неловко, плоская бархатная шляпа казалась старомодной.

— Но я... я видела все это раньше — во сне. Все-все. Мы бежим по берегу, вот-вот рассвет, дон Симон оборачивается с клинком навстречу людям кардинала, а я сажаю в лодку детишек Паскаля. Я помню запах моря, крики чаек...

Ну нельзя же так бессовестно передирать у Дюма! Лидия попыталась взять чашку, но руки дрожали. При всей своей воспитанности и умении вести светские беседы она относилась к большей части рода людского несколько отстраненно, видя в его представителях прежде всего обладателей кровеносных сосудов и эндокринной системы. Исключение представляли лишь Джеймс, Джозетта, Энн и Элен. Поэтому она не имела ни малейшего понятия, как предостеречь эту глупышку, как уберечь ее от зловещего очарования наведенных вампиром снов.

— Мисс Поттон, — сказала наконец Лидия, стараясь не повышать голоса, — передайте, пожалуйста, дону Симону мою благодарность, но я взрослая женщина и вполне способна путешествовать самостоятельно. Я не нуждаюсь в попутчице. И в нем тоже не нуждаюсь. Но если вы примите мой совет... — Мисс Поттон слушала ее напряженно, и Лидия почувствовала с отчаянием, что выбрала не те слова. Не в силах придумать ничего другого, она продолжила: — Мой вам совет: вернитесь в Лондон. — Фраза прозвучала поучающе. — Не имейте больше дел с доном Симоном. Если бы вы увидели его хоть раз не во сне, а наяву...

— Я не могу вернуться. — Ее маленький упрямый рот торжествующе поджался. — Я

подала миссис Уэнделл заявление об уходе вчера за завтраком. Я не могла иначе — с того момента как дон Симон появился в моей комнате, заговорил со мной, поднял меня ото сна, который я называла жизнью. Я сказала миссис Уэнделл, чтобы она подыскала кого-нибудь другого, кто бы следил за ее мерзкими детьми, потому что я не займусь этим больше никогда.

Лидия попробовала представить свою тетю Гарриет, выслушивающую во время завтрака нечто подобное от Нанны... Нет, Нанна просто бы не осмелилась. Где бы она потом нашла работу?

— Семьи у меня нет, — продолжала мисс Поттон. — Я доверяю себя, свою судьбу в руки дона Симона точно так же, как он доверился мне. И это... правильно. Верно. Хорошо.

— Мне кажется, было ошибкой, — бросила Лидия, — позволить вам воспитывать детей. Сколько лет вы прослужили у миссис Уэнделл?

Губы мисс Поттон дрогнули, и она отвела глаза, скрывая слезу. Гнев прошел, и Лидия теперь ясно увидела, что эта неуклюжая девушка всего на несколько лет моложе ее самой. Но мисс Поттон не учили скрывать своих чувств — возможно, просто не было денег на обучение.

Неудивительно, что Исидро выбрал именно ее, когда шел по ночному Лондону, ища, в чьи сны ему вторгнуться.

— Извините... — пробормотала Лидия. Но, конечно, тому, что она сказала перед этим, не могло быть никаких извинений.

Мисс Поттон покачала головой.

— Нет, — сказала она и подкрепила силы глотком кофе. Ее голос уже не отдавал мелодрамой, как прежде. — Нет, вы правы. Вся жизнь я мечтала вырваться оттуда. Дэвид и Джулия действительно были ужасные создания. Но это не означает, что сказанное доном Симоном — неправда. Думаю, я потому и рвалась оттуда, что догадывалась о другой жизни. Вернее — о других уже прожитых мною жизнях.

— Их не было. — Лидия чувствовала себя чудовищем, отбирающим у ребенка рождественским утром новую куклу и на глазах у него разбивающую ее молотком.

Но в кукле этой таился скорпион. Белый богомол, изящный, вкрадчивый и сверхъестественно тихий, следящий за жертвой из темноты.

— Год назад Исидро рассказывал моему мужу, что вампиры могут читать сны живых людей, — медленно продолжала Лидия. — Исидро — очень старый вампир, очень искусный, кажется, самый старый вампир в Европе. Очевидно, он способен не только читать сны. Цель моей поездки в Вену настолько важна для него, что ему надо ехать со мной, но он отказывается это сделать, пока я не соглашусь взять компаньонку. Так, видите ли, дамы ездили в его времена! Странно, как это он еще не потребовал прихватить священника и вышивальщицу. Теперь понимаете, зачем вы ему понадобились?

Мисс Поттон молчала, трогая еле заметную штопку на пальце перчатки.

— Возвращайтесь в Лондон, — сказала Лидия — Объясните миссис Уэнделл, что ездили выручать беспутного брата или пьяницу-отца. Даже если она уже взяла новую гувернантку, может быть, она даст вам рекомендацию и вы сможете получить место. Не делайте глупостей! Не слушайте Исидро!

Мисс Поттон так ничего и не ответила. По бульвару прокатил мотор, подпрыгивая и грохоча, как целая компания американских ковбоев. Где-то проблеял трамвайный рожок.

— Вы здесь вообще ни при чем. Скажите Исидро, что он... что я готова с ним ехать, но прошу не вовлекать в это дело еще и третьего... Хотя, возможно, вы даже не знаете, где его теперь искать?

— Нет. — Лидия скорее прочла это по губам, нежели услышала.

— Нет... — Она вспомнила древнюю дверь с новым замком и дом на площади, не обозначенной ни на одной из карт Лондона. Открыла сумочку и извлекла туго свернутую пачку купюр. — Возьмите и возвращайтесь в Англию. Сегодня же.

Мисс Поттон встала, выпрямилась.

— Я не нуждаюсь в ваших деньгах, — тихо произнесла она. — Уверена, что дон Исидро обо мне позаботится.

И, шурша юбкой, с достоинством удалилась.

* * *

На Гар де л'Эст Лидия прибыла к семи. С болью в сердце отказавшись от посещения известнейших в Париже магазинов, она заставила себя спуститься по рю Сен-Дени к центральному продовольственному рынку и прикупить там чеснока, аконита и шиповника. В сопровождении двух носильщиков она шла по платформе к Венскому экспрессу и удивлялась отваге Маргарет Поттон: бросить место гувернантки, собрать пожитки, пересечь Ла-Манш и оказаться в незнакомой стране без хорошего знания языка! А потом еще войти в обеденный зал отеля и обратиться к совершенно незнакомому человеку: «Я все знаю о предстоящем вам путешествии и буду вашей попутчицей, потому что меня об этом попросил вампир...»

Нет, сама бы она ни за что на такое не отважилась.

А ради Джейми?

Ну разве что ради Джейми...

Лидия глубоко вздохнула.

При других обстоятельствах она бы отнеслась к откровениям мисс Поттон с недоверчивым изумлением. Люди подчас верят в самые невероятные вещи — возможно, именно поэтому Лидию и привлекала работа исследователя. И все же она чувствовала себя виноватой в том, что не смогла переубедить эту девушку.

Ей пришло в голову, что лучше всего было бы после первых слов мисс Поттон изобразить непонимание и произнести ледяным тоном: «Простите?...»

Оставалось лишь надеяться, что она вернется в Лондон...

Куда?

Исидро не позволит ей этого сделать.

Будь он проклят! — подумала она яростно и беспомощно. — Если он ее тронет, если он посмеет ее тронуть...

То что? — снова шепнул внутренний голос.

Мисс Поттон сделала свой выбор.

А Лидия — свой. Она едет в Вену, где будет иметь дело с графом-вампиром и, возможно, не с ним одним, не говоря уже об австрийских тайных службах.

Шаг за шагом, — подумала она.

Если Джейми телеграфировал ей в понедельник из Мюнхена, к ночи он должен был прибыть в Вену. Сегодня пятница. Прошлой ночью она позвонила миссис Граймс по телефону с вокзала Черинг-Кросс и удостоверилась, что новостей о нем нет. «Четыре дня он там с доктором Фэйрпортом, — думала она. — С предателем, жаждущим бессмертия. Четыре дня под угрозой столкновения с Эрнчестером, Игнацем Кароли и бог знает с кем еще».

Носильщики, погрузив вещи Лидии в багажный вагон, отнесли маленький чемодан, шляпные коробки и несессер в купе, расхваливаемое конторой мистера Кука. Сразу после разговора с мисс Поттон Лидия взяла в отеле справочник Брадшо и долго выискивала поезд, который бы отбывал в Вену до захода солнца, но хотя поездов было множество — через Цюрих, Лион, Страсбург, — самым быстрым оставался Венский экспресс. Чем скорее, тем лучше. Джеймсу грозила опасность.

Может быть, он уже пленник.

Или, может быть...

Она отогнала эту мысль прочь.

Купе оказалось удобное, с панелями из красного дерева и бархатной обивкой,

электрический светильник напоминал покрытую инеем лилию. Оставшись одна, Лидия вынула заколки и, сняв вычурную шляпу нефритово-баклажанных тонов, положила ее на сиденье. За окном расплывалась импрессионистскими мазками станционная платформа, и Лидия некоторое время искала глазами коричневый мазок, означающий Маргарет Поттон. Затем открыла несессер и извлекла оттуда очки. Лица за окном обрели четкость. Лежащий на столике буклет сообщал, что ужин будет накрыт в вагоне-ресторане в восемь тридцать, но тревога за Джеймса и темный страх возможной встречи с Исидро отбили всякий аппетит. Вдобавок болела голова, и Лидия вспомнила, что последний раз она ела в отеле. Те самые три четверти круассана. А затем появилась Маргарет Поттон.

Она смотрела в окно, пока поезд не тронулся. Потом откинулась на спинку сиденья, прикрыла глаза, вздохнула.

Джейми...

— Если позволено будет так выразиться, сударыня, — мурлыкнул, скользнув, как шелк по коже, некий голос, — вы сами себе создаете трудности. Будь я вашим супругом...

Лидия резко обернулась, чувствуя гнев, страх и (против ее воли) глубокое облегчение, отчего гнев ее возгорелся еще сильнее.

— Будь вы моим супругом, — язвительно ответила она, — я бы потребовала раздельного проживания. — Сорвала очки и спрятала под лежащую на сиденье шляпу.

Он стоял в дверном проеме — тень, статуя из слоновой кости. На пальце мерцало золотое кольцо. В коридоре за плечом Исидро блеснули линзы пенсне.

— Вы его имеете. — Он ступил в купе, окинув единым мановением руки красное дерево, бархат, светильник.

Упырь был сыт. Лицо и губы его обрели розоватый оттенок, что делало дону Симона удивительно похожим на человека.

Лидию чуть не вырвало. И у этой твари она хотела просить совета?

— Купе мисс Поттон находится в другом конце вагона, — продолжал Исидро. — Не составите ли нам компанию для карточной игры?

Лидия встала, стройная, прямая в своем дорожном платье телесного шелка с янтарным отливом:

— Отправьте ее домой!

— Я уже говорила вам, что не собираюсь... — начала было мисс Поттон, но Исидро поднял палец.

— Это невозможно.

— И останется невозможным, когда мы достигнем Вены? — Лицо Лидии было почти таким же бледным, как у вампира. — Вы убьете ее, как только вернетесь в Лондон? И меня, и Джеймса, чтобы сохранить секрет, который Эрнчестер собирается выдать Австрии?

Черты его не дрогнули, но в глубине прозрачно-желтых глаз скользнула мысль. «Перебирает возможности? — предположила она. — Или просто придумывает очередную байку?»

— Вы превосходно хранили секреты в течение целого года, — помедлив, сказал он. — Уверен, что мисс Поттон сумеет хранить их не хуже.

Поезд тряхнуло на стрелке; за окном полетели каскады огней. В коридоре затыкала собачонка. Хозяйка тут же на нее прикрикнула.

— Я так понимаю, что ужин будет накрыт в полвосьмого. — Исидро указал на буклет, не коснувшись его пальцем. Жест, как всегда, был скуп, еле намечен, словно за долгие годы Исидро надоели человеческие движения, мимика, речь. И Лидия вспомнила вдруг древние межевые камни близ Уиллоуби-Клоуз, где прошло ее детство.

— Предлагаю, если не возражаете, перейти в купе мисс Поттон. Вы играете в пикет, сударыня? Превосходнейшая из игр, повторяющая в миниатюре все людские дела. Уверяю вас, — добавил он, встретив взгляд Лидии, — что ни у вас, ни у нее нет причин бояться меня.

— Я и не боюсь, — сказала Маргарет.

Исидро по-прежнему смотрел на Лидию.

— Я не верю вам, — сказала она.

Вампир отдал поклон:

— Эта новость разбила мое сердце.

А в следующий миг он исчез. Маргарет, как и Лидия, не уловившая момент его ухода, сначала остолбенела, затем кинулась по коридору в сторону своего купе, забыв даже извиниться.

* * *

Мисс Поттон вернулась через полчаса и тихо постучала в занавешенное окошко. Лидия, так и не собравшаяся за все это время надеть пенсне и достать прихваченный в дорогу номер немецкого медицинского журнала, прервала созерцание цветочных пятен и сказала:

— Войдите.

Гувернантка запнулась на пороге, будто опасаясь выговора. Свою неопишемую шляпу она сняла. Волосы ее были гладко зачесаны и заколоты на макушке. В сновидении они выглядели куда роскошнее: тяжелые, шелковистые, черные, как ночь.

Я назвала ее дурой, — вспомнила Лидия, заметив неуверенность в ее глазах.

Но она и есть дура!

Однако сколько ей об этом ни тверди, толку не будет.

Лидия глубоко вздохнула, поднялась и взяла ее за руку.

— Извините, — сказала она. — Я не верю ему, но это еще не повод... сердиться на вас.

Мисс Поттон робко улыбнулась в ответ. «Пытается представить, — сообразила Лидия, — путешествие в обществе холодной и враждебной попутчицы».

— Ему можно верить, — сказала Маргарет, и голубые глаза ее были серьезны. — Он настоящий джентльмен.

Холодный убийца, забывший за три с лишним сотни лет, что значит быть человеком.

— В этом я никогда не сомневалась, — сказала Лидия. — Он там? — Она указала глазами в сторону коридора. Маргарет кивнула. — Не могли бы вы подождать меня здесь? Мне надо сказать ему пару слов наедине...

Исидро раскладывал солитер. Рядом с картами (четыре колоды) на столике лежали абака, счетная машинка и записная книжка. Свет из коридора бледно отразился в его глазах. Само купе было погружено в темноту.

— Вы призвали ее ради меня? Потому что леди не должна ездить одна, я правильно вас поняла?

Он утвердительно наклонил голову, в полумраке очень похожую на череп.

— Не значит ли это, что леди также не должна ездить в одной компании с заведомыми убийцами?

— С одним из них, сударыня, вы делите ложе вот уже семь лет, — ответил ей еле слышный голос. — В мое время леди ездили с убийцами постоянно, что было вполне разумно, ибо леди нуждаются в защите. — Белая рука, почти бестелесная в тени, метала карту на карту, перебрасывала кость на абаке, делала пометки в блокноте.

— Было ли принято в ваше время, — упорствовала Лидия, — выполнять просьбу путешествующей дамы?

— Да, если просьба не была глупой. — Он перевернул карту и сделал очередную пометку.

— Я не желаю, чтобы вы убивали, пока мы путешествуем вместе.

Еще одна карта — неразличимая в пепельном сумраке. Он даже не взглянул на Лидию.

— Разве только чтобы угодить вам...

Секунду она стояла, прерывисто дыша. Потом повернулась и устремилась по коридору в сторону ресторана, оставив его переворачивать в темноте карту за картой.

— Мой дорогой Эшер, ужасная ошибка... ужасная ошибка — Доктор Бэдфорд Фэйрпорт поддернул серые нитяные перчатки и посторонился, давая пройти дюжему белобрысому полицейскому, доставившему в участок музыкально настроенного пьяного. Вена заслуженно пользовалась репутацией города музыки. Оба пьяницы, с которыми Эшер провел прошлую ночь в камере, тоже все время пели, правда, несогласованно: один был поклонником Вагнера, другой предпочитал Штрауса. Долгая выпала ночь.

— Ошибка, черт! — Эшер закрыл саквояж, удовлетворенный хотя бы тем, что содержимое его осталось нетронутым. Даже слепки ключей были на месте, в потайном отделении. Чиновник в мундире предложил ему расписаться, другую бумагу он вручил Фэйрпорту. — Видимо, Кароли заметил меня, когда я давал телеграмму в Мюнхене. Полагаю, я еще легко отделался.

— Досточтимый герр остается с герром профессором доктором Фэйрпортом?

Эшер заколебался. Фэйрпорт сказал:

— Да-да, конечно! Никаких отговорок, мой дорогой Эшер, — добавил он, когда они вдвоем вышли в солнечный подернутый дымкой день. — Коль скоро я поручился за ваше поведение в полиции, других вариантов быть не может. Все будет как в старые добрые времена.

С несколько кислой улыбкой Эшер припомнил чистую спаленку наверху строения, бывшего старой конюшней в «Фрюхтлингцайт» — санатории, прячущемся в тишине Венского леса.

— Вы, должно быть, провели ужасающую ночь, — щебетал Фэйрпорт. — Чудовищная безответственность! Я напишу о злоупотреблениях полиции в «Нойе Фрайе Прессе»! Поместить свидетеля в общую камеру! Вы могли подхватить там что угодно — от туберкулеза до оспы и холеры! — Старик закашлялся, и Эшер вспомнил, что у самого Фэйрпорта был туберкулез, оспой же он переболел в детстве. Его молочно-белая кожа была как бы попорчена мышами.

Выглядел он скверно. Впрочем, по-другому он никогда и не выглядел. Тринадцать лет назад, когда они встретились впервые, Эшер удивился, услышав от Максвелла, главы венского отделения, что доктору всего-навсего пятьдесят четыре года. Преждевременно сгорбившийся, сморщившийся, поседевший, он напоминал инвалида, что, по мнению Эшера, вряд ли способствовало репутации его лечебницы.

Но жители Вены, очевидно, полагали иначе. Они стекались в отдаленное поместье и платили огромные суммы за «негу покоя» и «омоложение» посредством химии, электричества и эзотерических ванн. Глядя сверху вниз на сутулого человечка (даже выпрямившись, он был бы по плечо Эшеру), Джеймс невольно задумался: не была ли борьба Фэйрпорта с людской старостью вызвана ненавистью к собственным недугам.

По расчетам Эшера, Фэйрпорту вот-вот должно было стукнуть семьдесят. Старик прихрамывал, так что иногда Джеймсу даже хотелось поддержать его. Лицо, усохшее от возраста; дрожащие руки, как всегда, затянuty в серые нитяные перчатки. Фэйрпорт покупал их дюжинами; надев раз, тут же отдавал в стирку, так что пару он изнашивал меньше чем за неделю. «Лидия бы уже поставила диагноз», — машинально отметил Джеймс.

Даже в облачный день город был ярок, как встарь. Лабиринты улиц пролегали среди подобных утесам зданий, коричневых и кремовых, с их якобы мраморными гирляндами, гримасничающими театральными масками, позолоченными решетками, крошечными балконами, мощеными внутренними дворами за большими мрачными дверьми.

Роскошная черная карета, просияв начищенной до золотого блеска медью, поравнялась с ними — и остановилась. На козлах сидел огромный мужчина и хмурился из-под тяжелых обезьяньих надбровий. Столь же внушительный лакей спрыгнул с запяток, распахнул дверь, и Эшеру подумалось, что, должно быть, старик преуспевает в делах, коль скоро может

позволить себе ездить с таким шиком.

— Осмелюсь предположить, вам потребуются горячая анна и хороший отдых. — Фэйрпорт отстранил взмахом трости кинувшегося помочь ему лакея. — Благодарю вас, Лукас... Я телефонировал Холивеллу — он сейчас глава венского отделения, вы помните его? Дал ему знать о вашем прибытии, но если вы чувствуете себя достаточно хорошо, можно устроить встречу сегодня вечером.

Эшер размышлял. Стояло позднее утро, над каналом в прозрачном воздухе рассеивался туман. Хотя зима была на пороге, холод не казался таким влажным и жестким, как в Лондоне или Париже. Воздух нежен, как лепестки роз. В саду несколько выносливых граждан сидели на террасе маленького кафе, ограниченной цепями, и Эшер живо припомнил вкус истинного венского кофе. Санаторий «Фрюхтлинггайт», затаившийся в глуши среди лесов и виноградников, находился всего в часе езды от города.

— Если не возражаете, — медленно произнес Эшер, — сначала я займусь кое-чем здесь. Необходимо выследить...

— Кароли? — Облезлые брови Фэйрпорта взбежали на лоб цвета рыбьего брюха. — Его адрес хорошо известен. Городской дом в Доблинге и квартира на Картнерштрассе... Надеюсь, вы не собираетесь заняться еще и фамильным замком Фекетело в Карпатах?...

— Нет. — Эшер покачал головой. — Имени того, кого надо выследить, я не знаю. Возможно, придется посидеть в ратуше, поднять записи...

Сделать это было необходимо, причем до захода солнца. Вроде бы времени хватало, и все же Эшер непроизвольно огладил запястье, ощутив сквозь перчатку и манжету серебряные звенья цепочки.

— Если мне будет позволено злоупотребить вашим гостеприимством, сначала я направлюсь в городские бани, затем — в ратушу. Когда вы закрываете вход в лечебницу?

Фэйрпорт сморщил губы в улыбке:

— Дорогой Эшер, мы в Вене! Персонал работает почти до одиннадцати, а я обычно засиживаюсь в лаборатории за полночь. Лечебница сейчас пустует — у нас были проблемы с электричеством, но теперь уже все исправлено. — Он порылся в кармане старомодного фрака и извлек ключ. — Если не увидите света в моем кабинете или лаборатории, отоприте сами. Я приготовлю для вас ту комнату, что выходит окнами в сад. Вы ее помните?

— Помню. — Эшер улыбнулся, но улыбка исчезла, стоило Фэйрпорту с помощью лакея Лукаса подняться в карету. Экипаж тронулся, каждая медяшка сияла, как гелиограф.

Он в самом деле помнил.

Помнил, как, сидя на подоконнике в этой чистенькой комнатке, смотрел вниз, на высокую стену, отделявшую сад от высокого шепчущего леса, а затем вновь перечитывал три телеграммы, найденные после возвращения с гор. О том, что было в этих телеграммах, вспоминать не хотелось.

Все три были от Франсуазы. Все три просили немедленно ответить. Но он уже встретился с ней в тот день в кафе «Нью-Йорк» (Фэйрпорт туго перебинтовал ему плечо и закатил здоровенную дозу стимулянтов). Франсуаза упомянула о телеграммах мельком, но добавила, что теперь уже не стоит обращать на них внимания.

Это означало, что она установила, где он отсутствовал на самом деле, сказавшись больным.

Это означало, что она заподозрила его в двойной жизни.

Это означало, что он был на волосок от провала. А Кароли вот-вот должен был возвратиться в Вену.

Она была достаточно проницательна, чтобы раскусить Кароли, прикидывающегося безобидным молодым идиотом. Почему же Эшер полагал, что она не раскусит его самого, прячущегося под маской чудака ученого?

Он сидел на подоконнике, пока не кончился долгий летний день и белые розы на стене сада не обратились в молочные пятна. Было уже невозможно различить буквы на желтых листьях телеграмм, но он и так знал, что там сказано.

И что ему теперь надлежит делать.

Эшер отогнал воспоминание. Стоило подумать о венском кофе, память переносила его в кафе «Нью-Йорк». Хотя Джеймс прекрасно понимал, что с лета 1895 года Франсуаза ни за что не ступит на порог этого заведения, да и сам он постарается искать маленькие удовольствия где-нибудь в другом месте.

Ее рассуждения относительно венских кафе вполне можно было приложить и к городским баням. Не столь широко распространенные, они были прекрасны по той же самой причине. Большинство квартир в переполненном городе испытывало недостаток горячей воды; тысячи семейств до сих пор пользовались общими насосами и туалетами во внутренних дворах. И все же обитатели были весьма чистоплотны — пожалуй, даже чистоплотнее парижан, при всей фанатичной ненависти французов к малейшему пятнышку на оконном стекле. Тюремная камера, в которой ему пришлось заночевать, также не соответствовала мрачным фантазиям Фэйрпорта.

В банях Хейлигештеффан, истинной обители чистоты,людно было даже утром во вторник. Рабочий люд, студенты, бородатые буржуа, бесстрастно и добросовестно моющиеся в розовых мраморных бадьях под участливым взглядом мозаичных ангелов, и обычная венская иерархия: герр Старший банщик, просто Старший банщик, Младший банщик и, наконец, гарсон, собирающий полотенца. Эшер посетил парикмахера по соседству, побрился, сменил рубашку и нижнее белье, купленные им по пути из префектуры полиции, затем нанес краткий визит резчику ключей, которого знал еще в 1895-м, после чего почувствовал себя много уверенней. И все же чиновники в ратуше подозрительно косились на его помятый жакет, когда он попросил позволения просмотреть завещания на самые старые поместья в Альтштадте. Времени до наступления сумерек, когда толпы на улицах поредеют, было у него вполне достаточно.

Будучи одновременно шпионом и ученым, Эшер давно понял, что натура человека раскрывается особенно полно, когда внимание его сосредоточено на главном, причем этим главным для большинства является собственность. Самый свежий пример — похороны кузена, состоявшиеся три дня назад. В таких случаях люди совершенно забывают замечать следы. Банковские счета, завещания, копии, договоры на аренду — все это может выдать очень многое тому, кто обладает временем и привычен к архивной пыли.

Эшер начал с самых старых поместий Альтштадта — с этих отягощенных лепниной особняков, чьи фасады в стиле барокко выходили в узкие улочки и были практически недоступны глазу праздного зеваки. Сверяя записи о владении с завещаниями, а завещания со свидетельствами о смерти (и — что еще важнее — свидетельствами о рождении), он постоянно делал пометки в своем блокноте, пока молоденький очкастый клерк не обратился к нему:

— Прошу прощения, герр профессор доктор, но мы закрываем.

За окнами уже стояли сумерки, еще часа полтора — и вспыхнут электрические фонари.

Как было условлено, Артемус Холивелл ждал его в кафе Доницетти. Глава венского отделения был тридцатилетним бородачом, неопрятным, очкастым и чудовищно тучным. Когда-то они встречались в Лондоне, Холивелл выслушал рассказ Эшера о путешествии, и глаза его за толстыми овальными линзами напоминали зеленые оливки.

— Итак, этот Фаррен думает, что он вампир, э? — Холивелл наткнул кусочек жареного цыпленка на вилку и отправил в розовый, по-девичьи нежный ротик. — Потому-то он вас и заинтересовал?

Эшер кивнул. Фактически так оно и было.

— Нечто подобное вы обнаружите и в Вене, и в Будапеште. В прошлом году я был в горах на востоке страны, и там ходили слухи об одном крестьянине, который умел обращаться в волка. Еще мне рассказывали, что в Черном Бору с вами перестанут общаться, если вы убьете зайца.

Он промокнул губы салфеткой, и у стола немедленно возник и вопросительно склонился бесстрастный Обер.

— Думаю, вы уже догадываетесь, — продолжал толстяк, выждав, пока тот удалится, — что вся эта история дурно пахнет.

По шее Эшера поползли мурашки. Он достаточно долго сотрудничал с Департаментом и знал, что может означать этот бесстрастный тон.

— Э-э?...

— Стритхэм. — Холивелл небрежно взмахнул вилкой. — Кроме шуток. Проклятый дурак! Поднял шум, известил французские власти о смерти этого мальчишки Крамера, как будто мало нам других неприятностей! А французы умыли руки и потребовали от венской полиции отправить вас обратно первым удобным поездом. Я выиграл день, сказав им, что понятия не имею, где вы сейчас находитесь. — Видя, что Эшер готов протестовать, он предостерегающе вскинул ладонь. — Чтобы вы там ни обнаружили сегодня в ратуше, вы это делали без моего ведома.

— Идиот, — равнодушно согласился Эшер, думая уже о другом. Время близилось к восьми. На улицах было ещелюдно, то есть по меньшей мере до десяти он может чувствовать себя в относительной безопасности. Вампиры начинают охоту позже.

— И все же, — сказал Холивелл, — что вас сегодня заинтересовало в ратуше?

Эшер поколебался и тихо ответил:

— Вампиры.

Лохматые брови Холивелла вздернулись.

— Здесь в них еще верят?

Глава венского отделения снова взмахнул вилкой:

— В основном цыгане. Официант в моем кафе клялся, что видел вампира на старой башне, примыкающей к дому на Биберштрассе, — когда-то она была частью городской стены. — Он покачал головой. — «Мое кафе...» Я уже начинаю говорить, как настоящий житель Вены. В один прекрасный день я скажу: «Мой ресторан». В Англии так можно говорить лишь о клубе.

— Не знаю... — Эшер лениво оглядел дубовые панели, мягкое мерцание газовых рожков, ощутил легкий всепроникающий запах угольной гари и почесал кончик уса. -

Здесьние кафе в самом деле напоминают вам лондонские клубы?

— Черта с два! — Холивелл расправлялся с жареным цыпленком, как хирург. — В члены клуба принимают голосованием. А сюда может зайти кто угодно. — Он бросил взгляд на шумную компанию субалтерн-офицеров в небесно-голубых уланских мундирах. — Вино — ужасное, и я уже думаю, еще один вальс, еще одна оперетта, еще один концерт Моцарта — и я начну подбивать турок на новое вторжение, причем сделаю все, чтобы оно увенчалось успехом. Фаррен бывал раньше в Вене?

— Не берусь утверждать, — сказал Эшер. — Возможно, под чужим именем. Думаю, он должен скрываться сейчас в каком-нибудь старом доме, окруженном легендами, суеверным страхом, сплетнями.

Холивелл кивнул, задумался. Тут же вернулся Обер, и с ним герр Обер. Первый убрал со стола, второй осведомился о десерте, причем с таким видом, словно боялся, что посетители могут в любой момент лишиться чувств от голода. Холивелл дал подробнейшие объяснения, каким должен быть десерт, восхитившие герра Обера, после чего, подождав, когда оба официанта удалятся, снова повернулся к Эшеру.

— Я слышал, японцы проделали нечто подобное в китайской войне, — сказал он. — Устроили штаб-квартиру в пекинском доме с такой же недоброй славой.

Эшер кивнул.

— Я там был, — сказал он. — Да, именно так они и сделали. И поддерживали эту недобрую славу разными трюками в духе парижской оперы. Но здесь это сделать сложнее...

— Не сложнее, чем вы думаете. — Тут в дверях возникла небольшая суматоха: сверкая золотым шитьем, вошли два бравых офицера, каждый под ручку с ярко одетой девицей — прочие субалтерны встретили их приветственным ревом. Эшер видел, как Холивелл зорко скосил в сторону вошедших выпуклый глаз, оценивая обстановку. Не совсем обычная

реакция для увлеченного яствами гурмана.

Взгляд его снова вернулся к Эшеру.

— Многие крестьяне — чехи, венгры, румыны и прочие — до сих пор живут представлениями семнадцатого столетия. Для них нет разницы, кто их покарает, если они вторгнутся в большой старый замок; его владелец, барон, или же нечистая сила. А вот горожане — те, конечно же, любопытнее...

— А о каком именно старом, большом замке идет речь? — осведомился Эшер.

Холивелл усмехнулся и изящно отряхнул с бороды сахарную пудру:

— Их три или четыре. Один, что на Хаархоф, определенно слывет дурным местом, есть еще замок семнадцатого столетия на Баккерсгассе — там иногда в окнах видели огни. Городские официанты из венгров боятся, что вампиры обитают в особняке возле развалин старой церкви Святого Роха на Штайндельгассе (он принадлежит побочной ветви семейства Баттиани). Им же принадлежит дом на Форлаутштрассе неподалеку от старой крепостной стены — в том районе за последние десять лет бесследно исчезли несколько человек. Сами владельцы в большинстве предпочитают жить в загородных имениях.

— А нет ли среди них Кароли?

— Кажется, особняк на Баккерсгассе принадлежит пражской ветви семейства. Но не нашей птичке. Кароли — очень большой клан. — Зеленоватые глаза за толстыми линзами оживились, как если бы Холивелл предвидел следующий вопрос собеседника. — Вам нужна помощь?

Эшер заколебался. Вспомнились окровавленные останки лица Крамера, липкая от крови серебряная цепочка, пересекающая чудовищную рану на горле. Продавец в Палерояле клялся, что серебро настоящее. Облапошил простофилю-туриста, всучив ему посеребренную медяшку. Мальчик, наверное, даже не услышал приближения Эрнчестера.

— Многого предложить не могу, — продолжал Холивелл. — Стритхэм — осел, но в этом он был прав. В средствах мы теперь ограничены. Но если вам нужен человек...

За оправленными в золоченые рамы окнами кафе Доницетти по мостовой, кутаясь в воротники, спешили прохожие. Над каналом вновь вздымался туман, размывая очертания величественных зданий, чьи роскошные парадные лестницы уводили в темные чердачные комнатенки, где ютились каменотесы, вышивальщики, официанты — с женами, детьми и дядюшкой Томом Коббли в придачу. Узкие улочки между домами, куда солнце заглядывало лишь в полдень, уже лежали во тьме.

Один из адресов, занесенных сегодня Эшером в блокнот, был назван и Холивеллом: особняк на Штайндельгассе возле развалин старой церкви Святого Роха.

— Нет, — мягко сказал Эшер. — Нет, я полагаю, что справлюсь сам.

* * *

Особняк на Штайндельгассе оказался типичным для древних городов заброшенным гнездом местной знати: массивный серый дом в пять этажей, вклинившийся между ветхим многоквартирным зданием и дворцом некоего герцога Монтенуово, сверкавшим по случаю бала, как рождественская елка. Высокие окна мерцали светом газовых рожков, слегка озаряя тесную улочку. Эшер ясно видел хрустальные канделябры и расписанный в стиле барокко потолок. И все же, такое впечатление, что гости, съехавшиеся на бал к Монтенуоро, вряд ли принадлежали к высшему свету.

Особняк Баттиани был погружен во тьму.

«Забавно», — подумал Эшер, помедлив перед аркой входа. Большинство старых аристократов пытаются увеличить свои доходы, сдавая первые этажи пустующих особняков под магазины, а чердаки — под жилье. Кстати, дома на Хаархоф и Баккерсгассе, осмотренные Эшером после беседы с Холивеллом, также стояли темные и заброшенные. Как этот. Терпеливые мраморные атланты на крыльце и обильная лепнина вокруг окон покрыты

пылью, однако (с интересом отметил Эшер) на дверных петлях и замках — ни следа ржавчины.

Несомненно, особняк был самым древним строением на этой улице.

Согревая озябшие руки под мышками, Эшер медленно прошелся мимо огромных дверей. Не рассчитывал он оказаться на улице в столь позднее время. Туман и холод разогнали прохожих. Эшер слышал, как вдали пробило одиннадцать. Отметив, что мостовая перед крыльцом не слишком изношена, он обернулся, запоминая расположение этого переулочка в общем лабиринте улочек между кафедральным собором и старой Юденплац. Вон за той аркой вполне мог скрываться вход во внутренний двор. Возможно, украшенный колоннами. Сам двор, очевидно, невелик, если, конечно, длина здания соразмерна фасаду.

Эшер двинулся в путь, пытаясь обойти квартал. По мере того как он удалялся от освещенного дворца Монтенуово и жилого квартала, озноб пробирал все сильнее. Старый инстинкт твердил о близкой опасности, но если уж он вернется завтра в Париж, то надлежит хотя бы передать своему преемнику как можно больше сведений.

Эшер свернул в короткий переулок, плеснула под ногами мелкая лужица. Тлея в сгущающемся тумане маленькая жестяная лампа, укрепленная высоко на стене, — единственный здесь источник света. Он снова обернулся, сознавая, что эта часть города не менее опасна, чем берег Темзы. Даже опаснее, потому что стены были настолько высоки, что скрывали трубы и шпили, по которым можно было бы сориентироваться.

Нигде ни единой живой души. Пора заканчивать и убраться отсюда, — подумал он..

Оказавшись в следующей узкой улочке, Эшер опознал в глухой кирпичной стене с маленькой дверью черного хода тыл искомого особняка Баттиани.

Сзади — совсем близко — послышался плеск шагов.

Эшер обернулся, припал спиной к стене и был схвачен незнакомцем. Из темноты, тяжело дыша, подбегал второй. Эшер рванулся и нанес тому, что держал его, удар кулаком в челюсть. Мужчина отпрянул, позволив Джеймсу извернуться, но тут в руку вцепился подоспевший сообщник. Свободной пятерней ухватив мерзавца за волосы, Эшер бросил его затылком о стену. Машинально отметил резкий запах табака, пота, грязного белья. Боль пронзила бок, но он еще сумел сделать подсечку, отодрать вцепившиеся в горло пальцы и ударить вновь.

Он почти не видел их в темноте узкой улочки — и рванулся наутек вслепую. Кто-то ухватил его за полу пальто, но не удержал. Он бежал, спотыкаясь, расшибая плечи о стены, упал, оступившись на выбоине мостовой, поднялся снова. Судя по боли в боку, его пырнули ножом.

Эшер метнулся в проулок, который, по его расчетам, должен был вывести на Зейтцегассе, но грязноватый свет из высокого окна справа обозначил перед ним глухую стену. Кинулся назад, за угол, где тени были погуще; преодолевая боль, извлек из ботинка нож и всмотрелся в гулкую темноту, откуда уже надвигался топот преследователей.

Затем рука, подобная стальным челюстям капкана, взяла его чуть выше локтя, а другая, холодная, как труп, и неодолимая, как смерть, зажала рот. Он был увлечен куда-то назад и вниз, в холодную сырость, пахнущую мокрым камнем, землей, крысами, а затем захлопнулась дверь — и полумрак входа исчез.

Ноздрей коснулся аромат парижских духов, смешанный с запахом свернувшейся крови.

— Не надо кричать, — шепнул женский голос.

Эшер молчал. Его запястья и горло были защищены серебром, но вампир мог в крайнем случае просто свернуть ему шею.

Затем он был отпущен — и вслушался, пытаясь определить, сколько их здесь.

Разумеется, чужого дыхания он не слышал. Спустя секунду прозвучало еле уловимое шуршание юбок.

Она сказала это по-английски, — сообразил он наконец.

Затем чиркнула спичка.

Эшер моргнул. Крохотный золотой огонек выхватил из мрака бледное, как бумага,

лицо, вплел светло-коричневые нити в обрамляющие его черные волосы. Джеймс увидел размышляющие глаза вампириши — цвета палой листвы на дне мелкого пруда.

И узнал Антею Фаррен, герцогиню Эрнчестер.

* * *

— Я не понимаю причины, — сказал Исидро.

Садясь за карты, он снимал перчатки. Руки у него были тонкие, белые, с длинными пальцами, и Лидия вновь обратила внимание на утолщенные ногти. Мышцы не увеличены нисколько, хотя она знала, что эти изящные руки с легкостью могут гнуть стальные прутья.

— Я предполагаю, что причиной является некий вирус или даже несколько вирусов. — Лидия рассортировала свои карты: туз, король, десятка, восьмерка и семерка червей; дама, валет, семерка и десятка пик; почти нет трэфов — одна десятка; дама и валет бубновой масти. Вагон первого класса был погружен в сон.

— Потому что клетки тела перерождаются?

Она помедлила, несколько удивленная тем, что вампир имел понятие о вирусах, потом вспомнила про медицинские журналы в его доме. За картами и беседой страх перед Исидро постепенно убывал, и Лидия задумалась, не с этой ли целью он предложил ей скоротать время за пикетом. Или, может быть, вампир, как тетя Лавиния, не любил пугешествовать в одиночестве?

— Во всяком случае, это могло бы объяснить повышенную чувствительность псевдоплоти к серебру и некоторым травам, — сказала она спустя секунду. — Не говоря уже о воспламенении от солнечного света.

— Вам действительно интересно об этом говорить? — Маргарет неловко поежилась, не поднимая глаз от рукоделия. После трех часов безуспешного обучения игре в пикет она вновь вернулась к своей вышивке и теперь боролась со сном, прислушиваясь к их беседе. В дискуссию о железнодорожном транспорте, тонкостях пикета, математических парадоксах карточной игры и музыкальной композиции (в этом Исидро был искушен более чем кто-либо из знакомых Лидии) Маргарет вставляла время от времени замечания, что-де, хотя ранее не покидала Англию, про упомянутый исторический памятник читала в мемуарах лорда Байрона.

Уже два или три раза она пыталась увести разговор подальше от физической сущности вампиризма, но теперь голос ее прозвучал по-детски жалобно. «Вот глупышка», — подумала Лидия.

Вампир сбросил три карты, положив их рубашкой вверх рядом с колодой, взял другие.

— Может быть, это прозвучит странно, но я по сей день не понимаю, что случилось с моей плотью той ночью в церковке у реки, когда я возвращался от дамы сердца... В ту пору у меня всегда была возлюбленная. Девушек с южного берега нисколько не смущало, что я испанец из свиты принца-консорты... — Он приподнял за уголок две другие карты и невозмутимо отложил в сторону. — Возможно, что изменение плоти и обострение чувств и разума — совершенно разные явления.

Лидия сбросила трэфы и две бубновые карты, взяв взамен опять же восьмерку трэфа, пиковый туз и червовую даму. После четырех или пяти партий, в которых Исидро неизменно брал верх, она уже начинала постепенно разбираться в игре и даже приблизительно могла сказать, какие карты у него в данный момент на руках, хотя знание это мало чем ей помогало. Дон Симон был терпеливый учитель, мягкий, но беспощадный. Но даже ему пришлось отступить перед полной неспособностью Маргарет к карточной игре, что расстроило гувернантку чуть ли не до слез.

— Кровь питает плоть, — сказал Исидро. — Мы, конечно, можем по необходимости пить кровь животных. Или кровь человека, не убивая его при этом. Но только человеческая агония питает наш мозг. В противном случае способности наши слабеют: нам становится

труднее внушать иллюзии и проникать в сознание живых людей. Мы уже не можем погрузить их в сон или заставить идти, куда нам надо.

Маргарет ничего не сказала, лишь нервно проткнула иголкой вышивку.

Исидро собрал карты.

— Собственно, никакими иными умениями мы не владем, если, конечно, не брать на веру остроумные построения мистера Стокера. Лично я не представляю, как кто-либо может превратиться в летучую мышь или крысу. Сколь бы малым весом я ни обладал, все равно я гораздо тяжелее этих тварей. Хотя рассуждения этого человека Эйнштейна заставляют кое о чем задуматься...

— Вы отражаетесь в зеркалах? — Лидия обратила внимание, что на зеркало в купе наброшен шарф, скорее всего принадлежащий Маргарет, — голубой, с огромными алыми и желтыми розами, а оконное стекло плотно задернуто шторами.

Вспомнилось и огромное венецианское зеркало в доме Исидро, занавешенное черным кружевом.

— Конечно. — Исидро сдал карты. — Физические законы не меняются. Многие из нас избегают зеркал из-за концентрации серебра. Даже на расстоянии — ощущение не из приятных. Но главное: мы не можем внушить иллюзии сами себе, как внушаем их людям, и видим в зеркале действительно то, что в нем отражается. Поэтому от зеркал мы держимся подальше. Изучать себя не так уж и приятно. Четыре пики, старшая — десятка.

Игра затянулась далеко за полночь, пока за окном не показались огни Нанси. Очарованная и утомленная, Лидия вернулась в свое купе, но, одолеваемая страхами, уснуть так и не смогла. Сквозь шторку из коридора сеялся слабый полусвет. Однажды его пересекла какая-то тень, и Лидия представила Исидро, беззвучно скользящего вдоль вагона, вникая в сновидения дамы с маленьким песиком, или тех двух братьев, что сидели с Лидией и Маргарет за одним столиком в ресторане, или проводника, спящего в кресле, или поваренка... Как дегустатор пробует вино.

Ей очень хотелось бы знать, о чем говорили Маргарет и Исидро, оставшись наедине.

7

— Вы видели его?

Леди Эрнчестер наклонила свечу, уронив несколько капель воска на дно неглубокой ниши, и прилепила огарок. Пламя выровнялось, расширилось, осветив обманчиво теплое лицо вампирши, затем — строгие каменные черты Царицы Небесной. Стоящая в нише статуя была осквернена крысиным пометом и следами слизи. Далее огонек обозначил само помещение, куда Антея привела Эшера по изогнутой лестнице. Стены и сводчатый потолок из тесаного камня были голы, земляной пол дышал сыростью. Дверь напротив заложена кирпичом, но высокое окно рядом зияло пустотой, и сквозь него Эшер различил другое помещение — глубже и обширнее того, в котором они стояли. Там лежали горами человеческие кости.

Он прислонился к стене, боль в боку отдалась слабостью в ногах. Прижал ладонь к пальто и почувствовал горячую сырость крови.

— Вы ранены...

Она шагнула к нему, взяла за запястье, но рука ее тут же отдернулась — пальцы наткнулись на серебряную цепочку. Эшер пошатнулся. Секунду они стояли, глядя в глаза друг другу.

— Подождите меня здесь, — сказала она. Он услышал шелест юбки, но момент исчезновения вампирши, как всегда, пропустил.

Оперся на каменный подоконник, привалившись спиной к ржавым прутьям решетки. Голова кружилась, но он уже не боялся потерять сознание. Кости за его плечом громоздились холмами, теряясь во внешней тьме. Слабые скребущие звуки, побрякивание кости о кость, блеснувшие крысиные глазки.

«Чумная усыпальница, — сообразил он. — Судя по размерам, расположена под кафедральным собором». В слабом мерцании свечи нагромождения коричневых костей напоминали застывший каменный океан.

Ступай в покои моей леди, — подумалось ни с того ни с сего. — Скажи, что, как. бы густо она ни румянилась, ее ждет столь же плачевный конец...

Разве что она предпочтет не умирать...

Эшер невольно вспомнил Лидию и прикрыл глаза. Ждет столь же плачевный конец...

— Вот. — Рука, коснувшаяся плеча, тут же отдернулась. Антея снова стояла рядом с Джеймсом, и в руке у нее был его саквояж. — Снимите пальто.

Нож нападающего прорезал насквозь шерсть, подкладку, твид пиджака и жилет. Рубашка пропиталась кровью Эшера, спасло то, что одет он был плотно. Несмотря на адскую боль, рана, кажется, была неглубока: рука онемела, но слушалась.

С болезненным усилием он разделся, оставшись в жилетке. Воздух ожег холодом. Антея, снова отступив к нише со статуей Пресвятой Девы, стала рвать окровавленную рубашку на тонкие полоски с такой легкостью, будто это была не ткань, а папиросная бумага. При этом вампирша продолжала торопливый разговор, словно опасалась остаться в полной тишине.

— Вы видели его? — снова спросила она.

— Я заметил его на вокзале Черинг-Кросс, — ответил Эшер. — Он беседовал с человеком, который, по моим сведениям, работает на австрийские секретные службы.

Она вскинула глаза цвета потемневшего красного дерева. Глаза эти скорее могли принадлежать хищной птице, нежели женщине. В шафранном свете губы и лицо Антеи казались одинаково бескровными. Темные волосы, уложенные точно так же, как это обычно делала Лидия, смешивались с чернотой ее платья. Гранатовая заколка сияла подобно капле крови.

— Беседовал с человеком?

— Вас это удивляет?

— Я думала... — Она поколебалась, затем взгляд ее упал на рану Эшера, и Антея вернулась к своему занятию. — Видите ли, в нашем доме был обыск. Я в это время отсутствовала. — Она извлекла из ридикюля сложенный в несколько раз листок желтой бумаги и, подойдя, протянула Джеймсу. Пальцы ее были в крови. — Вернувшись, я нашла на полу вот это.

Эшер развернул листок. Железнодорожное расписание. Ночной воскресный поезд отмечен кружком, на полях твердым почерком европейца приписано: «Венский экспресс»...

— Он исчез, пока меня не было, — сказала Антея, извлекая из саквояжа маленькую фляжку виски. Смочила чистый лоскут и осторожно подступила к Эшеру. Тот поднял руки, чтобы обе серебряные цепочки оказались подальше от ее не защищенных перчатками пальцев. Рану обожгло, запах виски почти заглушил запах крови.

— Зимой темнеет рано, и он часто просил пойти купить газеты или книги. Моя портниха ждет меня примерно в то же время. Эрнчестер обычно проводит всю ночь в своем кабинете за чтением, даже когда я отправляюсь... — Она не произнесла «на охоту», но Эшер понял.

Руки Антеи были как изо льда. Перевязку она накладывала быстро. Кровь на ее пальцах цвета слоновой кости запеклась черными пятнами. Холод усыпальницы, казалось, проникал уже в ребра Эшера.

Антея говорила быстро, как будто боялась, что Джеймс начнет ее утешать:

— Иногда он выходил на прогулку. Сначала я подумала, что так случилось и на этот раз. Но когда я вернулась под утро, дом уже был обыскан, в воздухе — запах табака и пота, а на полу — вот это. Я думала, его похитили. — Темные брови сошлись на переносице; последний узелок был завязан. — Я бы знала, если он... если бы с ним что-нибудь случилось.

Эшер вспомнил свой сон. «Как он мог умереть? — спросила она тогда. — Неужели я

поднимусь сейчас по лестнице, а он не ждет меня там, наверху?»

— И вы не пошли к Гриппену? — Антея покачала головой.

— С тех пор как в прошлом году случились известные вам события, для лондонских вампиров настали тревожные времена. Гриппен принялся создавать новых птенцов — на место убитых призвал в Лондон своих старых питомцев. Мне он не доверял никогда. Сказать по правде, я... пока вы не упомянули об этом австрийце, подозревала, что это дело рук Гриппена. А вот почему я не обратилась к Исидро, сама не знаю.

Антея достала из саквояжа и подала ему купленную днем рубашку. Затем взяла фляжку виски и, отступив на шаг, принялась тщательно смывать с пальцев следы крови. Пока она занималась этим, Эшер оделся, даже повязал галстук. Двигался он через силу, несколько раз у него темнело в глазах, но помощи Антея ему так и не предложила. Во мраке усыпальницы среди костей по-прежнему шныряли крысы.

— На определенном расстоянии я способна чувствовать присутствие моего мужа. Я... я была не в силах ждать. — Она вскинула глаза. — А не мог он бежать в Австрию, спасаясь от Мастера Лондона?

— Мог, — сказал Эшер. — Но я подозреваю, что Гриппен тут вообще ни при чем. Пойдемте. — Он взял свой саквояж. — Не составите ли мне компанию за чашечкой кофе?

Тонкими белыми пальцами Антея накинула плащ на траурные вдовьи кружева и извлекла из темного угла усыпальницы широкую черную шляпу с перьями и плотной вуалью.

«Бросила ее здесь, — подумал Эшер, — когда поспешила мне на выручку. А крысы не погрызли, потому что испугались... почувствовали в шелке запах ее волос.»

Они расположились в «Ля Станца». Мягко сияли газовые рожки, кружились танцующие пары.

— В течение многих лет я боялась за Чарльза, — сказала Антея после того, как герр Обер принял заказ. — Отчасти из-за смерти Дэнни, который был нашим слугой еще во времена короля Георга. Его сожгло солнце. Кое-кто скажет: достойный конец для таких, как мы. — Она с вызовом бросила взгляд на Джеймса, но тот смолчал. — А отчасти из-за гибели города. Нет, я не про пожар Лондона — город умирал мало-помалу: там разрушилось здание, здесь посреди улицы возникла станция метро. Исчезло из обихода привычное слово, умер композитор, музыку которого Чарльз любил... Когда-то он часто бывал на концертах, интересовался новизной, но затем...

Официант принес кофе: ей — черный, с пенкой, ему — со взбитыми сливками.

— Вальс теперь выходит из моды? — Она откинула вуаль и поднесла к губам чашку, но не пригубила — лишь вдохнула аромат кофе. На танцевальной площадке дамы невесомо скользили под звуки «Сказок Венского леса», их платья были подобны лилиям шафранные, розовые, светло-зеленые, черные фраки мужчин звучали басовой нотой, пламенели офицерские мундиры.

— Полагаю, да. — Эшер вспомнил, как они вальсировали с Франсуазой. Неуклюжая с виду, в танце она двигалась легко и безошибочно. — Но не для людей моего возраста, — добавил он. — Те, что помоложе, конечно, предпочитают фокстрот и танго.

— Танго. — Она словно бы попробовала на вкус незнакомое слово. — Звучит как фрукт из Нового Света. Если надкусить — сок потечет по подбородку. Когда-нибудь я и этому научусь... — Взгляд ее вновь скользнул по танцующим. — Было время, вальс считался скандальной новинкой. Признаться, мне тоже так казалось. — Антея улыбнулась воспоминанию. — Эрнчестер тогда еще любил танцевать. Гриппен смеялся над нами. Его ведь всегда интересовало лишь то, что служит убийству. А мы часто бывали на балах. Чарльз... жаль, что вы не застали его прежним.

— Что же его изменило? — Эшер произнес это почти беззвучно, но Антея услышала. Взглянула на него сквозь вуаль и снова отвела глаза.

— Время. — Она огладила изгиб ручки кофейной чашечки — точь-в-точь как это делала Лидия, когда что-то ее тревожило. На Эшера Антея не смотрела по-прежнему. —

Жаль, что вы не знали его таким. Жаль, что вы не знали нас обоих.

Вокруг звучала музыка, шаркали подошвы, и тем не менее за их столиком как бы возникла тишина.

— Вы читаете частные объявления в «Таймс»? — спросил Эшер, отвлекши ее от печальных раздумий. Потянулся за своим открытым саквояжем, но был остановлен болью в боку. Просто указал на газету, торчащую наружу. — Точнее: читал ли их ваш супруг?

— Мы все это читаем. — Антея наклонилась и взяла газету сама. — Мы годами, а бывает — десятилетиями следим за тем, что происходит с людьми. Для нас это все равно что романы Бальзака или Диккенса. А ночи длинны.

Эшер развернул страницу и коснулся пальцем того самого объявления.

— Субботний номер, — сказал он. — Вот это, как мне кажется, напрямую связано с его исчезновением. «Юмисиз» по-турецки означает «лишенный надежды». По-английски возможен вариант «Уонт-хоуп». Эрнчестер знает турецкий?

— Когда-то он был одним из послов короля Карла в Константинополе, еще до того, как мы поженились. Он отсутствовал три года. Разлука показалась мне вечностью. — Антея сухо улыбнулась, осознав нечаянную иронию этой фразы, и добавила: — Да мне и сейчас так кажется, когда я об этом вспоминаю. — Она нахмурилась, сравнивая текст объявления и расписание поездов, найденное ею в ночь исчезновения Эрнчестера. — Но почему? — спросила она наконец. — Что он мог такого ему сообщить, этот Олюмсиз-бей, если Чарльз уезжает, не известив меня? Даже без поддержки Гриппена — у нас еще в запасе было достаточно надежных укрытий. Нам ничего не грозило. Люди проникли в наш дом, да, но они сделали это ночью. Он бы без труда справился с ними. Ночью люди беспомощны. Чарльз знает в Лондоне каждый подвал, каждый закоулок. Допустим, он когда-то хорошо знал Вену, но города со временем меняются, и это очень опасно для тех, чья плоть воспламеняется от лучей солнца. Чем Олюмсиз-бей мог поманить его?

— Те, что обыскивали ваш дом, были наверняка наняты кем-то еще. — Эшер снова сложил газету и расписание поездов. — Исидро говорил мне, что неумершие обычно знают, когда кто-то пытается их выследить. А вы, получается, даже не имеете понятия об этих людях?

Она покачала головой:

— Ни малейшего...

— Стало быть, кто-то навел их на вас.

Вальс кончился. Оркестранты положили инструменты. Седобородый джентльмен галантно подал своей улыбчивой и тоже немолодой уже партнерше экстравагантный плащ из золотистого меха. Антея зачарованно проводила их взглядом.

«Короли? — предположил Эшер. — Попытка отвлечь внимание графини Эрнчестер, чтобы она не помешала бегству мужа? Да, но тогда он должен знать о вражде между Гриппеном и Антеей, о том, что супруги рискуют утратить покровительство Мастера Лондона!»

Во всяком случае, несомненно одно: негодяев, напавших сегодня на Эшера, нанял именно Короли.

Появился Обер с черным плащом леди Эрнчестер. Помогая даме одеться, Эшер вновь дернулся от боли. Антея быстро обернулась.

— Рана? — Ее пальцы были по-прежнему холодны, хотя она перед этим долго согревала их о чашку с горячим кофе. — Простите, я не подумала...

— Я и сам о ней забыл, — сказал он. — Позвольте я вас провожу.

Тюль тумана, подсвеченный газом, окутывал статуи и каменные гирлянды зданий Грабена. Тут и там еще сияли окна, за которыми служанки освобождали от корсетов своих хозяек, расчесывали им волосы, приносили ночные рубашки и молитвенники, замыкали в ларцы украшения, чистили бальные туфельки, чтобы затем скорчиться в холодных постелях и забыться сном на несколько часов. Воздух на улице был ледяной, среди безлистных деревьев, стволы которых были, казалось, изрезанны неведомыми рунами, изредка мелькала

тень запоздавшего прохожего.

— Доктор Эшер.

Он приостановился, взглянул. Ее лицо казалось несколько смущенным.

— Я понимаю, что ни одна порядочная женщина не попросит мужчину остаться на ночь в своей спальне. — Пальцы Антеи тронули пуговицу на рукаве Эшера. — Но это фарс — думать сейчас о подобных условностях. Старые привычки давно умерли. Вы... останетесь?

Говоря, она смотрела ему в глаза. Странно, но Эшер не чувствовал надвигающейся опасности. Хотя прекрасно помнил, как тщательно смывала вампирша кровь с пальцев, помнил ее нервные торопливые речи, когда она явно боялась остаться в тишине. Ему пришло в голову, что Антея вдыхала аромат кофе, заглушая таким образом запах его крови.

Не похоже, чтобы леди Эрнчестер влияла сейчас на его сознание, пытаясь заманить к себе в качестве жертвы.

Поколебавшись, Антея продолжила:

— Самое страшное, конечно, это путешествовать в поезде одной. — Они шли по широкой улице — две одинокие фигуры в сгущающемся мраке. Позади них возвышался Чумной Столп — окруженный статуями святых и херувимов. — Прибыв в Париж, я еле успела войти в номер отеля, я боялась, что сон, утренний неодолимый сон вампира, настигнет меня прямо на улице. Меня, наверное, сочли сумасшедшей: как только слуги внесли в номер мой огромный чемодан, я вытолкала их прочь и замкнула дверь. И даже когда я осталась одна, все равно было страшно. Как знать, вполне возможно, что какая-нибудь алчная горничная решит среди бела дня порыться в моих вещах... — На секунду она ускорила шаг, и пальцы ее сжались на локте Эшера, стали стальными. — Но хуже всего было в поезде на следующую ночь, — продолжала она. — Засыпать под перестук колес, не зная, проснешься ли вновь!

Говорят, мы не чувствуем боли, когда нас сжигает солнце, мы сгораем во сне, но кто знает! — Под вуалью лицо Антеи казалось спокойным, однако голос ее был прерывист, и она зябко куталась в плащ, хотя бессмертные, наверное, холода не ощущают. — Кто может рассказать об этом? Даже в крошечной темноте подвала солнце погружает нас в сон. Иногда мы знаем и слышим, что происходит вокруг, но проснуться не можем.

Они приблизились к двери ее отеля. В нижних этажах этого великолепного особняка проживали богатые наследники древнего дворянского рода, но мраморная лестница вела вверх — в тесные номера.

Антея приостановилась в тени колонн парадного крыльца.

— Год назад Исидро нанял вас... или заставил работать на него. Делать при свете дня то, что он не мог сделать сам. И вы честно все выполнили.

Пар от дыхания Эшера смешивался с туманом. Из уст Антеи не вырывалось ни облачка, даже когда она говорила.

— У меня не было выбора.

— Выбор есть всегда. — Взгляды их снова встретились. — Я могу лишь просить вас. Оставайтесь в моем номере, пока не сядет солнце. Пожалуйста.

Когда-то Лидия подсчитала, какое количество человек за сто лет убивает в среднем один вампир. Будь Эшер тем, кем он был раньше, он бы не колеблясь ответил: «Да», а чуть позже открыл бы крышки кожаного сундука, позволив солнечному свету обратить убийцу в пепел.

Однако она спасла ему жизнь. Стало быть, нужно ответить: «Нет».

Куранты собора Святого Стефана пробили два — и нежным перезвоном ответили им часы церквей и монастырей Альтштадта.

Кроме того, возможно, она заманивает его в ловушку.

Он даже не сможет позвать на помощь.

Но он бы не мог позвать на помощь и в той усыпальнице.

Наконец Эшер сказал себе, что должен найти Эрнчестера, а значит, ему необходим

союзник-вампир. Однако сам-то он прекрасно понимал, что не все так просто.

— Хорошо, — сказал он. — Я согласен.

— Он махнул на все рукой лет пятьдесят-шестьдесят назад. — Антея сняла шляпу, и Эшер, преодолевая боль, все-таки заставил себя принять ее плащ. Платье леди Эрнчестер было из норвежского шелка, рукава сияли гагатом. — Музыка, наблюдение за людьми (не для охоты за ними, а просто из любопытства) — все это значило для него все меньше и меньше. Как в той недавно вышедшей сказочной книге, где человеку сначала приделывают железную ногу взамен отрубленной, потом руку — и так далее, пока он не перестает чувствовать себя человеком, потому что у него уже нет сердца. — Веки ее вздрогнули словно, от боли, и она огладила их затянутой в перчатку рукой. — Вы подумали, почему же он все эти пятьдесят-шестьдесят лет, уже потеряв вкус к жизни, продолжал убивать двух, а то и трех человек в неделю? Это трудно объяснить. Видимо, просто... но привычке жить...

— Я ничего не подумал, — Эшеру вспомнилась кровь Жана ван дер Плаца на стене амбара и боль в глазах мальчишки в тот момент, когда он, Джеймс Эшер, спускал курок.

Антея зажгла лампу на тяжелом столе. Что бы она сказала, увидев ту нелепую смерть рыжеволосой проститутки? Впрочем, Эшер тут же осознал, что эта женщина видела кое-что и пострашнее. И видела, и творила сама... В маленькой комнате, украшенной копиями натюрмортов и пахнувшей коврами, не было даже газового рожка, не говоря уже об электричестве. Топазовый свет лампы сделал лицо вампириши почти человеческим — положил тон на ее щеки, придал блеск глазам, бросил на черные волосы светло-коричневые блики. И Эшер снова вспомнил свой сон: Антею, лежащую на полу старого дома Эрнчестеров, того самого дома, где он впервые встретился с этой женщиной, спасшей его тогда от гнева Мастера лондонских вампиров.

— Мне жаль, что я вызвал эту распрю, — сказал он. — Поссорил вас с Гриппеном...

Она покачала головой.

— Эта распря тянется десятилетиями. Или даже веками. Ему был нужен Чарльз, точнее — его дома и земли. Наследников у нас не было, и нам удалось сохранить большую часть владений. А Гриппен после Большого Пожара утратил многие свои укрытия. Кроме того, город потом сильно изменился... Я так оформила документы, чтобы Гриппен никоим образом не смог завладеть нашей собственностью. Но вечно это, конечно, продолжаться не могло. Вампиры не убивают вампиров, но... думаю, в конце концов он бы не устоял перед соблазном... Кто такой Кароли? — Она сняла перчатки, в свете лампы блеснули длинные ногти.

И пока Антея доставала из волос заколки, Эшер успел ей поведать о первых своих встречах с Кароли в Вене.

— Насколько я знаю, сейчас он перешел в дипломатический корпус. От молодых людей его сословия там требуется минимум квалификации. Мне точно известно, что он убил по меньшей мере двух наших агентов, но доказать ничего невозможно.

— Откуда он мог узнать о моем муже? — Она замерла с гребнем в руке. — Он может быть жесток, да, умен и опасен, но кто бы ему подсказал, как выйти на лондонского вампира? Только другой вампир. И почему именно на лондонского? Мастера ночных городов обычно ревниво охраняют свои владения и не терпят иных вампиров, кроме своего выводка. Эрнчестер об этом знал.

— Может быть, в этом-то и заключается план Кароли. — Эшер взял губку, смочил холодной водой и принялся затирать пятно крови на пальто.

— Позвольте мне, — сказала Антея, отбирая у него губку, и Эшер почувствовал себя очень усталым. Рана продолжала ныть, но уже не дергала, как прежде.

— Пока не ясно, что ему нужно от вашего мужа, — сказал он через некоторое время. — Возможно, дело как раз в том, что Эрнчестер не является птенцом местного Мастера. Может, от него требуется создать свой выводок — не знаю, с какой целью. Но в любом случае Кароли должен был вывезти вашего мужа из Лондона. Потому что в Лондоне — Гриппен.

— Да, — мягко сказала Антея, — Гриппен бы узнал. Она двинулась к дверям спальни,

где в полумраке мерцал медными углами и застежками огромный напоминающий гроб чемодан, занимавший почти все пространство между стеной и кроватью. Руки Антеи, зарывшиеся в черные кружева на груди, были подобны лилиям, оправленным в золото.

— Когда вампир создает птенца, — медленно проговорила Антея, — он... он забирает его разум, его сознание и его личность, вбирает это все в себя... потому что тело птенца временно умерло. Потом, когда плоть перерождается, вампир вновь вдыхает в него разум и душу, возвращает в измененное тело то, что взял. Но не целиком. Да и то, что он вдыхает, тоже изменилось. Слегка. — Мраморный профиль ее был недвижим, карие глаза устремлены в пустоту. — Нет, — сказала она. — Кароли не мог использовать Чарльза в Лондоне. Все стало бы известно Гриппену. Тем более Гриппен следил за вами. Возможно, выжидал, когда представится случай... Ненавижу его. — Антея качнула головой и повела плечами, словно эта мысль легла на нее тяжким грузом. — Я возненавидела его еще в ту ночь, когда Чарльз привел меня к нему в дом... Элиза де Монтадор, Мастер парижских вампиров, не столь стара, как Гриппен, и не обладает такой властью, но, думаю, и она почувствовала бы, что в Париже объявился чужак. Тогда уж Чарльзу и этому Кароли проще было бы отправиться в Руан или Орлеан. Все тамошние вампиры погибли во время последней войны с Германией. И туда можно добраться в течение ночи, не рискуя...

— Вы знаете венских вампиров?

— Нет. — Она подошла к окну, отвела зеленую бархатную штору с золотой бахромой и тяжелыми кистями. — Я чувствую их... чувствую их присутствие. Как и они мое. Они не знают, где именно я сейчас нахожусь, но знают, что я здесь. — Ее пальцы ощупывали бахрому, наслаждаясь ощущением, подобно тому, как недавно в кафе они оглаживали фарфоровую чашку. Блики уличного света превратили лицо Антеи в волшебную мозаику из золота и черни. — Я ощущаю... все. В этом новом городе, кажется, каждый камень источает музыку... Перед тем как мы с вами встретились, я около часа бродила по улицам. Иной воздух, иные запахи, голос реки, не похожей на Темзу... Каждый булыжник под ногами казался мне драгоценностью, я готова была бегать по городу и собирать их, как глупая жадная девчонка.

Бескровные губы изогнулись в улыбке, и Эшер вспомнил, с каким напряженным вниманием она следила за танцующими в кафе, как упоенно вдыхала аромат кофе, слушала музыку вальса.

— Я знаю, что мне грозит опасность. Я боюсь и знаю, что должна бояться еще сильнее. В любой момент я могу погибнуть в этом незнакомом городе, но... он так прекрасен! — Она завернулась в штору, как в плащ, на лицо легли зеленоватые тени, сделавшие его похожим на старую серебряную икону. — Здесь все так ново для меня, удивительно и незнакомо! Видите ли, я впервые покинула Англию. И впервые с тех пор... как я стала тем, что есть... покинула Лондон. Почти две сотни лет назад, доктор Эшер! Я думала тогда, что Эрнчестер умер, гостила у сестры на севере. Но в ту пору мне было все равно. Я очень долго горевала...

Год назад Эшер видел ее портрет, написанный, когда Антея была вдовой шестидесяти лет от роду. Грузная, седовласая, она смотрела с темного холста, словно бы вопрошая: «Как он мог умереть?» В трепетном свечении лампы глаза ее казались почти живыми. И золотое кольцо — то самое, что сейчас мерцало у нее на пальце

— Путешествовать для вампира... ужасно опасное дело.

— И все же вы здесь.

Она улыбнулась совсем по-человечески. Полные губы скрыли блеск клыков.

— Я люблю его, — сказала она. — До последнего вздоха. — И еще два столетия сверх того.

Леди Эрнчестер приказала, чтобы горничные ее не беспокоили, ибо она — актриса, то есть днем отдыхает, ночью работает. Когда она поведала об этом Эшеру (рассказывая попутно, как произносились те или иные слова в ее раннем детстве, и зашивая дыру от ножа на пальто Джеймса), он даже зажмурился, представив себе реакцию консьержки.

Однако когда в коридоре слышались голоса служанок, щебечущих по-чешски и по-

венгерски, дверную ручку никто не тронул.

Остаток ночи Эшер провел, беседуя с графиней-вампиришей о филологии и фольклоре. Кстати, она превосходно изобразила говор своей нянюшки из Уэссекса. Боль в боку стихла. Когда утром его разбудила болтовня горничных в коридоре, он обнаружил, что сквозь зеленоватые шторы льется солнечный свет, а сам он лежит на диване, пытаясь сообразить, какой же все-таки придыхательный гласный звук произносили в конце слов крестьяне в те времена, когда Антея была молода. Кто бы мог подумать, что ему доведется потолковать на эту тему с современницей Шекспира!

Затем щебет в коридоре смолк, и верхние этажи особняка объяла тишина. Глухая тишина, нарушаемая лишь клацаньем трамвая на Шоттенринг да отдаленными звуками шарманки. Мысли Эшера вновь вернулись к женщине, неподвижно лежащей сейчас в двойном гробоподобном чемодане и свято уверенной, что он будет сидеть здесь весь день, храня ее сон. Два столетия... Скольких же она должна была убить за это время?

Жаль, что вы не знали нас обоих.

Так что же такое вампиризм? Отчаянное желание сохранить молодость? Попытка выскользнуть из потока времени?

«Я люблю его, — сказала она. — Я знала, что он не мог умереть».

А те мужчины, женщины, дети, которые умерли, чтобы продлить ее существование... Их тоже кто-то любил.

Эшер вздохнул, подпер переносицу костяшками пальцев. Мысль извивалась, как рыба на крючке. Она ему доверяет. Без нее ему ни за что не найти Эрнчестера, который вот-вот предложит свои услуги Габсбургам, если уже не предложил... Чем его мог поманить Кароли? Спасением от Гриппена? Тогда зачем было таиться от Антеи? Почему не забрать в Вену их обоих?

Кто обыскивал дом? Кто еще был посвящен в планы Кароли? Что они там искали? Кто такой Олюмсиз-бей?

Прозвище Мастера Вены? Не исключено, что по происхождению он — турок. В семнадцатом столетии османы здесь погуляли изрядно. Почему бы не предположить, что самый старший вампир в этом склонном к космополитизму городе — не австрияк? Вообще не европеец...

И самое главное: если удастся найти Эрнчестера, что с ним делать? Убить?

В этом случае пришлось бы убить и Антею. Иначе Эшеру уже никогда не спать спокойно.

С мягким масляным щелчком в замочной скважине провернулся ключ. Вспоминая, как будет по-венгерски: «В эту комнату просили не входить», Эшер поднялся и двинулся к двери, но она уже открылась, пропуская Бэдфорда Фэйрпорта.

— Эшер? — Маленький человечек изумленно моргнул и поправил очки, словно надеясь, что появление здесь Джеймса есть результат неправильного преломления лучей. — Какого черта!..

«Еще какая-нибудь телеграмма, — машинально подумал Эшер — и туг же: — Как они меня выследили?...» Он попытался восстановить в памяти, что именно они говорили с Холивеллом об особняке Баттиани, но тут из-за двери с быстротой пантеры возник и приставил к горлу Эшера нож Игнац Кароли.

— Нет! — проблеял Фэйрпорт при виде крови, побежавшей по лезвию, как по лабораторному стеклу. — Только не здесь!

Вслед за ними в комнату проникли два головореза, которых Эшер видел впервые, и кучер с обезьяньими надбровьями. Дверь заперли. Один из незнакомцев ухватил Джеймса сзади за локти и повалил на пол, другой устремился к окну, задернул штору. Кровь, бегущая из пореза на шее, обжигала кожу. Кароли еще держал лезвие наготове, но внимание его уже переключилось на другой предмет.

— Найдите это!

Эшер попытался повернуться, и его снова прижали к полу. Краем глаза он видел

Фэйрпорта, глядящего на него с гадливым изумлением. Один из головорезов взял докторский саквояж и, достав оттуда клейкий пластырь, залепил Эшеру рот. Свободной рукой Кароли извлек из кармана своего пальто шелковый шарф, с помощью которого Джеймсу связали руки. Вполне возможно, тот самый, которым была задушена проститутка в Париже.

Лишь после этого Кароли отвел нож от горла Эшера и спрятал его во внутренний карман жилета. Мужчина, державший Джеймса, грубо пнул его по ногам — для вящей уверенности, в то время как двое других ринулись в сторону спальни. Эшер попытался крикнуть, предупредить, чтобы они ни в коем случае не вскрывали чемодан...

Затем сообразил, что Антее ничего не грозит.

Кароли проник в ее дом и нарочно оставил на полу расписание поездов, приписав на полях: «Венский экспресс».

А в Вене он просто проследил, куда повезут с вокзала этот огромный чемодан.

— Это должно быть здесь, — сказал по-немецки Фэйрпорт.

— Вы там не хотите открыть глянуть? — спросил кучер.

Фэйрпорт издал протестующий вскрик. Кароли произнес:

— Оставьте, Лукас. — И хотя сказано это было мягко, кучер немедленно покинул спальню. — И вы думаете, она не следовала за нами?

— Сказать по чести, я не знаю.

Эшер повернул голову, проведя щекой по толстому пахнущему пылью ковру, и увидел их стоящими возле дверного проема, причем старик смотрел на Кароли, как охотничья собака, только что притащившая фазана больше себя самой. Фэйрпорт — двурушник, — понял он. Вгляделся и мысленно добавил: — Причем стал им давно.

По идее, Эшер должен был почувствовать гнев, но этого не произошло. В Большой Игре случилось всякое: здесь задушат шлюху, там застрелят слишком любопытного мальчишку...

Кароли взглянул на Эшера полуудивленно-полусочувственно:

— Так объясните мне, доктор Эшер: это совпадение, что меня преследуете именно вы? Или Эрнчестер ошибался, полагая, что Британия не использует неумерших?

Эшер наклонил голову. И то, и другое равно могло оказаться правдой.

Кароли рассмеялся:

— Вряд ли, осмелюсь предположить. Вы ведь рационально мыслящие, богобоязненные, добрые протестанты, ученые-шпионы. Цивилизованные, пытавшиеся и меня цивилизовать... на свой лад. — Он присел на корточки рядом с плечом Эшера, бравый офицер в штатском безупречно скроенном костюме. Горячий луч солнца коснулся рубина в заколке галстука, вспыхнул иа золотом кольце с печаткой. — Путешествие в горах кое-чему вас научило. Но то, что я воспринял от моей нянюшки-моравки, вам пришлось изучать в Инсбруке и Оксфорде, собирать в течение долгих лет в виде легенд и странных историй. Поэтому вас ко мне и приставили? Неужели они рассчитывали, что я вас не узнаю?

Рот был залеплен пластырем, поэтому Эшер просто взглянул ему в глаза. Вы же знаете, что я не отвечу ни на один из ваших вопросов. Полные красные губы Кароли скривились в насмешливой улыбке.

— Ну, допустим, я не разглядел вас до конца в девяносто пятом и понял, в чем дело, только на мюнхенском вокзале. Наш добрый доктор Фэйрпорт почему-то не счел нужным раскрыть мне этот маленький секрет. — Кароли приостановился. За его спиной два головореза выносили из спальни напоминающий гроб чемодан; кучер Лукас придерживал дверь; Фэйрпорт стоял рядом, водянистые глаза его беспокойно перебегали с ноши на Эшера и Кароли. — Знаете, когда-то я считал вас выдающимся полевым агентом. Вы постоянно меня переигрывали. Или вам просто сопутствовала удача?

Он достал из кармана перчатки, хотел надеть, но взглянул на Эшера и, передумав, снова отправил их в карман. Джеймс отлично понимал, что означает эта маленькая сценка.

На белых лайковых перчатках крови не остается.

— Помните мои инструкции, Лукас... все мои инструкции... — бросил Кароли и, повернувшись, с великолепной небрежностью продолжал: — Доктор Фэйрпорт, вам лучше отправиться с ними.

Фэйрпорт кивнул; глаза его сквозь толстые линзы очков были устремлены на кожаный саркофаг, с трудом проходящий в дверь.

— Конечно, — выдохнул он, — они так неуклюжи... Клаус! Клаус, пожалуйста, поаккуратнее!

Он забыл обо мне, — подумал Эшер. Скорее гневно, чем испуганно. Замычал, пытаясь окликнуть Фэйрпорта по имени.

Старик вздрогнул, и Эшер понял, что не ошибся. Увлеченный поимкой вампира, Фэйрпорт забыл обо всем на свете. Он забыл, как поступает Кароли с теми, кто встал у него на пути. Если, конечно, он вообще знал об этом. Но старик обернулся, и вовремя. Кароли уже медленно извлекал руку из внутреннего кармана.

Эшер не сводил взгляда с Фэйрпорта, давая ему понять, что случится, если тот покинет комнату. Бледные стариковские глаза мигнули растерянно за толстыми круглыми линзами. Будь ты проклят, — подумал Эшер. — Если ты позволишь ему убить меня, то хотя бы осознай, что творишь...

— Присмотрите за ними, — мягко сказал Кароли, кивнув на дверь.

Вы ведь не хотите это видеть, правда?

Кароли и Фэйрпорт глядели в упор друг на друга. Эшер чувствовал, что идет неслышный торг:

Если вы раздумали работать с вампирами, то, конечно, вы вправе так поступить...

Затем Фэйрпорт озабоченно оглянулся, словно бы вообразив, что без его присмотра носильщики немедленно выкинут саркофаг в окно или спустят по лестнице. Вновь повернулся к Кароли.

— Кое-кто... э-э... мог заметить, как мы сюда прибыли, — поколебавшись, молвил он. — Запомнить фургон...

Он виновато взглянул на Эшера, беспомощно шевельнул рукой в серой нитяной перчатке — и Джеймсу захотелось пнуть его.

Кароли терпеливо вздохнул:

— Хлороформ с вами?

Фэйрпорт направился к своему саквояжику. Руки у старика всегда тряслись, а сейчас особенно. Пытаясь смочить вату, он расплескал хлороформ, и Кароли вынужден был поспешить на помощь. Воспользовавшись моментом, Эшер вывернул кисть из наспех завязанного шарфа. Шелк — не веревка, он скользкий, так что, затягивая узел, распускаешь узы. И когда Кароли повернулся к Джеймсу со смоченной ватой в руке, тот ударил его обеими ногами в лодыжки, высвободил руку, вскочил — и метнулся к двери.

Теряя равновесие, венгр ухватился за плечо Фэйрпорта, затем отшвырнул хрупкого старика и кинулся вслед с криком: «Держи вора!»

Полуодетый, небритый, не знакомый гостиничной прислуге да еще и с залепленным пластырем ртом, Эшер мог рассчитывать лишь на быстроту собственных ног. Очутившись на мраморной парадной лестнице. Он махнул через перила — и столкнулся с двумя дюжими швейцарами. Пинком отворил балконную дверь, выбежал в галерею внутреннего двора и съехал по водосточной трубе на мостовую. Красно-белый фургон с Лукасом на козлах преградил ему путь к ведущей на улицу арке. Увернувшись от кучерского кнута и избежав встречи со спрыгнувшим из кузова головорезом, Эшер нырнул в дверь кухни, скользнул мимо двух отпрянувших кухарок и судомойки, через черный ход выбрался в переулок, а сзади слышались крики и топот погони.

Тесная средневековая улочка старого города была, как нарочно, полна народу. Одни прохожие шарахались, другие, напротив, пытались задержать беглеца. Эшер ударил кого-то, сбил с ног торговку и почтальона, свернул в арку, ведущую в другой двор, и, миновав еще одну кухню, вылетел напрямик на компанию юных гусарских офицеров в желто-голубых

мундирах, расположившихся за столиком в открытом кафе. При виде Эшера они вскочили, звеня шпорами и хватаясь за рукояти сабель...

Ему удалось отделаться от погони лишь в следующем дворе, где он удачно взбежал по темной лестнице, пропустив мимо полицию, офицеров и прочих преследователей. Не пощадив усов, сорвал со рта клейкий пластырь и, выждав, пока стихнет шум, покинул свое убежище.

От боли в боку останавливалось дыхание. Рана под повязкой снова начала кровоточить. Пробирает холод. Преодолев легкий приступ головокружения, Эшер заторопился в сторону Грабена, роясь в карманах и сильно надеясь найти там кое-что еще, кроме носового платка.

Удача сопутствовала ему. Расплачиваясь вчера за кофе десятифлориновой купюрой, заимствованной когда-то у Кароли, он был схвачен болью в боку и поэтому просто сунул сдачу в брючный карман. Денег было достаточно, чтобы приобрести на блошином рынке какую-никакую куртку. И еще билет на трамвай, идущий куда-нибудь подальше от этих опасных мест.

8

До четырех дня Эшер проболтался на окраине, помаленьку приходя в себя.

Он перекусил в одном из тех кафе под открытым небом, что были рассыпаны вдоль дорожек для верховой езды в Фольксспратер. Уничтожая чешскую сосиску, Эшер краем глаза следил за широким гравийным трактом, бегущим мимо шарманок и каруселей, вокруг огромного чертова колеса и уводящим в ржаво-серые цитадели Императорского охотничьего парка. Однажды среди тонких стволов мелькнули гусарские мундиры, вызвав в Джеймсе неприятные воспоминания.

Если начнется война, у Англии по крайней мере не будет общего фронта с Австрией.

Однако мысленная улыбка исчезла, стоило ему вспомнить об Эрнчестере. Какой бы договор ни заключили между собой

Кароли и вампир, теперь, после пленения Антеи, правила игры неминуемо изменятся. Точнее — уже изменились.

Эшер зябко передернул плечами под ветхим пальтишком.

Как долго Фэйрпорт вел двойную игру? Судя по поведению Кароли, чуть ли не с тех пор, как накрылось контрабандное русское оружие. На первый взгляд странно, почему он сразу же не рассказал Кароли о цели прибытия Эшера в Вену. Возможно, сотрудничая время от времени с австрийскими службами, сам он не считал себя их человеком. Двuruшники наподобие Фэйрпорта вообще часто придумывают себе самые невероятные и нелепые оправдания. Эшер вспомнил американского миссионера в Китае, который не предупредил его о готовящейся атаке мятежников, якобы опасаясь, как бы их китайский покровитель не прознал, что его (покровителя) сын завел любовницу в том районе Тьенцина, где эта атака должна была приключиться.

Может быть, Кароли просто не спросил Фэйрпорта об Эшере, полагая, что эту информацию ему проще добыть из других источников.

И Эшер снова содрогнулся, вспомнив страшную смерть своего проводника-чеха в Альпах.

Фэйрпорт увлекся своими исследованиями примерно в конце восьмидесятых. Качественные материалы, оборудование, научные экспедиции — все это дорого стоит, а Фэйрпорт — человек небогатый. Все-таки хороший агент не должен иметь уязвимых точек — ниточек, за которые может дотянуть враг.

Как Кароли. Гладкий, пустой человек, для которого главное — работа.

Эшер оглянулся на газетный киоск, где ежилась от холода продавщица, и прикинул, насколько стоит доверять Холивеллу.

Возможно, Кароли перекупил не только Фэйрпорта. Лучше всего, конечно, подождать до семи и оставить послание в кафе Доницетти, назначить встречу...

Он подошел к киоску и купил свежий номер «Нойе-Фрайе-Прессе». На последней странице — мелко набранный заголовок:

ТЕЛО КРУЖЕВНИЦЫ НАЙДЕНО В ВИНОГРАДНИКЕ

Эшер пробежал текст заметки, споткнулся на словах «обескровленный труп». Название местности, где было найдено тело, было ему знакомо. Полчаса езды до лечебницы Фэйрпорта во Фрюхтлингцайт.

Итак. Он незряче смотрел на яркие павильоны, на музей восковых фигур, слуха коснулись отдаленные звуки музыки. Играли «Вальс цветов».

Итак. Кружевница. Мелкая сошка — вроде той парижской проститутки.

Конечно, Кароли знает, кого подцепить. Чья смерть не вызовет большого шума.

Эрнчестер был там прошлой ночью.

Фэйрпорт выполнил свою задачу. Исследования возможного применения вампиров проведены. Кароли уверен, что сотрудники Департамента просто не способны принять все это всерьез.

А вот Эрнчестер — хочется надеяться! — свою задачу еще не выполнил.

Сегодня — сейчас! — граф еще пребывает там же, где, по идее, должна находиться его супруга. Но зная, что Фэйрпорт и его лечебница засвечены, все они вскоре бесследно растают в ночном тумане, оставив на память пару пятен крови да смутные слухи.

По дорожке промчался фиакр. Кучер, привстав на козлах, весело присвистнул. Солнце стального цвета нисколько не согревало. Эшер вновь поежился и согрел руки дыханием.

Можно, конечно, взять самый дешевый билет до Мюнхена — в крайнем случае проехать зайцем в багажном вагоне (Эшеру уже приходилось проделывать нечто подобное). Если Бурдон до сих пор глава мюнхенского отделения... если само отделение еще не прикрыли, можно будет раздобыть денег на билет до Англии. Сообщить, что Фэйрпорт — предатель, что он работает на Кароли (очень опасный человек!), и умыть руки. Вернуться домой, к Лидии, которая, должно быть, бомбардирует сейчас Фэйрпорта телеграммами... Эшер и так сделал здесь все, что мог. Не его это дело! Правда, Антея — в руках Кароли. И известно, где находится Эрнчестер. Вот в чем суть. В киоске был телефон. Но полиция, несомненно, разыскивает Джеймса, аппарат Холивелла наверняка прослушивается.

Когда Эшер сел за столик, в кафе под открытым небом находились еще несколько таких же безумцев, прихлебывающих кофе и поглядывающих в грязные воды канала. Теперь Эшер был один. За рекой куранты Святого Стефана пробили три.

Джеймс заставил себя подняться, сунул озябшие руки в карманы и, оглядев на всякий случай окрестности, двинулся в сторону Пратерштерн, где собирался на последние пфеннинги приобрести билет на трамвай, идущий в сторону Венского леса.

Сразу после наступления сумерек Эшер почувствовал за собой слежку.

Покинув трамвай, он ковылял по лезущей вверх дороге, что вилась среди ржавого редколесья. Ходьба согревала, хотя боль отдавалась в боку при каждом шаге, — и наконец Эшер присел отдохнуть на низкую каменную стенку, отделявшую дорогу от виноградника. Когда собрался с силами, колоколенка деревенской церкви неподалеку огласила окрестность пятью ударами.

Несколько раз его обгоняли телеги, один раз мимо прокатил автомобиль, однако с сумерками такие встречи становились все реже и реже. Ветер разогнал облака, всплыла в ледяном круге серебряная монета луны. К шести стало совсем темно.

К счастью, дорогу Эшер знал. Поднявшись, измочаленный, на очередной холм, он, даже не глядя туда, где должна была, по идее, располагаться сторожка лечебницы, мог с уверенностью сказать, что почти достиг цели.

Приостановился, ожидая услышать человеческие голоса. Но услышал нечто иное.

Даже не услышал — почувствовал. Что-то подсказало ему, что они следуют за ним среди деревьев. Не побывай он у них в руках год назад — возможно, вообще бы ничего не заметил.

Вот оно — внезапная легкая сонливость. Откуда бы ей взяться, если снова задергало

бок, а в прорехи ветхого пальто врывается ледяной ветер. И еще это странное нежелание оглянуться по сторонам, всмотреться в чашу. Вскоре ему стало казаться, что в воздухе разлит еле уловимый запах старой крови.

Эшер не замедлил и не ускорил шага, опасаясь выдать, что он догадался об их присутствии. Еще немного — и он окажется перед воротами, где его могут заметить люди Кароли. Значит, нужно сойти с обочины. Серебряные цепочки на шее и запястьях выручат его на несколько секунд, но не спасут от перелома шейных позвонков. Дорога впереди была пуста.

Обычно вампиры двигаются бесшумно, однако стояла осень — и, напрягши слух, Эшер уже различал слабый шорох палой листвы под невесомо ступающими ногами.

Он остановился на обочине, держась в тени (на тот случай, если Кароли действительно приказал наблюдать за дорогой), извлек из кармана часы, повернул циферблат к лунному свету и со щелчком захлопнул крышку. Сделал вид, что отправляет вещь на место, сам же тем временем открепил цепочку часов от пояса и, намотав ее на палец, сунул руку в карман пальто, словно от холода. Серебряный тикающий диск лежал в ладони.

Пусть немного, но что-то.

Перепрыгнул через канаву, вскарабкался на обваловку. Возможно, они слышали сейчас даже удары его сердца. Венский лес довольно редок. Заблудиться в нем можно разве что летом. Сейчас же среди голых стволов буков и яворов, да еще и при лунном свете ориентироваться было довольно легко. Хотелось бы знать, сколько охранников держит Кароли на территории лечебницы. Чтобы поднять тревогу, достаточно и одного.

По идее, этот охранник должен обитать неподалеку от стены.

Как там сказала Антея? «Мастера ночных городов ревниво охраняют свои владения и не терпят иных вампиров». Эшер вспомнил также несчастного лондонского птенца Забияку Джо Дэвиса, то и дело озирающегося в ужасе: Они убьют меня. Гриппен хочет, чтобы в Лондоне был только он сам и его выводок, его рабы.

Вполне возможно, местные вампиры тоже прочли заметку о мертвой кружевнице в «Нойе-Фрайе-Прессе» и поняли, что на их территорию вторгся дерзкий чужак, который убивает открыто и не может не навлечь подозрений со стороны властей.

Или просто вышли на охоту и почуяли кровь Эшера, услышали его дыхание.

В любом случае ему от этого не легче.

Эшер старался продвигаться, как можно быстрее. Однажды ему послышались шорох листьев и шелест женского платья, но все его инстинкты кричали, что вампиров здесь несколько. Подобно акулам, они преследовали его, прячась за голыми стволами.

Впереди обозначилось смутное белое пятно. Это была она, задняя стена лечебницы, перевитая черными жилами плюща. За нею выплывали из мрака островерхие крыши и каменные стены, выкрашенные золотистой охрой. Ставни окон, смотрящих на лес, закрыты, освещен лишь второй этаж строения, ранее бывшего конюшней, а ныне ставшего лабораторией. Эшер всегда подозревал, что престарелые собаки и коты (а затем и крупные венские дельцы), над которыми Фэйрпорт проводил свои эксперименты, шли на поправку скорее благодаря массажам, хорошему питанию и свежему воздуху, нежели «магнитной индукции». Кстати, под лабораторией имелся подвал, где Фэйрпорт установил генератор. Там же находился склад угля и керосина.

Возле ограды Эшер почуял дымок папиросы охранника.

Деревья здесь подходили к стене почти вплотную. Укрывшись за стволом дуба, Эшер мог видеть окно, у которого он сидел много лет назад, обдумывая, как ему покинуть Вену и предать, смертельно оскорбить Франсуазу — так оскорбить, чтобы она даже имени его больше не хотела слышать.

Затем он повернул голову и увидел стоящую рядом женщину.

Волосы его шевельнулись. Он не услышал ее приближения.

Она была прекрасна и словно соткана из лунного света, льняные волосы обрамляли лицо подобно морозному сиянию. В одежде ее тоже преобладали лунные оттенки: на

незнакомке было нечто паутичатое, воздушное; по рукавам пробежало мерцание, стоило ей поднять руки. В прозрачных глазах — то ли серых, то ли голубых — стыли печаль и восторг.

Разум померк, и Эшер почувствовал непреодолимое желание. Даже то, что из-под чувственных губ блеснули клыки, его уже не смущало. Он хотел ее столь же сильно, столь же отчаянно, как Лидию до их первой брачной ночи, как девушек из магазина — будучи студентом, одолеваемым мальчишескими страстями. Он двинулся к ней, будто пьяный, ведомый одной-единственной мыслью: поцеловать ее, дотронуться, обнять — и не важно, что будет потом.

Какая-то часть мозга все еще сопротивлялась, но все слабее и слабее. Тонкие пальцы коснулись лица Эшера — холодные даже сквозь кожу перчаток, и тот же холод Джеймс ощутил, обняв ее за талию.

Внезапно рот незнакомки свело судорогой. Чары развеялись, стоило ей отдернуть руку, добравшуюся до серебряной цепочки на горле Эшера. Он очнулся — и увидел прямо перед собой оскал разъяренного кота. Стальные пальцы стиснули кисть руки. Но другая рука оставалась свободной. И он ударил вампиршу по щеке выхваченными из кармана серебряными часами. Она закричала. Боль, изумление, ярость слышались в этом крике. Так, наверное, визжат лишь демоны в аду.

Он отшвырнул ее — и кинулся к стене. Вопль повторился. Краем глаза он еще успел ухватить, как, упав на колени, она корчится и царапает лицо ногтями. Нечто, напоминающее клоч темноты, метнулось среди стволов — и Эшеру почудилось, что кто-то, запустив руку под череп, сдавливает мозг. Усилием воли разжав эту хватку, он перевалился через стену — как раз в тот самый миг, когда в доме слышались голоса. Эшер откатился в тень, пряча лицо. Вскоре мимо него пробежали к воротам. А мгновение спустя он уже метнулся к той двери, что под лестницей.

В саду перекликались встревоженные охранники; слышалось имя кучера Лукаса; кто-то помянул «герра капитана» (что, видимо, соответствовало армейскому чину Кароли).

Вопли за стеной смолкли. Суматоха во дворе продолжалась.

«Минут десять, — подумал Эшер, сбегая по вымощенному камнем коридору в кухню, — пока они осмотрят окрестности и обойдут стену по периметру». В буфетной он с помощью рычага отодвинул от стены шкафчик и скользнул в открывшийся за ним узкий проход. В свое время он частенько отправлял этим путем в подвал славянских националистов и русских посланцев, которым не стоило попадаться на глаза пациентам Фэйрпорта.

Боже, как она завизжала, эта блондиночка!

Сегодня днем на блошином рынке Эшер приобрел также кусок проволоки, дабы сделать из нее новую отмычку. Руки у него еще тряслись, когда он отмыкал дверь в конце лестницы. Замок был старого типа, с такими Эшер справлялся не глядя. И ведь говорил, дюжину раз говорил Фэйрпорту, чтобы сменил...

Забавно, но даже семнадцать лет работы на Департамент так и не смогли заглушить в нем некоего внутреннего рыцарского голоса, постоянно протестовавшего против неджентльменских поступков, как-то: пнуть лежачего, применить в драке один из так называемых нечестных приемов, выстрелить человеку в спину, дать ложную клятву, подписаться под чужим именем...

Застрелить шестнадцатилетнего мальчишку, который тебе верил.

Обокрасть женщину, которая тебя любила.

Ударить по лицу прекрасную девушку металлом, который для нее все равно что серная кислота.

А тот факт, что в противном случае она бы его немедленно убила, вряд ли приняли бы в расчет голоса из прошлого: отца, тетушки, наставников из Винчестера и Оксфорда. Перед ними он по-прежнему чувствовал себя полной свиньей.

И чем эта вампирша, по сути, отличалась от Антеи?

Нехитрый механизм сдался. Эшер отворил дверь, и слабый отсвет газа из буфетной

наверху бросил какой-то странный блик на внутреннюю часть замка. Джеймс придержал дверь ногой и зажег спичку.

С той стороны замок был серебряный.

Из-за двери потянуло запахом свежих опилок. И кровью.

По спине вновь пробежали мурашки. Эшер затаил дыхание, вслушался. Затем поставил замок на предохранитель, чиркнул еще одной спичкой и заглянул в подвал.

Из темноты вновь блеснуло серебро. Там, где раньше располагалась небольшая скудно обставленная комната (кровать да кресло), теперь в двух шагах от Эшера сияла решетка из стальных прутьев с серебряным покрытием. Там, где прутья уходили в пол, насыпан был валик из желтых свежих опилок.

За решеткой блеснула пара глаз, похожих на кошачьи.

Пламя подобралось к пальцам, и Эшер задул спичку. Во мраке, слабо разбавленном льющим сверху полусветом, он различал за решеткой лишь бледное слепое пятно лица и еще два бледных пятна — руки.

Из темноты раздался голос:

— Вам нужна моя капитуляция? Я был согласен сделать все, о чем меня просили. Мало того что вы предали меня, что вы мне лгали... Теперь еще и... это.

Последовала пауза. Эшер ошеломленно глядел во тьму. Из-за серебряной решетки вновь просияли странные глаза.

Потом голос сказал:

— Доктор Эшер. Лингвист из Лондона. Дон Симон говорил, вы были шпионом.

Внезапно Джеймс все понял.

— Это не ваша жена кричала, — сказал он.

Одно из бледных пятен взметнулось, слилось с другим:

Эрнчестер поднес руку ко рту — и вновь закрыл глаза.

Эшер торопливо продолжил:

— Это был другой вампир, женщина. Она напала на меня возле стены. Вы знаете, где они хранят ключи?

Эрнчестер покачал головой.

— Они у Фэйрпорта, — сказал он, помедлив. Выговор его, как Эшер подметил еще в поезде, был заметно архаичен. — Где Антея? Они сказали, что держат ее где-то здесь...

— Я не знаю.

— Найдите ее. Заклинаю вас, заберите ее отсюда...

Эшер подступил к решетке и ощупал замок. Да, это простой отмычкой не откроешь. Глаза уже привыкли к темноте. В глубине обозначился глыбой мрака кожаный саркофаг. Сам граф в старомодном хвостатом сюртуке, красно-желтом жилетике и панталонах со штрипками показался Джеймсу совсем маленьким. Пыльный призрак, мумия, которую нельзя выносить на свет.

— Я вернусь.

Повернувшись, он заметил на скамье возле внешней двери перчатки, в которых Антея была в «Ля Станца», и алую ленту с висящей на ней черной жемчужиной. Надо понимать, Кароли принес это сюда в качестве доказательства, что Антея у него в руках.

«В чем же дело? — размышлял Эшер, избегая по лестнице в буфетную и снова придвигая шкафчик к стене. — Что они ему могли предложить? Ведь Эрнчестер добровольно сел в поезд на вокзале Черинг-Кросс. И когда убивал Крамера, он тоже был свободен в своих поступках...»

Эшер вспомнил открытую улыбку юноши — и стиснул зубы.

В офисе горел свет, и одна из штор была задернута лишь наполовину. Плохо. Надо будет действовать осторожней, чтобы снаружи не заметили, как он тут роется в ящиках стола. Тихо было в этом крыле дома. Через несколько минут они вернутся и скорее всего общут всю лечебницу. Эрнчестер прав: надо освободить Антею. Пока она в руках Кароли — в руках у него и сам Эрнчестер. То, что он вообразил себе, услышав женский крик, уже

говорит само за себя.

Убийцы! — подумал он в бессильной злобе. — То, что эта девчонка хотела сделать со мной, Антея творила в течение двух столетий! Почему я должен выручать их?

И тут же вспомнил старый портрет: седая, располневшая, придавленная горем женщина. Как он мог умереть?

Беспорядок на столе у Фэйрпорта был ужасающий. Хотя до Лидии доктору, конечно, далеко. Среди прочих бумаг Эшер нашел номер «Таймс» за прошлую пятницу и желтый конверт, в котором обнаружились два железнодорожных билета.

Париж — Константинополь. Через Вену.

Константинополь?

И пришла догадка.

Мало того что вы предали меня, что вы мне лгали...

Согнувшись в три погибели, Эшер подобрался к телефону.

— Центральная телефонная станция Вены слушает, — раздался бодрый женский голос. — Добрый вечер, милостивый государь!

— Добрый вечер и вам, милостивая государыня! — ответил Эшер. Церемонность венских телефонисток давно была ему не в новинку. — Будьте столь любезны, соедините меня с кафе Доницетти на Герренгассе и попросите, чтобы к аппарату пригласили герра Обера, пожалуйста!

Где-то хлопнула дверь. По лестнице внизу пробежали торопливо. Секунды падали, как комья земли на крышку гроба.

— Сию секунду, милостивый государь, с моим превеликим удовольствием!

Он слышал, как она долго и витиевато приветствует того, кто подошел к аппарату в кафе Доницетти и просит пригласить досточтимого герра Обера, с которым желает говорить другой досточтимый герр... Затем послышались совсем уже удаленные голоса: «...не видать... где-то был...»

«Минута, — подумал он. — У меня в запасе не больше минуты...»

— Ладислав Левкович к вашим услугам, милостивый государь!

— Герр Обер Левкович, я сознаю, сколь бестактно отрывать от дел такого занятого человека, как вы, но скажите: герр Холивелл, англичанин, не обедает ли у вас в данный момент? Будьте столь добры, дайте ему знать, что герр Эшер очень бы хотел поговорить с ним на крайне важную тему! Премного вам благодарен...

Прижимая трубку к уху, Эшер поднялся на колени и, бросив быстрый взгляд в сторону окна, продолжил осмотр бумаг. Пара-тройка рабочих блокнотов, содержащих записи бесед с долгожителями Вены и окрестностей, толстая пачка счетов за химическое и прочее оборудование. В ящике стола — вскрытые конверты из австрийского посольства в Константинополе, и в каждом весьма крупный счет и подпись «Кароли». Судя по датам, все они отправлены за последние два года. А в самом конце ящика — около дюжины ключей, ни один из которых явно не подходил к замку посеребренной решетки. Значит, только ломом. В подвале, где стоит генератор, должен быть лом...

Проклятие! — подумал Джеймс. — Да прекращай ты там болтать с герром Обером и беги к телефону...

— Положите трубку, Эшер.

Он повернул голову. В дверях, направив на него пистолет, стоял Фэйрпорт.

9

Эшер не двигался.

— Я выстрелю, — заверил Фэйрпорт. Он обошел комнату по дуге, не приближаясь к Эшеру и по-прежнему держа его на прицеле. Подобравшись к аппарату, нажал на рычажки, прервав связь.

Эшер сел на полу, подобрал под себя ноги, поиграл оглохшей трубкой.

— Даже в своего соотечественника?

Это был старый прием — надавить на чувство патриотизма. Однако Фэйрпорт и сам не первый год участвовал в Большой Игре, так что вряд ли его этим проймешь.

— Это дело важнее интересов отдельной страны, Эшер, — мягко сказал Фэйрпорт. Тут же чуть подался назад, чтобы не оказаться в пределах досягаемости. — Но вы, я смотрю, ничем не лучше этой скотины Игнаца. О чем вы оба думаете? Вы, как дикари, готовые разорвать том Платона, чтобы законопатить им протекающую крышу! Это открытие — может быть, величайшее в истории человечества. И вот один прикидывает, как применить таких существ в Македонии или против русских в Болгарии, а другой — как их уничтожить, потому что иначе нарушится равновесие в этой вашей Большой Игре. Нет, вы не понимаете! Не желаете понять.

— Я понимаю, сколько вреда принесет такое существо, если окажется на службе у какого-либо правительства. И понимаю, чем это правительство будет с ним расплачиваться.

Фэйрпорт посмотрел на него озадаченно. Эшер удивленно приподнял брови — и краска прилила к щекам старика.

— Ах вот вы о чем... Уверен, что ситуация изменится после должных медицинских исследований... Я уже сейчас обнаружил почти все необходимые им вещества в йогурте и китайском женьшене. Поверьте, они вполне могут обходиться без человеческой крови.

— Кружевница, убитая Эрнчестером, была бы рада это услышать, — мрачно заметил Эшер, представив себе с усмешкой Лайонела Гриппена, Мастера лондонских вампиров, смакующего йогурт и отвар женьшеня. — А вам не приходило в голову, что они питаются не только кровью, но еще и агонией жертвы?

Старик вздрогнул:

— Более омерзительного предположения мне еще слышать не доводилось! Уверю вас, они излечатся от этой привычки, как алкоголик излечивается от тяга к спиртному! Дайте только время. Пусть даже сегодня кто-то кому-то причиняет несчастья...

— Вы о предателях?

В доме было тихо, только за окнами шуршали обыскиваемые охранниками кусты. Если бы удалось обезоружить старика без выстрела...

Фэйрпорт выпрямился.

— Я не предатель! — с достоинством сказал он.

Эшер взглянул на него с отвращением.

— Я еще не встречал предателя, который бы считал себя таковым.

— Я никогда не передавал Игнацу Кароли информацию, которая могла бы повредить нашим связям и нашим агентам.

— Откуда вы знаете? — устало бросил Эшер. — Вы же не интересуетесь политикой, вы даже не читаете газет. Тогда не читали и сейчас, наверное, не читаете. Задумайтесь наконец, если Кароли имеет дело с вампирами, если он шантажирует Эрнчестера, заставляет его создать выводок, верный австрийскому правительству, — против кого это все потом обернется? Да против нас с вами.

— Этого не случится! — крикнул Фэйрпорт. — Я не позволю, чтобы это случилось! Эшер, Кароли для меня — не более чем оружие. Горстка секретов, которые все равно устареют в течение года, — разве это не чепуха по сравнению с открытием, освобождающим человека от старости, от слабоумия и смерти? Взгляните на меня, Эшер! — Он воздел свой мальчишеский кулачок в серой нитяной перчатке. — Взгляните на меня! Я стал стариком в тридцать пять лет! Больные зубы, больные глаза, все больное... — Фэйрпорт потряс головой. — И двадцать лет — двадцать лет! — я каждый день встречался с такими же, как я, людьми. С людьми, которые знают, что это за ужас: жить в распадающемся теле! Я перепробовал все, я изъездил весь свет, ища средство против того, что убивает нас, делает наши волосы седыми, а мышцы бессильными... — Голубые глаза за толстыми линзами внезапно вспыхнули, голос налился ядом. — Почему одни так быстро изнашиваются, в то время как другие продолжают наслаждаться жизнью и в восемьдесят...

В следующий миг Эшера подбросило с пола, последовал удар ногой по руке с пистолетом, и почти одновременно кулак Джеймса впечатался в подбородок маленького человечка. Эшер бил в полную силу, боясь, что Фэйрпорт сумеет выстрелить. Выбирать тут не приходилось, в любую минуту мог появиться Кароли или его люди. Уж эти-то церемониться не станут...

Эшер подобрал пистолет, извлек из кармана лишившегося чувств профессора связку ключей и, сорвав с Фэйрпорта галстук, связал ему руки за спиной. В качестве кляпа использовал носовой платок. Пригибаясь, оттащил поверженного за письменный стол...

И почувствовал запах дыма.

Дымом тянуло с лестницы. Горел дом.

Эшер выругался. Ясно было, что его неминуемо схватят, попробуй он выволочь Фэйрпорта из кабинета. И все же Джеймс был обязан старику. Если бы не робкое вмешательство доктора, Кароли прикончил бы его сегодня в Вене без колебаний. Эшер вышиб ногой дверь и вытащил бесчувственное тельце на балкон. Холодный воздух должен быстро привести Фэйрпорта в себя, а по внешней лестнице он уж как-нибудь во двор спустится. На голых древесных сучьях уже танцевали багровые отсветы. Надо полагать, нижний этаж — в огне. Затем желтое пламя озарило изнутри окна бывшей конюшни.

Поджог, — в тревоге подумал Эшер. — С двух концов. Кто бы это, черт возьми, мог...

Он снова кинулся в кабинет, из кабинета — на лестницу и с пистолетом в руке заторопился вниз. Дым ел глаза. Строение было наполовину деревянное, пожар распространялся быстро.

Если это работа Кароли, — на бегу соображал Джеймс, — то почему он предварительно не убрал Фэйрпорта? Может быть, вырвалась на свободу Антея?

На пороге буфетной лежало тело кучера. Остекленелые выпученные глаза, разинутый рот. Ворот рубахи разорван, на горле — рваные бескровные раны с пухлыми краями.

Эшер почувствовал, как сердце его сжалось и заledenело.

Выглянул во двор и увидел неподалеку еще один труп. Дым жег ноздри и, надо думать, заглушал запах крови.

Не Антея. И не Эрнчестер.

Другие. Вампиры Вены.

Те, что преследовали его в лесу.

Обливаясь потом, Эшер отодвинул шкаф и бросился вниз по лестнице в холодную пропасть подвала. Распахнул дверь, чиркнул спичкой. Эрнчестер кружил, как зверь, за серебряной решеткой.

— Они здесь, — хрипло сказал он. — Я чувствую их. Дом! Они подожгли дом...

Изогнувшись, он протиснулся в отпертую Эшером дверцу — опасался коснуться прутьев.

— Антея! — Кинулся к выходу, вернулся, схватил Эшера за локоть, едва не расплющив сустав. — Вы нашли ее? В доме ее нет! Иначе я бы почувствовал... услышал ее сны...

— Видимо, в подвале под лабораториями. Больше нигде...

Пламя, проникшее на лестницу, бросило кровавые отсветы на старческое лицо графа. А ведь Антея выглядит лет на тридцать пять, не больше. Пока прокладывали путь сквозь дымящийся ад буфетной, Эшер успел отметить, что на лбу Эрнчестера не выступило ни единой капли пота.

Двор Эшер пересекал бегом, вампир же с невесомой грацией насекомого сделал это почти мгновенно и теперь стоял в растерянности перед полыхающим строением. Его бледно-голубые глаза были полны ужаса и горя.

Не теряя ни секунды, Эшер кинулся за угол. Задняя часть бывшей конюшни только еще занималась. Он вышиб ногой оконную раму и ввалился в темную котельную. Там пахло грязью, сырой кирпичной кладкой и керосином — запах, от которого у Эшера шевельнулись волосы. Он чиркнул спичкой. Вдоль стены стояли бочки. Посередине громоздился сам генератор.

— Божья смерть! — шепнул сзади Эрнчестер.

— Туда! — Эшер ткнул пальцем в сторону неприметной двери, почти невидимой из-за угольного бункера. — У нас всего несколько минут! Пока огонь не добрался...

Дверь оказалась запертой. Эрнчестер без видимого усилия с корнем вырвал замок, швырнул его на кирпичный пол и, как моль, исчез во мраке проема.

Подвал, располагавшийся под лабораторией, был хорошо известен Эшеру. Это подземелье также использовали в качестве укрытия для мятежников и посланцев, кроме того, там обычно проводили инструктаж.

На ощупь он спустился по лестнице почти до конца, когда впереди затеплился желтый огонек. Эрнчестер поставил на стол только что зажженную керосиновую лампу и снова повернулся к огромному кожаному саркофагу.

— Она там. — тихо сказал граф и, опустившись на колени, огладил замки, затем припал щекой к крышке. Глаза его закрылись, веки по-стариковски сморщились. Затем Эрнчестер очнулся и взглянул через плечо на стоящего в двери Эшера.

— Можете взяться за тот конец?

Даже вдвоем было чертовски трудно управиться с громоздкой ношей на поворотах тесной лестницы. Они пробыли в подвале всего несколько минут, а воздух уже стал дымным и горячим. Подобно дому, конюшню строили большей частью из дерева — крыша и стены вспыхивали, как трут. Когда Эрнчестер с Эшером достигли наконец котельной, там клубился дым, сверху сеялись искры и пепел. Эшер закашлялся, бросил ношу и опустился на колени. На втором этаже огонь добрался до химикатов, вполне возможно, что в воздухе присутствовала какая-нибудь отравляющая.

Джеймс попытался подняться и упал.

Сквозь рев пламени над головой он услышал скрежет медных уголков по кирпичному полу. — Эрнчестер, которому удушье не грозило, волок саркофаг к выходу.

Воздух возле самого пола был чуть прохладнее, но едок, как пары керосина. Тут же еще керосин... — вспомнил Эшер. — Как только обрушится крыша — все полыхнет...

То, что падающая крыша сначала раздавит его самого, как-то не утешало. Эшер попробовал ползти, но вскоре обнаружил, что лежит неподвижно, а упавшая головешка жжет левую руку.

Жесткие ледяные руки подхватили его под мышки и выволокли наружу, как вязанку хвороста. Здесь дыма было еще больше, а может быть, дело заключалось в том, что Эшер опрометчиво вдохнул всей грудью. Пытаясь подняться на ноги, он оперся на плечо Эрнчестера.

Тот вздрогнул и отпрянул.

«Цепочка на запястье, — сообразил Эшер. — Обожгла даже сквозь пальто.»

Кожаный саркофаг, по-прежнему закрытый, лежал неподалеку от вычурных ворот.

— Она спит.

Эшер поднял голову. Слипшиеся волосы падали на глаза, ночной воздух обжигал лицо сквозь спекшуюся корку грязи и пота. Эрнчестер вновь опустился перед саркофагом на колени, тронул крышку. Отсвет пламени положил румянец на его впалые щеки.

— Усыплена каким-то зельем, — добавил он тихо. — Что ж, может, это и к лучшему... Благодарю вас.

Эшер оглянулся. Почти весь дом был в огне, лишь то крыло, где располагался кабинет Фэйрпорта, еще противилось пламени. На гравийной дорожке чернели еще два трупа.

Он выудил из кармана ключи, выбрал пару с виду подходящих к замкам огромного чемодана. Открыл, хотел откинуть крышку, но Эрнчестер коснулся его руки.

— Не сейчас. Ночной воздух разбудит ее, и тогда мне придется удалиться. — Граф выпрямил спину, по-прежнему стоя на коленях и не отнимая рук от кожаной крышки. — Заберите ее отсюда. Возвращайтесь с ней в Англию. — Он прикрыл веки. — Прошу вас.

Отсветы пожара обозначили морщины возле глаз, складку тонких губ. Ничем не примечательное лицо, если не считать того, что оно не принадлежало нынешнему веку. Раз и

навсегда оно было вылеплено мимикой и речью той давней эпохи, и даже два прошедших столетия не смогли его изменить.

— Я не могу отблагодарить вас, — мягко сказал он. — Я больше уже не увижу ни вас, ни кого-либо из ваших знакомых. Придется остаться вечным вашим должником. Но, пожалуйста, доставьте ее домой. Скажите ей... — Он запнулся на миг, как бы не находя нужных слов. — Единственное, чего я желал, и единственное, что у меня было, — это она.

Он откинул первую крышку, затем — вторую, явив спящую в саркофаге женщину.

Мертвую и в то же время живую. В трепете отблесков далекого пламени временами казалось, что она дышит. Темные волосы рассыпаны по льняной ткани, что была еще белее прекрасного воскового лица миссис Фаррен.

Эрнчестер коснулся щеки жены, затем склонился, поцеловал в губы. Эшеру он сказал:

— Скоро проснется. Скажите ей, что я люблю ее. Навеки.

Стало светлее — пламя вымахнуло над крышей центрального строения. Эшер оглянулся и вздрогнул на балконе шевелилась, с трудом поднимаясь на ноги, тщедушная фигурка. Вот она встала, пошатнулась. Огонь пожара осветил встрепанные седые волосы, вспыхнул янтарно в толстых линзах очков. Фэйрпорт, спотыкаясь, спускался по лестнице во двор.

Непонятно каким образом смог Эшер расслышать сквозь рев и треск пламени этот тонкий серебристый смех, подобный звону хрупкого стекла, и еще — отвратительный жабий гогот. Они, казалось, разом возникли на балконе и на лестнице, похожие на тени среди мечущихся бликов. И Эшеру почудилось, что одна из этих теней одета во что-то невесомое цвета луны и паугины.

Фэйрпорт попытался закричать, но во рту у него был кляп. Оступился — и покатился по ступенькам. Вслед метнулись бледные алебастровые лица, глаза вспыхивали, как у крыс. Внизу старик попробовал встать, но снова упал. Потом пополз. А вокруг зловещими тенями танцевали те, кого он собирался в дальнейшем приучить к йогурту и женитьбе.

Они позволили отползти ему довольно далеко, прежде чем занялись им всерьез.

С грохотом рухнула крыша бывшей конюшни. Озарив двор, плеснуло до небес желтое пламя. Затем последовал еще более жуткий грохот, и земля дрогнула. Взорвался керосин.

— Чарльз!

Антея внезапно села, широко раскрытые глаза ее были полны ужаса.

Эшер взял ее за руку, и она взглянула на него, словно еще не до конца вырвавшись из кошмарного сна:

— Камни... Камни лопались от жара...

Затем Антея вздрогнула, отвела взгляд, и Эшер понял, что она только что вернулась из горящего Лондона, обратившегося в пепел много лет назад.

— Чарльз! — снова произнесла она.

— Он ушел.

Антея вскинулась, и Эшер, заранее сознавая бесполезность подобных попыток, попробовал ее удержать. Она вполне могла сломать ему запястье. Или шею. К счастью, ни того, ни другого не произошло. Леди Эрнчестер смотрела на Джеймса умоляюще и вопросительно. В кариx глазах плясали отсветы пожара.

— Он попросил меня доставить вас в Англию, — сказал Эшер. — В целости и сохранности. Сказал, что больше не увидит меня. Предположительно и вас тоже. Еще он сказал, что любит вас — навеки.

Во дворе, судя по звукам, Фэйрпорт уже перестал отбиваться. Эшеру страшно было подумать, что произойдет, если Антея сейчас кинется в погоню за Эрнчестером и оставит его здесь одного. В Вену ему уже не вернуться.

Несколько мгновений он думал, что так оно все и случится. Затем она тоже оглядела освещенный пожаром двор и провела по губам бледным языком.

Однако когда Антея снова повернулась к нему, взгляд ее был вполне человеческим.

— Вы знаете, куда он направляется?

Эшер огладил кончики усов.

— Не знаю, — сказал он, — но догадаться попробую. По моим предположениям, в Константинополь.

10

— Четверг. — Лидия слепо глядела в газетный лист. Сияли огни вокзала. — Это случилось в четверг ночью. Мы еще были в Париже.

— О Боже! — прошептала Маргарет, прижав пальцы к губам. — Я думала... Я думала, у нас больше времени. События не могут сменяться так быстро!

Вернулся Исидро, сопровождаемый немногословной личностью, судя по одежде — словаком. Погрузив на тележку их громоздкий багаж, носильщик покатил ее к выходу. Вампир забрал у Лидии газету и прочел заметку.

ДОКТОР ГИБНЕТ В ОГНЕ ПОЖАРА

Вчера ранним вечером знаменитая лечебница «Фрюхтлингцайт» была объята пламенем и выгорела дотла. Пожар унес жизнь ее создателя. Тело крупнейшего английского специалиста в области омолаживающей медицины доктора Бэдфорда Фэйрпорта, за последние восемнадцать лет вернувшего к жизни многих жителей Вены, было найдено среди дымящихся руин пожарными и полицией в пятницу утром. Были также найдены тела кучера и рабочего.

На территории лечебницы в день пожара не было ни одного пациента, поскольку доктор Фэйрпорт на прошлой неделе временно закрыл свою больницу. Известный герр гофрат Теобальд Бейденштунде, прошедший курс лечения в лечебнице «Фрюхтлингцайт», утверждает, что все пациенты были распущены по домам в связи с ремонтом фундамента главного корпуса. При этом плата за лечение была возвращена.

Скорее всего пожар возник в лаборатории, где в подвале находился генератор и хранились бочки с керосином, а затем уже охватил все поместье. Поскольку на всех трех найденных телах обнаружены следы насилия, не исключается возможность поджога. Дело расследуется полицией.

— Се англичане, — пробормотал Исидро. — Добрый гофрат Бейденштунде должен благодарить Бога, что ему возместили убытки. Старая королева ни за что бы не одобрила такого расточительства. — Он сложил газету и сунул в карман пальто.

— Королева Виктория? — удивленно переспросила Маргарет Поттон.

— Елизавета. Однако о судьбе вашего мужа, сударыня, приходится лишь гадать.

Словак ждал их снаружи на козлах ярко размазанного фургона. Исидро помог дамам забраться внутрь — и они двинулись по узким извилистым переулкам в направлении самой древней части Альштадта.

— Кого, кроме Фэйрпорта, Джейми мог найти в Вене?

— Три года назад здесь был человек по фамилии Холивелл. — Исидро наклонил голову, как бы стараясь выделить из говора толпы и обрывков музыки какой-то один искомый звук. — Более свежих данных у меня нет, я даже не знаю, где сейчас располагается венская штаб-квартира Департамента. Есть смысл обратиться в посольство. Скажите, что вы ищите своего мужа и хотите побеседовать с Холивеллом.

— В воскресенье там никого не найдешь, — озабоченно предупредила Маргарет.

— По крайней мере мы можем нанять экипаж и съездить на пепелище. — Лидия поднесла газету к самым очкам, всматриваясь в серые колонки текста. — Тот самый Фэйрпорт, о котором я хотела предупредить Джейми. Совпадением это быть не может. Полагаю, что адрес лечебницы мы сможем узнать у городских властей.

— Полагаю, что этот адрес известен любому, — заметил Исидро. — Насколько я знаю человеческую натуру, лечебница должна была привлечь всеобщее внимание еще до пожара.

Вокруг толпились дворцы, темнота была испятнана сияющими окнами, падающий из них свет золотил узорчатые решетки; лица мраморных ангелов соперничали бесстрастностью с лицом самого Исидро.

Фургон остановился возле высокого желтого строения на Баккерсгассе, изукрашенного гирляндами и прочей лепниной, как праздничный торт. Исидро проводил своих спутниц в дом, словак же тем временем разгружал багаж, принадлежавший Линии и Маргарет. Затем дон Симон вернулся к экипажу и отбыл куда-то со своими вещами. Вернулся он через полчаса и по обыкновению предложил составить партию в пикет.

— Я распорядился обо всем еще до отъезда из Лондона, — пояснил он, тасуя карты. — Нужно знать такие места в каждом городе. Хозяйка и горничная о вас позаботятся, хотя они совсем не говорят по-английски и весьма плохо по-немецки. Во всяком случае, меня заверили, что кухня здесь великолепна. По сравнению с Лондоном, разумеется.

— Вы так добры... — сказала Маргарет.

— Кто заверил? — тут же поинтересовалась Лидия.

Исидро заглянул в свои карты.

— Те, чье дело — знать. Ваш ход, сударыня.

Оценивая человеческую натуру, дон Симон не ошибся. Когда Лидия и мисс Поттон, сев в фиакр, велели ехать к сгоревшей недавно лечебнице «Фрюхтлингцайт», возница даже не стал переспрашивать. Возле пепелища стояло по меньшей мере еще пять экипажей. Кучера, устроившись на низкой придорожной стенке, чесали языки, а несколько прилично одетых мужчин и женщин бродили среди притоптанных сорняков или же препирались с двумя дюжими джентльменами, судя по всему, охранявшими вход.

— Я не понимаю, по какому праву вы нас не пускаете! — говорил тощий мужчина в сногшибательном сюртуке, в то время как Лидия не без опаски приближалась к воротам. — Просто не понимаю!

— Вам незачем здесь быть, сэр. — Дюжий джентльмен сбил на затылок плоскую матерчатую кепку и с места не сдвинулся. Даже с ее близорукостью Лидия уже могла различить, насколько страшным был этот пожар. Смутные черные руины источали запах холодной золы.

— Я напишу о вашем самоуправстве в «Нойе-Фрайе Прессе».

— Это как вам угодно, сэр.

И тощий мужчина, несолоно хлебавши, направился к своей компании, ожидавшей его в экипаже. Поколебавшись, Лидия приблизилась к неумолимому стражу. Тот смерил ее желчным взглядом и произнес на не очень хорошем немецком:

— Вход запрещен, мадам.

— Не здесь ли... Не здесь ли мистер Холивелл? — спросила Лидия. Если доктор Фэйрпорт официально являлся британским агентом, это могли быть люди, как-то связанные с Департаментом. Раньше бы их сюда просто не пустили. Услышав знакомую фамилию, страж заметно смягчился, и Лидия продолжала: — Не могли бы вы ему передать, что с ним хочет поговорить миссис, Эшер? Жена Джеймса Эшера.

Лидия была без очков, поэтому мистер Холивелл показался ей издали большим тряпичным бегемотом. Затем черные, белые и розовые пятна собрались перед ней в тяжеловатое полное лицо. Сквозь овальные линзы на Лидию взглянули ясные добродушные глаза. Холивелл взял ее руку в широкие влажные ладони. Толпящиеся неподалеку зеваки смотрели на это с завистью.

— Дорогая мисс Эшер!

— Это моя подруга, мисс Поттон.

Холивелл повернулся к Маргарет и отдал поклон.

— Странное дело. Чертовски странное дело. Ваш муж ведь не посылал за вами, не так ли? — Он взглянул на нее сверху вниз, и Лидия обратила внимание, что голос он понизил

почти до шепота.

Она покачала головой.

— По дороге сюда он послал мне телеграмму... и я поняла, что ему грозит опасность. Он... его здесь не было, когда это все произошло?

Зеленые глаза сузились.

— Почему вы решили, что он мог оказаться именно здесь?

— Потому что... — Лидия глубоко вздохнула. Средь бела дня, под любопытными взглядами десятка венских зевак, ее вряд ли решатся увезти в черной закрытой карете. — Потому что он сообщил, что собирается встретиться с доктором Фэйрпортом. А у меня был повод думать, что доктор Фэйрпорт давно куплен австрияками.

Холивелл бросил быстрый взгляд на дорогу, затем на мисс Поттон. Затем вновь повернулся к Лидии.

— Вы больше, — совсем уже тихо спросил он, — никому об этом не говорили?

— Нет. Даже мисс Поттон, — добавила она на всякий случай, чтобы не вовлекать в это дело еще и компаньонку. — Но сама я — уверена. Я думаю, — медленно продолжала она, — что вы не беседовали с доктором Эшером о Фэйрпорте?

Холивелл запустил пальцы в свою коротко постриженную бородку и внимательно оглядел изысканный наряд Лидии. И она поразилась, как мог Джеймс столь долго продержаться в качестве шпиона: никогда не знаешь, что кому сказать и кто на кого работает. А вдруг Холивелл тоже давно перевербован! Тогда остается рассчитывать лишь на помощь Исидро... И еще неизвестно, как поведет себя в критической ситуации Маргарет, имевшая глупость поверить рассказам дона Симона о прошлых жизнях...

— Я склонен с вами согласиться, — внезапно сказал толстяк. — Мне это приходило в голову и раньше. Уже один тот факт, что австрийская контрразведка не подпускала нас к пепелищу в течение трех дней заставляет задуматься. Не могли же мы им, согласитесь, сказать, что Фэйрпорт не просто англичанин, но еще и наш человек... — Холивелл искоса взглянул на переминающуюся неподалеку толпу зевак. — Не будут ли прекрасные леди столь добры, чтобы в шесть вечера отобедать сегодня со мной а кафе Доницетти на Герренгассе? Там было бы куда приятнее беседовать. — И он кивнул на выгоревшую оболочку главного корпуса, где несколько человек копались среди обугленных бревен и кирпичей. — Могу вам только сказать, что мы пока не нашли ни следа пребывания здесь вашего мужа... а на то, что нашли, вам лучше не глядеть.

— Бог их знает, что они там обнаружили до того, как нас туда пустили. — Маленький, почти женский рот Холивелла сморщился, когда тот стягивал перчатки. Если смотреть без очков, кафе Доницетти напоминало картину Ренуара, причем Холивелл вполне в нее вписывался. Утром на фоне пепелища он смотрелся менее естественно. Толстяк невольно напомнил Лидии некоторых ее дядюшек, представлявших собой бледные горы мяса, выращенные в лондонских клубах.

— Сказать по правде, миссис Эшер, если ваш муж находился во время пожара на территории лечебницы, мы об этом все равно никогда не узнаем. Два дня пепелище было оцеплено. Только черед сутки туда пропустили полицию. Обычная история. Когда двадцать лет назад императорский сынок вышиб себе мозги, заодно прихватив с собой на тот свет семнадцатилетнюю девчонку, официальная версия была такова: «от сердечной недостаточности». Правительственные агенты и, между прочим, папаша этой девчонки быстренько увезли ее в закрытом экипаже — и на месте двух тел уже оказалось одно. Как ваш муж узнал про этого Фаррена и как вы сами узнали про Фэйрпорта?

Но тут возле столика появились метрдотель и официант с помощником. Началось долгое и подробное обсуждение заказа. К удивлению Лидии, Маргарет, за весь день не проронившая ни слова, оживилась и взяла власть в свои руки. Ресторанные служители выслушали с величайшим почтением все ее пожелания, и Лидии пришло в голову, что в путешествии с компаньонкой есть свои преимущества.

Наконец процессия удалилась, и Холивелл снова повернулся к Лидии. Та собралась с

мыслями и принялась рассказывать о расшифрованных телеграммах и о статьях, свидетельствовавших, что исследования Фэйрпорта финансировал Кароли, и что сам Фэйрпорт был весьма заинтересован в изучении патологии Эрнчестера.

— Не знаю, насколько соответствует истине вера Фаррена в то, что он вампир, — осторожно заключила она, — но доктор Эшер считал его очень опасным человеком, настолько опасным, что счел нужным последовать за ним в Париж, лишь бы не допустить его сотрудничества с Австрией.

— Хм-м... Осмелюсь предположить, вряд ли он испытывает добрые чувства к старине Стритхэму. А как вы узнали обо мне? Это Эшер упоминал при вас мое имя?

— Нет. Друг мужа, — произнесла Лидия, сама не уверенная в том, правду она сейчас сказала или же солгала.

— Ваш муж обедал со мной в этом кафе во вторник, — молвил Холивелл. — У него были неприятности в Париже, там убили одного нашего оперативника, и Эшер был уверен, что сделал это именно Фаррен. Кто-то дал знать в местную полицию, что ваш муж причастен к этому делу, — раньше, чем пришел запрос из Парижа. Вне всякого сомнения, работа Кароли. Эшер провел ночь в тюрьме (нет, здесь эти заведения получше, чем в Лондоне) и собирался навестить в лечебницу Фэйрпорта, после того как осмотрит кое-что в Альштадте. Он уже когда-то проживал во «Фрюхтлингцайт»...

— И он отправился туда? — Лидия отложила вилку. Аппетит пропал.

— Полагаю, что нет. Фэйрпорт утром прибегал в фирму и спрашивал, не слышно ли что об Эшере.

— Он мог это сделать для отвода глаз.

— Не думаю. — Холивелл ел с изяществом юной леди. — Вел он себя не слишком умно. В полдень появился снова, сказал, что Эшера разыскивает полиция (о чем я уже знал), привязался, дескать, не могу ли я его предупредить... Отнял у меня уйму времени, задал тысячу вопросов, засветился как мог. На месте Кароли я бы его пристрелил. Честно говоря, сомневаюсь, чтобы у нашего старого Клопика хватило духу вести двойную игру. Около семи Ладислав (герр Обер) подошел к моему столу и сказал, что герр Эшер желал бы поговорить со мной по телефону о деле величайшей важности. Но пока я шел к аппарату, трубку на том конце уже положили. А двумя часами позже поступили первые сообщения о пожаре.

— Понимаю, — медленно произнесла Лидия.

— Да? — Зеленые глаза взглянули на нее с острым любопытством. — А я не понимаю. И никто из нас не понимает. Вы думаете, что поджог устроил сам Эшер...

— Ну... — Лидия несколько замялась. — Мой муж всегда говорил, что убийство обычно маскируют поджогом...

Толстяк изумленно взглянул на нее — и разразился хохотом.

— Но это так! — протестующе сказала она — Остальные дома в округе уцелели...

— Дорогая миссис Эшер, — смеясь, ответил он. — Теперь я понимаю, почему старина Джеймс взял вас в жены.

— Ну, — сказала она, — вряд ли тому причиной была моя хозяйственность. Но я не думаю, чтобы Джеймс мог поджечь дом так неудачно. По меньшей мере два тела найдены и опознаны. На него это не похоже.

— Да. — Холивелл оборвал смех, округлое лицо его стало угрюмым. — Судя по тому, как они были убиты, ваш муж здесь действительно ни при чем. — Как бы извиняясь, он взглянул на Маргарет, увлеченную башней шоколадного торта, и понизил голос. — Насколько удалось выяснить из наших источников в австрийской контрразведке, все они были... жестоко изранены. И полностью обескровлены. То есть зарезали их в самом доме и лишь потом вынесли во двор. Я не представляю, чтобы ваш муж мог такое сделать.

Лидия видела, как Маргарет задрожавшей рукой отложила ложечку

— И тел там было найдено гораздо больше, — продолжал Холивелл. — По меньшей мере пятеро, но останки двоих так и не удалось опознать, настолько они обгорели. Кроме того, австрийцы докопались лишь до котельной, где хранился керосин. А под ней у Клопика

был подвал, где он прятал людей, связанных с местными социалистами, анархистами, сербскими националистами. Будь Эшер пленником, его бы поместили именно туда.

Лидия глядела на нетронутый десерт. «Дура! — думала она, похолодев. — Как же это мне не пришло в голову, что газеты могут лгать!»

— Я понимаю, — тихо сказала она.

— Мы нашли множество подтверждений тому, что в деле был замешан этот Фаррен. Во-первых, сам способ убийства. Кроме того, Фэйрпорт оборудовал подвал с серебряной решеткой. По идее, вампиры ведь боятся серебра, не правда ли? Но следов пребывания там вашего мужа мы не нашли. Ни единого.

Она глубоко вздохнула:

— А Фаррен?

— Фаррена мы тоже не нашли. Однако нам известно, что венская полиция продолжает разыскивать вашего мужа. И пока что безрезультатно. Скорее всего он просто покинул город. — Холивелл неуклюже коснулся ее руки. Лидия коротко взглянула на него. — Но это еще ни о чем не говорит. Я не знаю, что им наплел о вашем муже Кароли, но розыск не прекращен. Может быть, Эшер просто скрывается.

— Может быть... — Лидия вспомнила рассказы Джеймса о том, как легко покинуть город, если запахло жареным.

Затем она представила обгоревший скелет под развалинами лечебницы и почувствовала дурноту.

— А пока вы могли бы оказать мне величайшую услугу, миссис Эшер. Ваш муж говорил, что вы врач.

Она кивнула.

— Да, у меня есть степень, но я занимаюсь исследованием внутренней секреции в Рэдклиффской больнице. Женщины редко практикуют, пациенты не доверяют им. К счастью, у меня нет такой необходимости. Вы тоже так относитесь к «женской медицине»?

Он доел последний кусочек торта и с сожалением оглядел опустевшую фарфоровую тарелку. Взял стакан, нахмурился.

— От лаборатории, можно сказать, ничего не осталось, под ней ведь хранились бочки с керосином. А вот главный корпус, где находился кабинет Фэйрпорта, пострадал меньше. Мы нашли сильно обгоревшие дневники и отдавать их не собираемся. В конце концов, он был подданный Британии. Так вот, не могли бы вы бросить взгляд на эти записи и сказать, представляют ли они для нас какую-либо ценность. — Он достал из-под стола старый потертый портфель, перевязанный шпагатом. — Мы хотели бы знать, над чем он работал. Вы ведь уже знакомы с его статьями...

Лидия кивнула.

— Старение, — сказала она. — Кровь. Бессмертие.

Холивелл ослабил.

— Неудивительно, что он заинтересовался Фарреном.

— Да, — тихо сказала Лидия. — Неудивительно.

Чем дальше углублялась она в записки Фэйрпорта, тем яснее становился смысл его опытов с кровью, слюной и слезой.

«Тот человек, что искал эликсир бессмертия», — так о нем выразился Исидро.

«Он был прав, — думала она, листая загадочные заметки, в то время как Маргарет клевала носом над вышивкой. — Он был прав».

Бедфорд Фэйрпорт с упорством фанатика видел в жизни одну-единственную цель: найти причину старения и уничтожить ее.

В той статье, где он благодарил за финансовую помощь Игнаца Кароли, Фэйрпорт помянул свою «преждевременную дряхлость». Подобные симптомы были известны с семнадцатого столетия и традиционно объяснялись отсутствием или недостатком некоего неизвестного витамина. Лидия сдвинула очки на лоб и устало потерла глаза. Конечно, он должен был ухватиться за слухи о бессмертии.

Несомненно, эксперименты Фэйрпорта требовали значительных расходов. За последние несколько лет он чуть ли не две дюжины раз ставил опыты на орангутангах, а Лидия, сама будучи исследователем, хорошо знала, как дорого стоит каждое такое животное. В большинстве экспериментов в качестве подопытных, правда, использовались свиньи. С точки зрения Лидии, результаты были неутешительны, но Фэйрпорт упрямо повторял и повторял опыты, причем стоимость их росла. Даже будь у него состояние, при таких тратах оно быстро пошло бы прахом.

Но состояния столь значительных размеров у него быть не могло, иначе бы о нем знала тетя Лавиния.

Он вполне мог предать Джеймса и сделать его пленником. Австрийцы докопались лишь до котельной, где хранился керосин... Будь Эшер пленником, его бы поместили именно туда...

Джеймс наверняка покинул город, — решительно сказала она себе. — Полиция разыскивает его до сих пор. Он мог переправиться через Дунай на пароме.

Жестоко изранены... И полностью обескровлены...

Слезы подступили к горлу, но она справилась с собой.

Мы еще ничего не знаем. Мы не знаем.

— Целый труд по истории и фольклору.

Внезапно прозвучавший мягкий голос заставил Лидию вздрогнуть. В кресле напротив, раскрыв grossbux в матерчатом зеленом переплете, сидел Исидро. За плечом вампира стоящие на камине часы показывали третий час ночи.

— До этого я еще не добралась. — Она перекинула за спину тяжелую косу. Кухарка — замечательная улыбчивая женщина, разговаривающая бог знает на каком языке, — принесла ей вечером бутерброды, груши, торт. В комнате плавал запах подогреваемого на примусе кофе. — Кроме того, фольклор — это в основном измышления. Рассказы о якобы исторических лицах. Калиостро и этот герцог из Парижа... Не помню, как его звали.

— Бывает, что и не измышления. — Исидро перевернул grossbux и пододвинул его Лидии рукой, похожей в свете лампы на старую слоновую кость.

«Старик, проживший около тысячи лет, — сообщали неровные каракули. — Селение Бржек. Женщина, прожившая пятьсот лет (ткала лунный свет). Селение Окурка. Женщина, с помощью лунного света сохранившая свою красоту навечно. Селение Салек. Мужчина, подписавший договор с дьяволом о вечной жизни. Селение Били Хора. Женщина, купавшаяся в крови, прожила пять веков. Бруза, Били Хора, Салек».

Сбитая с толку, Лидия подняла глаза:

— Это очень похоже на легенды, которые собирал Джеймс.

— Подозреваю, что Фэйрпорт, видя, как Джеймс собирает материал, просто перенял его методы. — Исидро склонил голову набок и шевельнул гору записных книжек, чтобы прочесть их заглавия. Брови его выгнулись. — Ясно, в каком направлении он мыслил. Хм, орангутанги?... Я разговаривал сегодня кое с кем, кто видел, как Джеймс покинул город.

У Лидии пресеклось дыхание. Мгновение Исидро молча смотрел на нее, по-прежнему склонив голову набок. Лицо его было бесстрастно.

— Предлагаю вам пройти, леди. — Он встал и протянул ей руку. — Мастер Вены разрешил мне охотиться в этом городе при условии, что я буду осмотрителен. Так что, если даже он увидит нас вместе, он сочтет вас моей будущей жертвой.

Лидия взглянула на задремавшую Маргарет. Исидро тем временем подал ей пальто. Даже сквозь перчатки чувствовался холод его рук. По привычке она сняла очки и сунула их в карман. Карточная игра отучила Лидию стесняться при Исидро своей близорукости. «Да, четырехглазая! — с вызовом думала она. — Пусть видит... Хотя за три столетия он, наверное, навидался и не таких уродин».

Они спустились по мраморной с позолотой лестнице и, выйдя сквозь огромную, в бронзовых шишечках, дверь, ступили на мостовую.

— То есть вы виделись с Мастером Вены?

— Да, с герцогом Баттиани Николаи Алессандро Аугусто и его женами. Он правит ночной Веной и значительной частью Дунайской долины еще с тех пор, как здесь разбили турок. К счастью, мы оба владеем старофранцузским, поскольку немецкий мне известен лишь по книгам. При дворе говорить на немецком в мои времена считалось признаком неотесанности. Отчасти поэтому я довольно долго избегал Лондона, дожидаясь, когда английский король освоит какой-нибудь более цивилизованный язык.

Лидия спрянула улыбку. Со словачком и кухаркой Исидро при ней говорил по-немецки. Неисправимый снобизм донна Симона уже не являлся для нее секретом.

Спящая Вена напоминала Атлантиду, лежащую на дне темной океанской пучины. В окнах — ни огонька, спят даже слуги.

— Ваш муж ранил младшую жену Баттиани, — продолжал Исидро. — И хорошо сделал, что покинул Вену. Видели, как он садился в Восточный экспресс, следующий в Константинополь...

— Константинополь? — вздрогнув, повторила Лидия.

— Именно так. Странный выбор.

— Но кто... кто его видел? Если это был кто-то из вампиров Баттиани.

— Другая его жена, — невозмутимо пояснил Исидро, — у которой, очевидно, были свои счеты с белокурой немочкой, чья красота (до того, как Джеймс хватил ее по лицу пригоршней серебра) пленяла герцога. Во время пожара во «Фрюхтлингцайт» эта немка — по имени Грета — убила по меньшей мере двоих, надеясь излечиться их кровью. Тем не менее уродливой ей быть еще очень долго. Теперь окружение Баттиани должно охотиться с величайшей осторожностью — эта история привлекла внимание полиции. Поэтому повторю, что ваш муж поступил весьма мудро, покинув Вену. Герцог Баттиани говорил о мести, но его старшая жена (венгерка), кажется, была довольна.

Они свернули за угол и, миновав тесное каменное ущелье, вышли на огромное мощеное пространство, в центре которого вздымался кафедральный собор. Покрывающий площадь тонкий слой низко лежащего тумана шевелился от их шагов. Холодный воздух обжигал ноздри.

— Стало быть, это вампиры убили доктора Фэйрпорта?

— Конечно. — Исидро повернул голову на звук. Молоденькая девушка сбежала с церковного крыльца и, кутаясь в шаль, заторопилась через площадь к черной щели переулка. Испанец проводил ее задумчивым взглядом и снова посмотрел на Лидию. — Сами понимаете, Баттиани пришел в ярость, узнав, что в его владениях охотится чужак. Более того, этот чужак намерен разгласить людям тайну существования вампиров. Герцог решил, что сожжение «Фрюхтлингцайт» и убийство всех в этом замешанных будет хорошим предупреждением. Эрнчестер, по идее, должен был погибнуть в пламени, однако графу каким-то образом тоже удалось бежать из Вены. Как сообщила старшая жена Баттиани, на поезд ваш муж садился в компании вампирши, которую они перед тем нашли на пепелище. Вампирша рассказала, что была узницей Фэйрпорта. Вампиры Баттиани помогли ей, достали лошадей, погрузили в фургон ее дорожный гроб — все это при свете догорающего поместья. Иначе бы она просто не успела добраться до вокзала и покинуть Вену до рассвета.

— Антея?

— Да, по-видимому. А в гробу, по моим предположениям, находился ваш муж. Иначе бы он просто не спасся.

Лидия отвернула лицо, стараясь не выдать своих чувств. Ее била дрожь. Тем не менее какая-то часть мозга продолжала складывать кусочки мозаики в единую картину. Вокруг в лунном свете лежал мертвый город, полный теней и тумана.

«Мир Исидро, — подумала она. — Вторая половина ночи. И я — единственный живой человек».

— Это означает... должно означать... что Эрнчестер тоже отправился в Константинополь.

— Пожалуй, — согласился Исидро. — По словам герцогини Баттиани, Антея заверила,

что, держа ее в заложниках, Кароли и Фэйрпорт вынуждали Эрнчестера к сотрудничеству. То есть в Вену он прибыл якобы против своей воли. Поэтому преследовать его вампиры теперь не будут.

— Но Джеймс видел на вокзале Черинг-Кросс, как он сам садился в поезд вместе с Кароли, — сказала Лидия.

— Тот факт, что Чарльз сам садился в поезд, — мягко сказал Исидро, — еще не доказывает, что он сделал это по доброй воле. И это объясняет кое-что беспокоившее меня с самого начала. Эрнчестер — не самый лучший выбор. Последний желторотый птенец, сотворенный Гриппеном, и тот охотится и убивает лучше Чарльза. Думаю, существует некто, очень хорошо знающий все слабости Эрнчестера. Например, этот некто мог пригрозить, что уничтожит Антею...

— И Кароли знал об этом?

— Очевидно.

Они вновь вышли к дому на Баккергассе. Как бы заключив безмолвное соглашение, присели на мраморный край небольшого фонтана перед входом. Газовый свет трепетал на поверхности воды, оживлял лицо бронзового императора, стоящего в центре бассейна.

— Вы вернетесь в Лондон, сударыня? Капкан уже сработал.

Лидия поколебалась, ощутив на секунду неодолимую тягу к привычному домашнему уюту. Однако она прекрасно понимала, что сработал всего один капкан.

— Еще ведь... ничего не кончилось. Все только еще начинается.

— Да.

Как бы ни пугала ее Вена, Константинополь представлялся Лидии куда страшнее.

— Я могла бы чем-нибудь вам помочь? Потому что я хотела бы отправиться вместе с вами, — добавила она, уловив некое движение в глазах испанца.

— Помочь найти Эрнчестера — да. — Исидро нахмурился. — Не стоило бы, конечно, подвергать вас еще одной опасности, но я понимаю, что дело касается также вашего мужа. — Он умолк, и Лидии почудилось, что в загадочных глазах вампира мелькнуло легкое удивление. — Все это достаточно странно, — продолжал он. — Чарльз бывал в Константинополе, но очень давно. Там уже никто его не может помнить, я имею в виду — из живых людей.

— Тогда какой ему смысл туда ехать? — Лидия вздернула воротник. — Если все вампиры столь же ревнивы, как этот герцог Баттиани... Или нет?

— Большей частью да, — сказал Исидро. — Сожжение лечебницы — это еще пустяки по сравнению с тем, что может натворить Мастер вампиров, когда посягают на его территорию. Хотя вызвать Эрнчестера в Константинополь мог только вампир. И только вампир мог знать, чем пригрозить Чарльзу. Только вампир мог знать, что Чарльз представляет собой довольно редкое явление среди вампиров. Он способен любить.

11

— Вампиры не знают любви?

Исидро поднял глаза от карт. Если Лидия все просчитала правильно, шансы на выигрыш у нее были.

Весь день они с Маргарет провели среди древних базилик и розовых плантаций Адрианополя, поскольку дон Симон отказался путешествовать при солнечном свете в своем кожаном гробу.

Возможно, это только чудилось Лидии, но холмы Фракии, по которым они тащились всю ночь с черепашей скоростью, стали мало-помалу сглаживаться. Поезд был хороший, германского производства, но даже вагоны первого класса пропахли чесноком, табаком, крепким кофе и грязной одеждой. На платформах Софии и Белграда Лидия обратила внимание, что, чем дальше они продвигаются на восток, тем меньше подает признаки жизни железнодорожный персонал.

Ранним вечером в Адрианополе она видела, как многочисленная орава босняков непринужденно запихивает в пассажирский вагон третьего класса двух козлов. Отец семейства (с козленком на руках) вежливо пропустил вперед бородастого православного священника. Клетки с цыплятами подавали прямо в окна.

Тетя Лавиния говаривала обычно, что путешествия расширяют кругозор. Но, видимо, она имела в виду нечто иное.

Шум в других купе первого класса вроде бы шел на убыль, хотя в коридоре еще густо плавал табачный дым. Мисс Поттон после очередной попытки обучиться карточной игре, к которой у нее не было ни способностей, ни интереса, дремала рядом с Исидро. Около часа беседа шла исключительно о пикете, но Лидии казалось, что Маргарет ревнует ее к дону Симону даже в этом.

Клацали колеса. Исидро делал пометки в дешевой записной книжке, при этом манжета его каждый раз коротко шуршала о край стола. Мирно посапывала Маргарет. Из соседнего купе доносились взрывы хохота.

Прошло довольно много времени, прежде чем Исидро ответил.

— В том смысле, как это понимают люди? — уточнил он.

— А как это понимают люди? — Лидия собрала свои карты веером. Ведя скорее ночной, нежели дневной образ жизни, она уже начинала понимать, что имеет в виду Исидро, говоря об утонченности чувств вампиров. Ночью каждый звук, каждый луч света воспринимается куда острее. — Вы сказали в Вене, что Эрнчестер — редкость среди вампиров, поскольку способен любить. Что это означает?

— И среди живых, и среди неумерших это означает предпочтение кого-то одного всем остальным. — Он повернул голову и взглянул на дремлющую рядом Маргарет. Мгновение спустя голова ее опустилась на плечо Исидро, дыхание стало более глубоким. Он бережно прислонил гувернантку к стенке. За те пять дней, пока они продвигались к югу местными поездами, потому что Восточный экспресс отбывал из Вены только в четверг и шел через Будапешт, Белград, Софию, Адрианополь, на каждом шагу останавливаясь и пропуская встречный... Так вот за это время Лидия более чем достаточно наслушалась о романтических сновидениях мисс Поттон. Исидро в них представлял вампиром, но неистово байроническим — затянутым в расшитую жемчугами черную кожу и с кинжалом за голенищем.

Несомненно, это тоже была любовь, и однако же Исидро довольно мудро поступил, усыпив мисс Поттон, дабы та не услышала о способностях вампиров к данному чувству.

— Это не редкость, — сказал Исидро, — среди тех, кто стал вампиром недавно.

Поезд вновь вошел в поворот. По сравнению с северной и восточной Европой местная железная дорога, казалось, состояла из одних поворотов. Исидро заботливо придерживал за плечо спящую Маргарет. На этот раз перчаток он во время игры не снял. В последнее время, как заметила Лидия, руки дона Симона стали еще холодней, чем прежде. Абсолютно точно, что в Вене он не охотился.

— Но тому, кто видел, как один за другим уходят все те, кого он любил, еще будучи живым, — продолжал Исидро, — это чувство, как правило, уже не свойственно. Зачастую друзья и родственники как раз и оказываются первыми жертвами птенца. Вампиры, пощадившие по каким-либо причинам своих родных и близких, переживают потом трудное время, когда те начинают умирать. По моим наблюдениям, это самый опасный период в жизни вампира.

В свете газового рожка его лицо, обрамленное пепельными волосами, как никогда, было похоже на череп. Возможно, это явилось следствием вынужденного поста. Маргарет пошевелилась во сне, и Исидро снова устремил на нее свой загадочный взгляд. Прошло довольно много времени, прежде чем он заговорил вновь.

— Видите ли, сам я стал вампиром в двадцать пять лет и поэтому вряд ли могу судить о человеческой любви во всем ее многообразии, — заметил он так, словно речь шла вовсе не о нем. — Но в данном случае любовь прежде всего означает то, что, когда некий

константинопольский вампир (или тот, кто на него вышел) пригрозил Чарльзу через своего агента гибелью Антеи, тот принял все их условия. Ум вампира остер, и Чарльз наверняка все взвесил. Собственная жизнь для него ценности не представляет, но сказано, что все мы заложники нашей любви. — Исидро шевельнул рукой, как бы открывая невидимую карту. — Полагаю, что и обыск в доме Эрнчестеров был сделан с одной-единственной целью: воздействовать на Чарльза.

— Если султану потребовалось новое оружие, — озадаченно произнесла Лидия, — то зачем было забираться так далеко? Неужели в самом Константинополе мало вампиров? Если верить легендам, которые собирал Джеймс, Греция и Балканы буквально кишат ими.

— Возможно, вампир, рассказавший об Эрнчестере Кароли (или султану), ныне уже мертв. Мы пока ничего не знаем. Мастер Константинополя мог обнаружить этот заговор и принять меры. — Исидро протянул руку и раздвинул шторы окна. — Глядите!

Это было сравнимо лишь с заревом ночного Парижа. Зыбкий мерцающий ковер газового света покрывал холмы, на которых простирался древний город. Драгоценными камнями в бледное это мерцание вкраплены были янтарные, топазовые, алые огни. Поезд снова совершил крутой поворот — и в желтом сиянии электрических ламп из мрака выступили многобашенные врага, огражденные тройным рядом заросших деревьями рвов. У Лидии захватило дух. Она слышала о стенах Константинополя, но не предполагала, что византийские укрепления до сих пор стоят здесь на страже.

Колеса замедлили ход, и к насыпи подступило ночное море. Темные дома теснились на древних фундаментах стен, как грибы, выросшие на поваленном дубе.

Исидро извлек из кармашка золотые часы.

— Двадцать минут первого, — одобрительно молвил он. — Опаздываем всего на два часа. Для Турции просто отлично.

Лидия вздохнула с облегчением. В Софию они, помнится, прибыли с четырехчасовым опозданием, когда небо уже начало светлеть, а Маргарет билась в такой истерике, что можно было подумать, будто опасность сгореть в первых лучах солнца грозила не Исидро, а ей самой. Впрочем, и дон Симон выглядел непривычно задумчивым, ибо поезд то и дело останавливался, словно дожидаясь восхода. Лидия не знала, какое именно количество солнечного света требуется, чтобы воспламенить псевдоплоть вампира, и ей оставалось лишь надеяться, что они прибудут в Софию еще в сумерках. К счастью, так оно и случилось. Дон Симон проводил их до отеля «Терминус», после чего немедленно откланялся.

Затем Маргарет устроила Лидии сцену, после которой та долго еще не могла прийти в себя. Мисс Поттон обвинила ее в том, что она «совершенно не думает об Исидро» и «относится к людям, как к посуде: разбилась — значит выбросить». Когда же Лидия заметила, что Исидро вполне мог воспользоваться своим дорожным саркофагом, доверившись своим попутчицам, та взвизгнула: «Если бы вы с детства сами заботились о себе, вы бы так не рассуждали!»

После этих слов Лидия вспомнила о том, сколь бесцеремонно Исидро использует саму мисс Поттон, и пришла в ярость. «Перестаньте вести себя, как дура!» — бросила она и, удалившись в соседнюю комнату, хлопнула дверью. Маргарет некоторое время рыдала за стеной, потом затихла. Приотворив дверь, Лидия увидела, что гувернантка уснула на диване, даже не раздевшись.

Впрочем, вскоре они помирились...

— Что же вы не разбудили меня раньше?... — пробормотала Маргарет, когда Лидия потрясла ее за плечо.

— Мы прибыли. Константинополь, — сообщила Лидия и подумала, что Исидро правильно сделал, дав выспаться мисс Поттон.

Маргарет достала из сумочки гребень и принялась чесать волосы, время от времени бросая опасливые взгляды на Исидро, как будто занималась этим при нем впервые. Затем повернулась к окну и произнесла растерянно:

— О!.. Взгляните, какая красота!

В ониксовой воде вились прядки отраженных огней. То тут, то там смутный свет выхватывал часть стены медового цвета, в то время как большая часть города была погружена во мрак. Залитые лунным светом хребты холмов были увенчаны минаретами и куполами.

— Его называли Городом Стен, — мягко сказал Исидро. — Городом Дворцов. С тех пор, как императоры покинули Рим, его жаждали завоевать и в то же время боялись. Как кипплинговское сокровище, охраняемое коброй. И даже завоевав, его так и не узнали до конца.

И Лидии вспомнилось, что Джеймс, глядя на башни Оксфорда, мог каждую из них назвать по имени. Возможно, Исидро так же знал древние имена этих куполов и башен.

— Вы здесь уже бывали? — Маргарет коснулась руки дона Симона, чего тот, как было известно Лидии, терпеть не мог.

Он улыбнулся:

— Однажды...

Видимо, теперь ей приснится Константинополь.

Поезд остановился на маленькой станции близ приземистой башни старой твердыни. Вблизи станция, однако, не отличалась особой экзотикой. Здесь останавливались составы, пришедшие с запада. Очевидно, поэтому здание вокзала было сложено в европейском стиле и выкрашено все той же золотистой охрой. В резком свете электрических ламп Лидия увидела на перроне все тех же бабушек и козлов, джентльменов в красных фесках и черных сюртуках, белые брючки греков, клетки с цыплятами и плетеные корзинки болгар. Люд на перроне никуда не спешил — все знали, что поезд еще не скоро тронется. Кругом витали запахи трущоб и кожевенного завода. Невдалеке Лидия заметила группу солдат в современной форме цвета хаки.

— Неужели так теперь выглядят янычары? — спросила она, и в бледно-желтых глазах Исидро мелькнула ирония. Несмотря на сильно осунувшееся черепообразное лицо, в это мгновение он стал как никогда похож на человека.

— Корпус янычаров был ликвидирован (точнее — вырезан) столетие назад по приказу султана Мурада, учредившего взамен новую армию. Ту самую армию, что в июле отплатила услугой за услугу, отстранив теперешнего султана от власти и силой учредив в Турции конституционную монархию в духе нынешнего просвещения.

— Так что, султана уже нет? — В возгласе Маргарет прозвучало изумление ребенка, услышавшего в канун Рождества, что Санта Клаус вышел на пенсию и проживает теперь в поместье на юге Франции.

— В июле... — задумчиво повторила Лидия. — Пятнадцатого августа я отдавала в набор свою монографию о воздействии ультрафиолетового излучения на гипоталамус... И до сих пор не могу запомнить, на чьей стороне султан: за нас он или за немцев. Стало быть, это не он посылал за Эрнчестером?

— Возможно, что и он, — сказал Исидро. — Султан и сейчас обладает немалой властью. Но если он в самом деле думает воспользоваться услугами иноземного вампира, то еще неизвестно, как к этому отнесется Хозяин Константинополя.

Поезд медленно двинулся, наращивая скорость и все дальше погружаясь в неразбериху ламп, теней и оплетенных виноградом стен.

— Кто он, этот Мастер Константинополя? — тихо спросила Лидия

Все трое смотрели в окно купе, где над чернильными водами вставали униженные огнями холмы

— В мое время считалось опасным называть его по имени. — Исидро повернулся к столу и собрал карты. Маргарет кинулась было помочь, но он уже сунул колоду в карман своего мышастого сюртука. — При жизни он был колдун, но в ту пору так именовали и алхимика-теоретика, и студента, изучающего травы. Совершенно точно, что он был отравителем; возможно, астрономом, хотя все это для него не было главным. И до, и после смерти он обладал властью, сравнимой лишь с властью визирей Высокой Порты. Легенды

гласят, что султаны поставляли к его столу пленников, хотя при таком изобилии нищих в Константинополе я, признаться, не вижу в этом смысла. И как сказал Ювенал: «Глупец, кто доверяется владыкам». На его месте я бы не предлагал какому-либо султану своих услуг.

Поезд затормозил. Исидро оперся рукой о стену. Близилась очередная пригородная станция. Снова электрический свет, и снова вооруженные солдаты на перроне.

— Самое лучшее, — сказал Исидро, — вообще не упоминать в разговорах о Мастере этого города.

На площади перед главным вокзалом Стамбула их поджидал с фургоном и лошадьми очередной человек дона Симона — угрюмый грек, к которому тот, впрочем, обратился по-испански. Очки Лидия сняла сразу, как только они покинули поезд, но когда экипаж двинулся, пробираясь сквозь гущу телег, двуколок и пеших, она вновь водрузила их на нос и принялась озираться. В конце площади чернел залив Золотого Рога, там горели огни пришвартованных кораблей, в воде отражались фонари двух суденышек, несмотря на поздний час, отваливших от стамбульской пристани и направлявшихся к усеянным точками света холмам Пера на том берегу.

Темные улицы поглотили фургон, и в течение нескольких минут, пока глаза не привыкли к мраку, издырявленному редкими огнями, Лидия скорее угадывала, нежели видела черные дома и высоко парящие балконы. Везде вспыхивали глаза котов, пахло козлами, псиной, отбросами — да так, что перехватывало дух. Забранные решетками лампы явили мрачную красоту мечети, наполовину утонувшей в стигийской тьме, когда, пересекши площадь, фургон въезжал на вполне современный железный мост.

По ту его сторону дома пошли большей частью европейской и греческой архитектуры, белые стены в лунном свете обретали оттенок взбитых сливок. Идущая вверх дорога вывела их на обсаженную деревьями площадь с очаровательным итальянским дворцом из бледно-золотистого камня.

— Британское посольство, — негромко сказал Исидро. — Утром вам стоит посетить досточтимого мистера Лоутера. Поверьте, в течение многих лет посольство представляло здесь реальную силу.

Как обычно, Исидро позаботился обо всем заранее: в розовом доме, где каменная арка вела в тенистый дворик с огромным гранатовым деревом, их встретили три толстенные гречанки (должно быть, мать и две дочери), которые на любой вопрос отвечали с самой радушной улыбкой: «Паракало-паракало...»

Точно так же, как в Белграде, Софии и Адрианополе, стоило перенести в дом громоздкий багаж Лидии, Исидро попрощался, сел в фургон — и отбыл в неизвестном направлении.

* * *

— Так больше не может продолжаться!

Лидия вздрогнула, обернулась. В руках у нее было платье из мшисто-зеленого бархата. Завтра утром она собиралась не только представиться досточтимому мистеру Лоутеру, но также передать письмо мистера Холивелла сэру Бернуэллу Чепхэму, атташе, в ведении которого находилось то, что уклончиво называлось делами. Вполне возможно, утром ей скажут, что Джейми здесь, может быть, где-то рядом. О да, доктор Эшер! Он прибыл на той неделе...

Пожалуйста, — мысленно взмолилась она. — Ну пожалуйста...

Маргарет стояла в неловкой позе у двери их общей спальни. Так же, как в Вене, Белграде и Софии, ночь приходилось проводить в одной кровати. Хотя отношения компаньенок трудно было назвать натянутыми, Лидия прекрасно бы обошлась без вздохов и бормотания мисс Поттон во сне. Однако выбора не было. В маленькой смежной комнате Лидия обнаружила руины огромной кровати, очевидно, выписанной прямо из Берлина в те

времена, когда там сходили с ума по готике. Кровать, в которой они спали, была точной копией этого чудища — правда, исправной и покрашенной в веселенькие розово-голубые тона. Ложе занимало большую часть неуклюжей обширной спальни с выходящим на улицу фонарем. Туалетный столик, трюмо, мраморный умывальник.

«По крайней мере, — думала Лидия, — тут нет фарфоровых безделушек, как в Белграде, и православных икон...»

Застигнутая врасплох фразой Маргарет, она обернулась с платьем в руках:

— Что?

— Вы запретили ему. — Маргарет запнулась, подыскивая слово. — Вы запретили ему выходить на охоту, — сказала она наконец. — Вы поставили это условие... — Голос мисс Поттон дрожал, руки комкали черные перчатки. — Теперь, когда мы достигли места назначения, вы больше не имеете права... не имеете права настаивать...

Оцепенев, Лидия смотрела на нее, не в силах вымолвить ни слова.

Маргарет, очевидно, ждала, что ей возразят, и наверняка заготовила на этот случай еще пару фраз, но Лидия молчала. Так и не услышав ответа, Маргарет выпалила:

— Вы не понимаете его!

— Держите свое мнение при себе. — Лидия подошла к кровати, бросила платье рядом с ночной рубашкой и принялась расстегивать рукав. Крохотные жемчужные пуговицы следовало бы переставить, но Лидия уже отослала горничную, когда та попыталась привести вещи в порядок. А позвать ее обратно мешало плохое знание греческого языка. Интересно, что бы она подумала, увидев среди нижних юбок, платьев и корсетов серебряные ножи, револьвер и связки чеснока...

Маргарет приблизилась и взяла Лидию за руку.

— Вы не имеете права запрещать ему охотиться, — уже с отчаянием повторила она. — Если он не будет...

— Убивать людей?

Маргарет вздрогнула, но тут же оправилась

— Эти люди не заслуживают жизни.

Лидия по-прежнему перебирала жемчужные пуговицы на рукаве, но делала это теперь чисто машинально.

— Это он вам так сказал? — тихо спросила она.

— Я знала это! — Гувернантка готова была расплакаться. — Да, он сказал! Но я это знала и так. Из сновидений, из прошлой жизни... И не говорите мне, что сны лгут! — Она отвернулась порывисто. — Потому что я знаю: они не лгут! Это вы так думаете, а они не лгут!

Лидия хотела уйти, но Маргарет заступила ей дорогу. На покрасневшем лице дрожали слезы.

— Вы же знаете, если вампир не будет... не будет охотиться... — Она по-прежнему избегала слова «убивать». — Они питаются жизненной энергией! А иначе их мозг утрачивает силу, они даже не могут защитить себя...

— Убивая других людей?

— Вы заморите его до смерти! — крикнула Маргарет. — Вы хотите лишить его силы здесь, сейчас, когда опасность так близка!.. А вы не задумывались, почему вампиры так долго выбирают жертву? По крайней мере он! Да потому, что он ищет воров, убийц... мерзавцев, заслуживающих смерти! Вы же знаете, что мир переполнен ими! Других он не трогает! И он слишком честен, чтобы нарушить данное вам слово...

— Вы говорите со мной по его просьбе? — Голос Лидии был холоден, как серебряная цепочка, защищающая горло.

— Нет. — Маргарет шмыгнула носом и утерла слезы, из последних сил пытаясь не сломаться перед этой прямой и стройной рыжеволосой девчонкой. — Я же вижу! — всхлипнула она. — Он чахнет день ото дня! Вы уже обыгрываете его в карты...

— Это вопрос практики, — возразила Лидия. — Я играю уже неделю...

— Вы никогда бы у него не выиграли! Просто сейчас он все свои силы, все свое внимание тратит на другое! Уберечь себя...

— Спасибо, достаточно. — Голова болела от переутомления — шел третий час ночи. Действительно, Исидро, мягко говоря, сильно осунулся за последние дни и несколько раз проиграл ей в карты. — Маргарет, стоит ли говорить об этом сейчас? Я устала, вы тоже устали и, думаю, не понимаете, что вы такое плетете...

— Как же можно быть такой слепой! — Мисс Поттон не унималась. — Неужели вы не видите? Он уже не может отвлечь внимание людей, не может читать их сны...

Услышав о снах, Лидия не выдержала:

— Не может навевать видений, где вы с ним вальсируете в лунном свете! Это в семнадцатом-то столетии! Да тогда вальса еще и в помине не было!.. Извините, — поспешно добавила она, видя, что уязвленная в самое сердце Маргарет все-таки разрыдалась. — Мне не следовало так говорить...

— Вы не понимаете! — неистово выкрикнула Маргарет. — Вы не понимаете его! Все, о чем вы заботитесь, — это найти своего муженька и помочь ему в его шпионских делишках! А то, что рядом с вами гибнет одинокий, благородный, романтический герой... — Она вслепую кинулась из комнаты. Лидия услышала вскрик перил, на которые налетела мисс Поттон, сбегая вниз по изогнутой лестнице.

— Маргарет! — Она схватила очки с туалетного столика и, даже не обувшись, бросилась в погоню. Внизу хлопнула входная дверь. Когда же Лидия достигла ее и распахнула, во дворе уже хлопнула калитка.

— Маргарет! — Взглянула под ноги, подумала машинально: «Ну, этой паре чулок все равно конец...» Два маленьких фонаря освещали обманчиво чистый двор, да тлела лампадка над дверью перед иконой какого-то святого. Лидия сошла с порога и двинулась к кирпичной арке входа. Остановилась у калитки, словно опасаясь открыть ее и ступить во внешнюю тьму.

Где-то поблизости слышалось дыхание Маргарет. Потом в лунном свете неподалеку возникло бледное, похожее на череп лицо, обрамленное паутиной волос. Привыкнув к темноте, Лидия различила и руки Исидро, стиснувшие запястья плачущей мисс Поттон.

Вампир что-то говорил, но так тихо, что нельзя было ничего расслышать. С огромным пониманием и терпением он выслушал затем невнятный истерический шепот Маргарет. Руки ее судорожно цеплялись за серый плащ дона Симона.

В смутном свете, падающем из верхнего окна, происходящее сильно смахивало на сновидение и одновременно на театральный эпизод. Не сводя страстных глаз с вампира, Маргарет откинула голову, выставив горло, и рванула воротник блузки.

— Возьми меня! — услышала Лидия ее выдох. — Убей меня, если тебе это нужно!

Что ответил Исидро, осталось тайной. Но Лидия видела, как вампир вновь закутал горло Маргарет, положил руку на плечо и склонил голову, тихо о чем-то говоря. Видя, что дон Симон ведет мисс Поттон к калитке, Лидия бесшумно отступила в тень гранатового дерева. Под кирпичным сводом арки Исидро, должно быть, что-то еще сказал, потому что Маргарет кивнула, сняла очки и, утерев слезы безропотно позволила увести себя в дом. Дверь за ними закрылась.

Несколько секунд было тихо, но Лидия знала, что Исидро сейчас вернется. Вскоре на крыльцо легла узкая черта света — вампир снова приоткрыл двери. Затем щель, исчезла, и, скользнув через двор, он оказался с Лидией лицом к лицу.

— Я попросил ее подыскать для подобных сцен иное время и место.

— Да. — Раздражение Лидии обратилось теперь на Исидро. — Досадно, не правда ли, когда кто-то ощущает более сильные чувства, чем ему положено?

— Да, — просто ответил он. Таким голосом подтверждают, что да, сегодня суббота. Луна ушла, сияла лишь лампадка над дверью. — Хотя сны, которые она видит, больше принадлежат ей, нежели мне. И я бы предпочел, чтобы вы обе пребывали сейчас в постели, которую вы уже наверняка обложили этими зловонными травами, привезенными вами из

Парижа.

Холодный бриз с азиатского берега зашуршал последними листьями. Колеблемый сквозняком огонек лампадки обозначил туго обтянутую кожей скулу Исидро. Впадины глаз казались черными дырами. И Лидии невольно вспомнился их разговор о том, почему вампиры избегают зеркал.

— Трущобы Галаты и кварталы Пера с их посольствами и банками одинаково пропахли вампирами. — Пламя лампадки отразилось в бледно-желтом хрустале его глаз. — Стоя здесь, сейчас, я пытаюсь дотянуться своими чувствами через залив Золотого Рога — и город как будто окутан миазмами. Ощущаю вампиров. Мастера... Но все закрыто, затенено, искажено... словно все карты на столе лежат лицом вниз и ни одной не угадать. — Он нахмурился и взглянул в сторону калитки.

Гнев улетучился, Лидия невольно шагнула к Исидро:

— Но это точно? Вы говорите... не можете ощутить...

Угол рта его дрогнул в иронической улыбке — слабое эхо человеческой мимики.

— Сожалеете, сударыня? Вас заинтересовало, что, перестав по вашей просьбе убивать, я не смогу оказать помощь ни себе, ни вам?

Лидия всмотрелась в его недвижимое лицо.

— Нет, — сказала она. — Заинтересовало? Да, возможно. Но о сожалении речи быть не может.

— Да, — тихо отозвался он. — Леди до мозга костей.

Впервые на ее памяти он упомянул этот их уговор.

Исидро качнул головой и вновь оглянулся. В арке лежала чернильная тьма.

— А Джейми? — Лидия с трудом произнесла его имя, страхась услышать то, чего боялась все эти дни.

Брови Исидро слегка вздернулись.

— Если он в городе, то не здесь, не в Пера. — В голосе его прозвучала некая неуверенность. — А если он спит на стамбульском берегу... — Исидро покачал головой. — Нет. Мои чувства ослаблены, но дело даже не в этом. Эта тень... эта замутненность, наведенная самими вампирами... — Он виновато улыбнулся и вновь удивительно стал похож на человека. — Завтра ночью я попробую в этом во всем разобраться. — Дон Симон плотнее закутался в плащ (еще один человеческий жест); руки в белых перчатках смотрелись на фоне темных складок, как иней на скале. — Но мне уже сейчас ясно: что-то странное происходит в этом городе. Я уже объяснил нашей романтической спутнице, что здесь не стоит говорить вслух (пусть даже по-английски) об охоте, убийстве и питье крови. Хотя бы и при свете дня.

12

Эшера разбудили голоса муэдзинов: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет Пророк Его...» Слова молитвы были ему известны, но повторить их он не решился — уж больно мрачно они звучали на этот раз.

Сводчатые узкие бойницы, когда-то опоясывавшие помещение, были замурованы лет сто назад. А каждое из верхних окон, прорезанных в барабанах пяти мелких куполов, насколько мог судить Эшер, защищала серебряная решетка. Впрочем, он мог и ошибаться. В течение дня он не слышал ни голосов, ни скрипа колес, ни цоканья ослиных копыт — один лишь лай печально известных константинопольских псов. Иногда ветер забрасывал сюда крики торговцев — на местном греческом диалекте. Зато крики чаек, сильно напоминавшие кошачьи вопли, раздавались здесь день и ночь.

Небо сквозь решетку было цвета тигровых лилий, на голубых изразцах бледнели желтоватые блики.

Эшер не поворачивался лицом к Мекке, хотя представлял, в какой стороне она находится, не повторял слова муэздина, и тем не менее, сидя на диване среди подушек и

одеял, он молился. Он был очень испуган.

Свет, проникавший сверху в помещение, мало-помалу иссяк, купола наполнились мраком. Располагающийся посреди длинной комнаты прямоугольный выложенный голубой плиткой бассейн казался теперь черной пропастью, откуда могло в любой миг появиться все что угодно. Эшер чиркнул спичкой и зажег одну из стоящих в нишах бронзовых ламп. По привычке полез в кармашек за часами, но часы, естественно, были изъяты. Как и серебряные цепочки, защищавшие запястья и горло.

Он оделся, умылся, привел в порядок постель, вслушиваясь в каждый звук, проникавший в гулкий дом. Когда снаружи стемнело настолько, что не отличишь белой нити от черной, как сказано в Коране, Эшер услышал проворот ключа в старом замке.

Отодвинулся подальше от двери, готовясь бороться с той странной ленивой рассеянностью, какую вампиры обычно наводят на своих жертв. И однако же заметить, как и когда они вошли, Эшеру не удалось. Мгновенная сонливость — и внезапное пробуждение...

Они уже стояли вокруг него кольцом, связывая ему руки за спиной с помощью тонкого шелкового шнура. Глаза их при свете лампы вспыхивали, как у крыс; прикосновения — леденили... Все они были голодные.

— Так кто ты, инглиз? — спросил тот, что прошлой ночью представился Эшеру как Зардалу. Был он безбородый и словно бы бескостный, с крашенными в алый цвет ногтями и прозрачной голубизной глаз. — Вчера я принял тебя за одного из микаников нашего Бея, и я подумал: вот тот, кого он хочет сделать таким, как мы, и приставить ко всем этим штукам, которые они настроили в усыпальнице, к этому дастлаху... — Глаза его оглядели Эшера из-под крашенных век. А тот, зная, насколько чуток слух вампиров, старался успокоить бешено бьющееся сердце. — А сегодня Бей дал нам относительно тебя совершенно другие инструкции. И что нам теперь думать?

— Ты в самом деле считаешь, что он хочет сделать его одним из нас ради этих своих опытов? — уставив на Эшера круглые демонские глаза, спросила Джамиля Байкус — или, как она звала себя сама, Байкус Кадинэ, — тонкая, словно трость, и впрямь похожая на сову (именно так переводилась ее кличка). Половина волос ее была заплетена в косы, уложена и унижена гребнями. Другая половина свободно свисала до пояса. На шее вампирши висело ожерелье, снизанное из бриллиантов и крысиных костей. — Это так, инглиз? — Ее твердый ледяной палец уперся снизу в подбородок Эшера. Ростом Джамиля была не выше двенадцатилетней английской школьницы.

— Он велел, чтобы мы не задавали ему вопросов. — Это вмешался Харалпос, одноглазый крепыш, бывший когда-то янычаром. На шее у него болтался шарф из нежной ткани, грязный, засаленный, весь в темных пятнах.

— А велел ли он, чтобы я не задавал вопросы вам? — Эшер когда-то изучал персидский и арабский и приблизительно понимал, о чем они говорят между собой.

Зардалу с недобрый восхищением выгнул брови дугами и обнажил в улыбке клыки:

— О, какой умный инглиз! Конечно, ты можешь задавать нам вопросы. Все мы слуги нашего Бессмертного Господина!

— Он требовал тишины, — настаивал Харалпос. Темнокожий Хабиб и пышная молчаливая русская девушка Пелагея беспокойно шевельнулись. Эшер знал, о ком говорил янычар и что остальные действительно имеют повод для беспокойства.

— Он сказал: тихо идти, как дым. Нам не поздоровится, если этот неверный закричит.

— Если я закричу, добра мне это не принесет, — заметил Эшер и повернулся к Зардалу, который казался ему самым опасным из них. — Так что это за дастлах?

Слово дастлах означало нечто связанное с наукой. Так можно было назвать все: от астрологии до химического эксперимента.

— Откуда мне знать, инглиз? Бессмертный Господин забрал вход в подземелье серебряной решеткой, он накрыл это место и весь город своей силой, затуманил его, мешая нам даже думать об этом дастлахе. Но мы чувствуем холод льда в усыпальнице, мы чувствуем запах нефти и алкоголя... Слышим шаги рабочих, когда спим. Он думает, мы не

слышим?

— Идем, — нетерпеливо сказал Харалпос. — Немедля. Он двинулся, но Зардалу взял его за руку.

— Наш друг Джеймс... Можно мы будем звать тебя Джеймсом, инглиз? Так вот наш друг Джеймс заверил нас, что не будет кричать. Если он убежит или хотя бы попытается убежать, Бей нас строго накажет... Нет, убить — не убьет... — Костяшки его пальцев прошли по шраму возле уха Эшера. — Но кое-каким неприятным опытом с горячим песком или водой подвергнет. — Его красные ногти внезапно ухватили мочку уха Джеймса и принялись сдавливать — крепче и крепче. Эшер от боли стиснул зубы. Но когда уже казалось, что Зардалу сейчас разотрет мочку в пальцах, хватка разжалась. Открыв глаза, Эшер увидел довольную клыкастую улыбку. — Ты ведь не будешь убежать, правда?

На пальцах его была кровь. И он облизал их, не спуская с Эшера пристального взгляда.

Они провели его открытой галереей над мощеным двором. «Старый хан, или караван-сарай», — предположил Эшер, пока они спускались по лестнице. Одинокая лампа освещала сводчатый проход, по которому они вышли в восьмиугольный внешний двор с византийским мозаичным полом. Вчера вечером Эшер уже пересекал этот двор в сопровождении троих мужчин, которые окружили его на базаре и, приставив нож к спине, привели сюда. Они ничего не объяснили Джеймсу, да в этом и не было нужды. Древность стен и отсутствие зеркал подсказали ему, кто здесь хозяин.

* * *

Прошлой ночью в верхней комнате, освещенной помигивающей лампой, Олюмсиз-бей говорил ему:

— Было бы неблагородно держать тебя взаперти, в то время как в моем доме имеются библиотеки, бани и прочие развлечения для образованного человека.

Эшер лежал на диване, связанный по рукам и ногам. Ни разу в жизни ему не было так страшно.

— Но Дом Олеандров — это очень древний огромный дом. В нем есть комнаты, которые в течение многих лет не освещались ни свечой, ни лампой, и там рыщут во мраке мои дети. — Бей указал на свой выводок правой рукой — грубой, широкопалой, унизированной перстнями, камни в которых были обработаны задолго до изобретения фасетной огранки. В левой руке он держал странное оружие — алебарду пяти с половиной футов длиной, чье восемнадцатидюймовое посеребренное лезвие казалось очень острым, а задний шип был снабжен зазубринами.

— Мне кажется, будет лучше, если с тобой побудет Саид. — Подчиняясь жесту, вперед выступил молчаливый слуга — один из тех троих, что вчера похитили Эшера. — Надеюсь, — добавил Мастер Константинополя, глядя, как Саид разрезает связывающие Эшера узы, — ты найдешь в нем доброго друга.

Сказанное не нуждалось в пояснениях. Несколько часов подряд Саид неподвижно стоял в дверях библиотеки, пока Эшер при свете дюжины ламп исследовал шкафы, читая названия книг на арабском, немецком, латинском. Слуга не возражал, когда Эшер прихватил оттуда в свою комнату том «Тайной истории» Прокопиуса и подсвечник. О большем не приходилось и мечтать. Подсвечник был оплетен бронзовыми виноградными побегами. Кусочек проволоки Эшер надеялся отломать и с восходом солнца соорудить себе новую отмычку.

* * *

Пока Харалпос завязывал ему глаза своим грязным шарфом, у него из головы не

выходила беседа с Олюмсиз-беем. Хотелось бы также знать, зачем Мастер Константинополя носит с собой серебряную алебарду.

Ведомый вампирами, Эшер поначалу старался запомнить путь, считал повороты, но, как и предупреждал Бей, дом был огромен: он включал в себя несколько старых караван-сараев и небольших дворцов турецкой и византийской постройки. Они пересекли два открытых двора (или прошли по двору дважды, поскольку и там, и там мостовая была очень похожа). Один раз под ногами захлюпала вода, потом гулко застонали доски. Ледяные пальцы придерживали Джеймса за локти, было ясно, что считать шаги и повороты не имеет смысла: вампиры то и дело вторгались в сознание Эшера. Очнувшись, он ощутил зловоние, услышал лай псов — и понял, что они уже идут по улицам Константинополя.

— Неужели Бей сделает его одним из нас! — низко ворчал Харалпос, когда они двинулись по круто уходящий вниз улочке, судя по всему, ведущей к гавани. — Неверного, лудящего машины! Он стал привередлив, наш Бессмертный Господин. С тех пор, как Тиннин плохо кончил, Бей не создал еще ни одного птенца. Все выбирает...

— Тиннин был ученый, — прошелестел в ответ голос Байкус Кацинэ. — Нубийский философ, подобный мудрецам древности, высокомерным даже с царями... Но милый. Милый. Он знал цель всех этих опытов, а не просто лудил железки.

— Может, наш Джеймс тоже знает эту цель? — промурлыкал Зардалу. — Может быть, наш Бей нам не доверяет?

Внезапный подъем, затем — ступеньки, и крики чаек. Дом Олеандров стоял неподалеку от правительственных зданий, расположившихся на склоне Второго Холма, и тем не менее та часть города, что примыкала к мечети Валидэ, справедливо считалась самым древним и запутанным районом. Как во многих исламских городах, сразу после вечерней молитвы, правоверные наглухо запирали свои дома, поэтому улица, по которой вели Эшера, была совершенно пуста.

— Он редко кому доверяет, — проворчал Харалпос.

— Он не доверял Зарифу, — сказала Байкус Кацинэ. — Не доверял Шахару. И ты видишь сам, чем все это кончилось для них. Он глубоко копает, наш Бессмертный Господин, и копнет еще глубже ради нового любимчика. — Ее острые ногти длиной не меньше дюйма коснулись шеи Эшера.

Тут кто-то из них, должно быть, почувствовал, что пленник прислушивается к разговору, и вторгся в его сознание. Мысли словно подернуло дымкой, легкое головокружение — и Эшер на какое-то время перестал понимать, где он находится. Когда же голова прояснилась, соленый морской воздух, крики чаек и скорбные звуки корабельного колокола уступили место дальнему гомону и музыке цыганского квартала.

Если они ведут его куда-нибудь в укромный уголок, чтобы прикончить тайком от Олюмсиз-бея, то это можно было сделать и раньше.

Мысль облегчения не принесла.

Крутой подъем, камни и рывины под ногами, плечи то и дело касались какой-то полуразваленной стены. Однажды кто-то нажал ладонью на голову, заставив куда-то пронырнуть. Снова холодный ветер с моря и шелест листвы. Повязку сняли. Эшер различил во мраке бледные надгробные обелиски, торчащие подобно костяным пальцам среди черных деревьев. Луна еще не взошла, но в обильном звездном свете сзади вырисовывались старая крепостная башня и поросшие кустарником руины стен. Черные на черном маячили вдали, сливаясь с небом, купола и минареты.

Рядом стоял и слегка улыбался один лишь Зардалу. Наряд его — панталоны, туника, балахон черного бархата — мерцал драгоценными камнями.

— А теперь, Джеймс, друг мой, ты немного погуляешь среди надгробий, нет? — Его крашенные ногти без усилий распустили узы на запястьях Джеймса. Бледное, хотя и нарумяненное лицо Зардалу казалось таким же бескостным, как и тело. Он откинул назад завитые по-женски волосы, и в них тоже сверкнуло нечто драгоценное. — Не подведи нас, чтобы и мы тоже не подвели нашего Бессмертного Господина. Надеюсь, — добавил он,

осклабься, — правила игры ты понял.

— Думаю, да. — Эшер разминал кисти рук. Хотя и гладкая, веревка была затянута довольно туго, и скрюченные пальцы долго не желали повиноваться. Мысль о том, чтобы пробраться к городской стене среди кладбищенских камней, одурачив тех, кто способен видеть в темноте, была заведомо безнадежной. Нечто подобное дуновению коснулось его затылка, и Эшер резко обернулся, словно его тронули острием ножа. Нигде никого.

Зардалу беззвучно рассмеялся, широко разевая пасть. Клыки у него были, как у волка.

— Так кто ты по правде, инглиз? — мягко спросил он. — И кто тот, что собирается, как полагает Бей, прийти сюда за тобой? Раньше он говорил: «Найдите и убейте», — теперь он говорит: «Схватите того, кто придет за инглизом, и приведите ко мне». — Зардалу повел рукой в сторону бесчисленных надгробий. — Ты его слуга? — Глаза евнуха цвета грязного льда мерцали во мраке, тело же пропадало из глаз, таяло, как дым. Эшер усилием воли пытался разжать его мысленную хватку.

— Я не знаю, о чем ты толкуешь.

— Кто этот чужак, инглиз? И при чем тут дастлах? Зачем серебряная решетка, преграждающая путь в усыпальницу?

С трудом освободившись от навеянного вампиром безволия, Эшер собрался с мыслями.

— Если твой Хозяин может наказать тебя за любопытство, — выговорил он, — то мне лучше не отвечать.

С насмешливой торжественностью Зардалу простер руку, хотя чувствовалось, что он рассержен.

— Узрите мудрого! — воскликнул он почти беззвучно. — Тогда тебе требуется лишь колокольчик, как козленку, которым приманивают тигра.

Сознание Эшера помутилось на секунду, а когда он очнулся, словно внезапно пробудившись ото сна, вампира уже не было. Кладбище казалось пустым.

Все они где-то здесь, — подумал он.

Зардалу и Джамиля Байкус, Харалпос, и Хабиб, и Пелагея — все они сейчас не сводят с него глаз. Засада. Ловушка. Антея сказала, что город накрыт как бы невидимой пеленой, мешающей ей почувствовать присутствие других вампиров. Она явно была испугана и добавила, что такое под силу лишь великому Мастеру. Или даже Мастерам.

Осторожно прогуливаясь среди могил и продвигаясь на ощупь там, где тень мрачных кипарисов лежала особенно густо, Эшер по мере возможностей старался запомнить ландшафт. Могла ли Антея, покинув свое убежище после исчезновения Джеймса, найти новое укрытие на этом кладбище?

Или встреча с людьми из стражи султана, которые взяли его близ мечети Баязета, была специально для того и задумана, чтобы оставить Антею без защиты?

Тогда зачем понадобилось это похищение? К чему засада на кладбище, когда проще было установить за ним вчера слежку и в итоге выйти на Антею?

Может быть, охота идет вовсе не за ней?

Он присел отдохнуть на низкое плоское надгробие, похожее на мраморную скамью. Плита была покрыта надписями на арабском и завершалась узкой стеллой, увенчанной фигурой в тюрбане. Раз в тюрбане — значит мужчина, причем из высшей знати. А то, что тюрбан слегка наклонен, говорит о том, что покойный был задушен по приказанию султана. Кое-где мрамор был выщерблен пулями — видимо, в июле, когда армия вела здесь последний бой с частями, преданными султану.

«И этот бой, — подумал Эшер, — заодно покончил с влиянием Олюмсиз-бея на султанский двор».

Влияние скорее всего было финансовым, поскольку вся страна погрязла в долгах. И пока Абдул Гамид пребывал в заключении, а Комитет Союза и Прогресса соображал, как провести выборы в Парламент, разом перепрыгнув из семнадцатого столетия в двадцатое, Бею вдруг понадобилось послать кого-то в Англию, чтобы доставить оттуда Эрнчестера.

Во-первых, зачем ему здесь мог потребоваться граф?

Что-то шевельнулось среди черных деревьев. Эшер напряг глаза, но никого не увидел. Крыса или лиса... Хотя, если крысы бежали от одного только запаха волос, сохранившегося в шляпе Антеи, вряд ли они бы сейчас отважились выползти из нор.

Он соскользнул с надгробия и двинулся дальше.

Где-то неподалеку завыл пес.

В качестве приманки Эшера использовали уже довольно долго. Судя по расположению луны, около двух часов. Из темного города донесся последний крик муэдзинов, а чуть позже с того берега пришел по водам залива чистый и ясный звук церковного колокола.

На кого же все-таки идет охота? На Антею? Или на Эрнчестера?

Или, может быть, на кого-то еще?

Однако, судя по тому, что говорил Зардалу, они и сами не знают толком, на кого охотятся.

Антея! — подумал он, — Беги отсюда! Уходи!

Затем появился Зардалу. Шел открыто по заросшему пустырю, направляясь к Эшеру. Снова стянул ему кисти шнуром и завязал шарфом глаза. Руки вампира заметно потеплели.

— У тебя бессердечный хозяин, — сказал евнух. — Может, он за это время успел найти себе другого слугу — поумнее или поглупее? Он обещал тебе вечную жизнь, Джеймс? Видишь ли, они все это обещают.

— Даже Бей?

— Ах какой дерзкий инглиз!

В шепоте его, однако, Эшер уловил иронию. Забавно...

Они вновь миновали городские стены. Улицы вокруг лежали вымершие, оглашаемые лишь криками чаек. Зардалу вел Эшера, взяв его за локоть, прочие следовали, чуть поотстав. Запах свежей крови перебивал и зловоние отбросов под ногами, и благовония вампиров.

И лишь когда, по расчетам Эшера, они уже должны были подходить ко Второму Холму, рядом послышались шаги и голоса.

— Милая... — бормотал мужчина по-гречески. — Чудесная, волшебная...

Ответом ему был серебристый смех вампирши.

— Да она подцепила сокровище, наша Пелагея! — шепнул над ухом Зардалу. — Крепкого ты нашла бычка.

Русская засмеялась — и вопреки всему, что он узнал и пережил, Эшер почувствовал желание.

Они остановились. Звякнул, входя в скважину, ключ. Тип замка Джеймсу на слух определить не удалось. Пьяно бормотал мужчина, клялся в вечной любви, сулил восторг наслаждения, в ответ на что предмет его страсти отозвался восклицанием благодарности, вызвав у прочих (Харалпоса, Хабиба, Байкус Кадинэ) приступ зловещего веселья. Джеймса направили в дверь и повели вниз по неровной лестнице, ведущей очень глубоко — в подвалы, где пахло водой и камнем.

— Та маленькая нищенка, что украл Хабиб, — неплохо. Но твой бычок! Ах хорошо упитан...

— Упитанный армянин — все равно армянин. Лучше бы тогда султан занялся ими, чем цыганами и евреями...

— Но он достаточно трезв, чтобы нас позабавить? — В манерном голосе Зардалу слышалось нетерпение. — Эль-Малик будет доволен и маленькой спящей нищенкой, но тем, кто всю ночь без толку просидел на кладбище, необходимо развлечься.

— Эль-Малик беседует со своим неверным микаником. — Эшер почти видел, как русская девушка лениво поводит плечом. — Запах кофе чувствуется даже на улице... А этот у нас живо протрезвеет...

Эль-Малик. Владыка. Король. Мастер вампиров Константинополя. Пока они болтали — резкий изгиб лестницы, еще две ступеньки, мазнула по лицу матерчатая завеса, поворот вправо, неровный мощный кирпичом пол — и внезапная вонь аммиака, каких-то химикатов, ожгло холодом...

И вдалеке — нечленораздельный, приглушенный, словно из закрытого помещения, человеческий крик, исполненный ужаса и боли.

— Встретил я тут как-то одного миканика ночью, — рассказывал Зардалу, видимо, поворачиваясь к остальным, ибо рука его соскользнула с шеи на плечо Эшера. Наверное, он не мог не почувствовать, как ведомый покрылся мурашками, услышав человеческий голос из бездны. — Маленький жирный неверный с очками на носу. Прижался спиной к стенке, машет своим молоточком, пялится, кричит: «Кто здесь? Я тебя слышу! Ты от меня не уйдешь! Выходи — и я тебя не трону...»

Несчастный молоденький армянин изливался в чувствах, а Эшер считал ступеньки и повороты лестницы. Судя по отголоскам, они вышли на открытое пространство. Мелкая брусчатка сменилась крупным, как ядра, булыжником, затем пошли каменные блоки с травой в щелях. Еще один поворот направо — и запертая дверь.

Они ступили в комнату с голыми деревянными полами — и остановились. По их молчанию Эшер уже догадывался, к кому они пришли.

— Ничего? — Бархатный, богато окрашенный голос. Судя по тому, как сместилась хватка Зардалу на локте Джеймса, евнух поклонился.

— Ничего, господин.

В темноте — шорох шелка и запахи кофе, благовоний, аммиака и крови.

— Хотя вы сделали все, как вам было сказано. Хабиб, мой любезный, это — мне? Какая чумазная крошка! О, Пелагея... — Далее Эшер снова услышал свист шелка и затем — сдавленный вскрик ужаса. Это внезапно очнувшийся юноша увидел совсем рядом улыбающуюся смерть.

Рука, подобная ожившей стали, почти с нежностью провела по лицу Эшера. Шарф соскользнул. Прямо перед Джеймсом свет керосиновой лампы отразился в когда-то карих, а теперь выцветших глазах вампира, принявших за несколько столетий неестественный оранжевый оттенок.

Олюмсиз-бей отступил на шаг.

Ростом он был с Эшера (шесть футов), но сутулился, отчего безволосая голова его, напоминающая голову черепахи, располагалась под каким-то странным углом. Нос напоминал лезвие топора, да и прямой безгубый рот был похож на засечку топором. Тем не менее лицо Мастера Константинополя не выглядело уродливым. Мочку уха оттягивала серьга с огромным янтарем (оранжевым, под цвет глаз), в котором был замурован немыслимых размеров муравей.

— Возможно, это к добру, — сказал Олюмсиз-бей на цветистом турецком, на котором общались придворные, — что ты вернешься в свои покои, Шехерезада, и проведешь там остаток ночи. Ибо сказки, которые мы будем сегодня рассказывать, — не для смертных людей.

Эшер взглянул на его выводок, окруживший полного носатого юношу. Бедняга озирался и был близок к помешательству от страха. Хабиб, грубый мощный вампир, кажется, друживший с Харалпосом, держал на руках спящую замарашку лет двенадцати — торжественно, как инфанту.

— Саид уже приготовил там для тебя еду, — продолжал Мастер Константинополя. — Я же дерзнул выбрать тебе книги, чтобы ты мог скоротать время, развлекшись старыми легендами. А мы здесь... позабавимся. — Улыбка его была старательной, но равнодушной. В левой руке Бея по-прежнему была серебряная алебарда. На лезвии играли радужные отсветы бронзовых ламп.

Глаза птенцов просияли. Коты ждали, когда выпустят мышку.

Курчавый черноволосый армянин с невнятным вскриком рванул из рук Пелагеи и Харалпоса, но тщетно. Эшер почуял запах мочи — юноша уже не владел собой. «Хорошо будет бежать...» — с горечью подумал он.

И все это время Джеймс не переставал твердить, запоминая: мощный двор позади этого помещения, мелкая брусчатка, направо в дверь, пересечь зал, дальше — узкая

лестница, за ней — вторая...

И серебряные решетки, место, где, по словам Зардалу, находится дастлах, запах химикалий...

И голос, в отчаянии взывающий из мрака.

То есть получается, что Бей держит за серебряной решеткой всего одного пленника?

— Мои дети не помнят себя. при виде добычи...

Джеймс вздрогнул, как будто тот мог прочесть его мысли.

— Да, я действительно полагаю, что лучше тебе посидеть в своей комнате. И если кто-нибудь позовет тебя (кроме меня, разумеется), не откликайся. Дорогой мой... — Униженной перстнями правой рукой Бей огладил щеку Зардалу. — Поручаю тебе отвести гостя в его покои. — Он взял шарф, которым раньше были завязаны глаза Эшера, и протянул его птенцам. — А потом будь добр проводить моего другого гостя наружу — до обычного места встречи. И помни, я узнаю, если с ним случится что-нибудь дурное! — Улыбка Бея была холодна, как и его хватка. — Я буду очень недоволен. Ты понял меня?

Зардалу склонился вновь, изогнувшись всем своим бескостным телом. Завитые волосы, упав, свисли до полу.

— Я все понял, господин!

— Войди. — Олюмсиз-бей кивнул кому-то скрывавшемуся во мраке дверного проема и далее перешел на вполне современный немецкий язык без каких бы то ни было признаков архаичности. — Вот он выведет тебя наружу. Я гарантирую, что у тебя нет причин его бояться.

— Я не испытываю страха, пребывая в вашем доме, как и в любом другом месте, если нахожусь под вашей защитой, мой господин. — И из темноты выступил Игнац Кароли. В безукоризненном светло-коричневом костюме он выглядел здесь просто нелепо. Как Томми в форме цвета хаки, угоди он каким-нибудь чудом в битву при Марафоне. На секунду венгр задержался перед Эшером и окинул его внимательным взглядом карих широко расставленных глаз. Затем повернулся и поклонился Олюмсиз-бею: — Могу ли я быть уверен в том, что прощен, мой господин, и что согласие между нами возможно?

Бей устремил на него загадочный взгляд. Он по-прежнему опирался на алебарду, по лезвию плавали блики.

— Посмотрим. Как говорится, все в руках Аллаха.

13

— Не вижу, почему бы ему не пойти с нами! — Маргарет Поттон покинула вслед за Лидией посольскую карету и, сопровождаемая лакеем-греком, устремилась за внушительной леди Клэпхэм, высокой тощей дамой с лошадиным лицом. Лидия склонна была считать, что именно леди Клэпхэм является здесь истинной главой британского дипломатического корпуса. — Вы можете представить его как своего кузена. Вы же сами в беседе с сэром Бернуэллом сказали, что у вас есть кузен а Константинополе. Я еще подумала, что это хорошая идея...

— Я сказала ему так на тот случай, если в их знакомстве возникнет острая необходимость, — терпеливо ответила Лидия, более позабавленная, нежели рассерженная словами Маргарет. — Я не имела в виду дипломатический прием во дворце.

Леди Клэпхэм почти уже пропала из виду, заслоненная прогуливающимися дамами, чьи платья и шляпы иаверняка были доставлены сюда из Парижа и Вены. Наконец она остановилась перед дверью мадемуазель Урсулы и нетерпеливо оглянулась, высматривая отставших спутниц.

— Не знаю, — сказала Маргарет. — Я думаю, для него так было бы лучше.

Лидия покачала головой и прервала разговор, поскольку они уже входили в двери бутика. Хозяйка, туго затянутая в корсет бельгийка средних лет, хотя и заметила с первого взгляда существенную разницу в нарядах Лидии и Маргарет, тем не менее приветствовала

обеих с одинаковым радушием. Пока леди Клэпхэм объясняла мадемуазель Урсуле, зачем они к ней пожаловали, Лидии пришло в голову, что в нынешнем своем состоянии Исидро все равно не смог бы сойти за живого.

Услышав, что пришли они сюда исключительно ради нее, Маргарет опешила и покраснела.

— Глупышка, — снисходительно молвила леди Клэпхэм. — Не можете же вы сопровождать вечером миссис Эшер в том, что надето на вас сейчас.

И Лидия подумала (с некоторым даже облегчением), что сама она по сравнению с этой представительной дамой воплощение деликатности и такта.

Как бы это ни раздражало Лидию, но Исидро был совершенно прав. В Константинополе, как, впрочем, и в Вене, присутствие Маргарет Поттон придавало Лидии более респектабельный вид и избавляло от необходимости то и дело подчеркивать свой статус. Наличие компаньонки производило на всех прямо-таки магическое впечатление. Бог знает, как бы сложился вчера у Лидии разговор с сэром Бернуэллом, явись она в посольство одна. А так, стоило ей переступить порог, ее встретила с распростертыми объятиями леди Клэпхэм: «Дорогая моя, мне так жаль...»

Так жаль.

Лидия похолодела вновь, голоса мадемуазель Урсулы, леди Клэпхэм и мисс Поттон удалились, словно разговор шел уже не в маленькой, аккуратной, чисто парижской комнатке, обитой голубеньким шелком и увешанной зеркалами в золоченых рамах, а где-то в конце длинного коридора.

Среда. Джеймс исчез в среду после полудня.

— Какое из них вам больше нравится, дорогая?

Голос леди Клэпхэм вернул ее в настоящее. Модистка разложила на столе два платья: одно — соломенно-желтое с отделкой из белого жоржета, другое — муслиновое в бело-коричневатую полоску, отделанное розовым шелком.

— Мне кажется, это зависит от мнения мисс Поттон, — сказала Лидия, улыбнувшись через силу, и подошла поближе. Мисс Поттон долго краснела, бледнела, шла пятнами и наконец остановила свой выбор на муслиновом платье, к которому Лидия тут же приобрела белые шелковые чулки, лайковые перчатки, тонкую золотую цепочку с висюлькой из розового кварца и пару серег.

— Зря вы, право... — сказала позже Маргарет, когда они уже вернулись домой и Стефания Потонерос зашнуровывала на ней обновку. — Я имею в виду... это же все так дорого...

По меркам высшего света это было совсем не дорого. Лидия надела очки и внимательно оглядела компаньонку. Мадемуазель Урсула явно подбирала костюм для Маргарет с тем расчетом, чтобы он оттенял и дополнял наряд самой Лидии. Но для бывшей гувернантки это было таким же чудом, как бальное платье для Золушки.

— Я, право, не знаю... — Маргарет запнулась. — Как мне благодарить вас...

— Ах, оставьте! — сказала Лидия. Последовало молчание. Обе с неловкостью вспомнили и истерику в Софии, и тот взрыв страстей, что случился прошлой ночью. — Это все пустяки... — пояснила она. — Видите ли... будучи наследницей, я достаточно натерпелась от дядюшек и тетюшек, учивших, как мне жить и за кого выйти замуж... И я отделялась от них с помощью подарков...

— Я думала, быть богатой наследницей — это значит делать только то, что хочешь, — заметила Маргарет.

Лидия тем временем слегка припудрила щеки, затем наклонилась к зеркалу и, едва не коснувшись носом стекла, принялась изучать результат.

— Ну, я не знаю, как другие наследницы, — сказала она, — но мой отец и две его сестры не знали отбоя от ловцов удачи, так что жизнь моя подчас была... весьма стесненной.

«Я не позволю тебе вручить мое состояние этой каналье!» — то и дело повторял отец.

Нет. «Мужчина, который женится на тебе из-за денег, сделает тебя несчастной».

Нет. «Как ты представляешь себе мужчину, который бы обеспечил тебе ту жизнь, какую ты хочешь вести?»

«Я не позволю тебе вручить мое состояние этой каналье!»

Его состояние...

Она навела легкий румянец — и снова вгляделась в свое отражение.

— Не настолько уж вас стесняли, если разрешили учиться в Оксфорде, — сказала Маргарет. Она взяла пудреницу, повертела ее с неловкостью. — А что, все наследницы владеют косметикой с таким совершенством?

— Только если у них такой же нос, как у меня. — Лидия искоса взглянула в зеркало, затем принялась наводить на веки едва заметную тень. — Джеймс был другом моего дяди Амброуза — декана. Словом, они вместе с одним профессором патологии помогли мне занять денег... под чужим именем. Я упросила дядюшку Амброуза ничего не говорить моему отцу. Да дядюшка и сам, честно говоря, не знал, что я собираюсь изучать именно медицину. К счастью, мы жили неподалеку от Оксфорда, а отец постоянно отлучался в Лондон. Будь жива моя мать, я думаю, у меня бы ничего не вышло.

— И что было, когда все выплыло наружу? — спросила Маргарет, широко раскрывая встревоженные голубые глаза.

— Скандал... — уклончиво отвечала Лидия и, видя, что компаньонка с явным интересом разглядывает ее косметический арсенал, спросила: — Не желаете попробовать?

— Я?... — Маргарет смутилась, порозовела. — Право, не знаю... Сестры в приюте говорили, что леди не красятся...

— Ну, я еще не встречала леди, которая бы не красилась, — с улыбкой сказала Лидия. — Весь трюк в том, чтобы этого никто не заметил. Ну-ка...

Метаморфозу трудно было назвать разительной, но если уж Лидия на протяжении стольких лет успешно справлялась с собственными недостатками (нос, как у ястреба, впалые щеки, немодные очертания губ), то личико Маргарет (убегающий подбородок, курносый нос) хлопот ей почти не доставило.

— О... — изумленно выдохнула мисс Поттон, глянув в зеркало. Голубые глаза обрели глубину, а бледность лица в сочетании с массой черных волос смотрелась почти как в том сновидении. — Благодарю вас...

Она тут же напялила окуляры. Лидия рассмеялась:

— Вы ведь не собираетесь пойти в них на прием?

— Конечно, собираюсь. — Мисс Поттон утвердила пенсне на переносице, в то время как Лидия свои очки сняла. — Если кому-то я в них не понравлюсь, ему же хуже. Спасибо... — добавила она. — Спасибо вам за все, что вы для меня сделали. Никогда я не была такой красивой.

Лидия улыбнулась и покачала головой.

— Если хотите, могу показать, как это делается, — сказала она, отправив очки в кожаный футляр и оглядев себя напоследок в зеркале. Сестра Стефании Елена несколько минут назад сообщила, что сэр Бернуэлл и леди Клэпхэм ожидают в экипаже внизу. «В любом случае, — подумала Лидия, — во дворец мы прибудем в самое время».

Она надела лайковые перчатки, окинула взглядом мисс Поттон — и осталась вполне довольна внешностью компаньонки. Несмотря на очки, Маргарет была хороша. Даже слишком хороша.

— Маргарет, — спросила Лидия, пока они собирали сумочки, веера, шали, ключи, — чем вы намерены заняться, когда вернетесь? Я имею в виду в Лондон. Я могла бы помочь вам...

— О, в этом я полагаюсь на дону Симона, — отвечала та. — Моя судьба в его руках.

Она счастливо улыбнулась и двинулась по лестнице вслед за Лидией.

Прием проходил в небольшом флигеле, располагавшемся во внутреннем дворе старого султанского дворца в окружении деревьев и невысоких, крытых зеленой черепицей куполов. Сами султаны не обитали во дворце вот уже лет, наверное, пятьдесят, зато новое правительство — Комитет Союза и Прогресса — въехало в него немедленно. Флигель в три зала, тесноватый для приемов, с низким потолком и хрустальными канделябрами в западном стиле, не слишком соответствовал старым имперским традициям.

— Посол Лоутер едва ли знает, к кому сейчас следует обратиться, — откровенничал с Лидией сэр Бернуэлл, пока ярко разряженные слуги освобождали их от плащей и пальто. — Это как в старой истории о пророке: половина предсказаний его была правдива, но никто не знал, которая именно. Комитет Союза и Прогресса местами захватил власть. Хотелось бы еще понять, где эта места.

— По крайней мере при старом султани было хотя бы ясно, кому дать взятку. — Леди Клэпхэм расправила складку шифонового платья (барвинок и золото), затем ободряюще кивнула двум своим молодым спутницам. — Не беспокойтесь, дорогая, — добавила она, обращаясь к Лидии. — Если о вашем муже стало хоть что-нибудь известно, мы услышим это здесь. И я знаю человека, который видел его днем в среду. Надеюсь, он здесь. У этих русских азиатское понятие о времени.

И она устремила туда, где приглашенных приветствовали любимец новой армии Энвер-бей и нынешний хозяин султанского дворца — медведеобразный Талаат-бей. Зала была полна народа: мужчины и женщины, одетые по последней европейской моде, в большинстве своем незагорелые и изысканные по-французски, и слуги в тюрбанах и мягких туфлях, разносящие серебряные подносы с прохладительными напитками. Взглянув на Маргарет, Лидия заметила, что та озирается, как бы надеясь увидеть здесь Исидро.

— Андрей! — воскликнула леди Клэпхэм, извлекая из толпы гиганта в зеленом мундире. — Князь Андрей Ильич Разумовский из русского посольства, — представила она его Лидии. — Миссис Эшер, супруга Джеймса Эшера. Его сиятельство знаком с вашим мужем, дорогая. Он был последний, кто видел его после этого случая с султанской стражей в среду, не так ли, Андрей?

— С султанской стражей? — Лидия вскинула глаза на подобного башне мужчину. Импрессионистски расплывались блики эполет, шитья, пуговиц. Затем с высоты к ней снизошло обрамленное золотистой бородой синеглазое добродушное лицо — склонившись, князь поцеловал ей руку. Лицевой угол — типично славянский, — машинально отметила Лидия. — Брахицефал. Черепной указатель — примерно 82. Да перестань же ты наконец думать о людях в медицинских терминах!

— Страшного пока ничего не произошло, — проговорил князь на безупречном оксфордском английском и предложил ей руку. Они прошли в колоннаду, где совершенно не к месту от столба к столбу развешаны были электрические гирлянды. Лидия ощутила едкий дух табачного дыма. Сами же курильщики представлялись ей пока смутными черными пятнами на светлом фоне.

День выдался холодный. Леди с обнаженными плечами (в их числе и Лидия) рисковали простыть.

— Ваш муж остановился здесь, в Стамбуле, — продолжил князь, как только они оказались подальше от чужих ушей. — Сейчас, после переворота, европейцы обычно предпочитают жить в Пера. За последние две недели армянские волнения улеглись, однако прекратить уличные столкновения греков и турок пока не удастся. Ваш муж... — Он внимательно взглянул на Лидию, словно желая спросить о чем-то. «Его сиятельство знаком с вашим мужем», — намекнула леди Клэпхэм, представляя их друг другу. Несомненно, этот «младший атташе» состоял на тайной царской службе.

— Я знаю, что мой муж прибыл в Константинополь, чтобы посоветоваться... с друзьями. — Она особо выделила последнее слово и снова посмотрела в его улыбающиеся глаза. «Да, я в курсе, что мой муж был шпионом, как вы». Вряд ли леди Клэпхэм

познакомила бы их, будь Россия союзницей Австрии. Узнать бы еще, на чьей стороне Османская империя?

— Ах, — молвил он. — Все так, как вы сказали, мадам Эшер. — Улыбка его стала шире. — Стало быть, вам известно, что у него были свои трудности. Вы ведь не знаете, в чем они состояли?

Лидия покачала головой.

— Я только знаю, что он мог попасть в беду. Сэр Бернуэлл рассказал мне, что он появился в Константинополе неделю назад и что никто его не видел, начиная с полудня среды.

— А какую помощь вы надеялись ему оказать? — Князь спросил об этом вполне благожелательно, но что-то, однако, таилось в глубине его глаз. «Быть союзниками, — говаривал Джейми, — не обязательно означает хотеть одного и того же». И Лидия почувствовала легкое смутение и страх, как тогда, в Вене.

— Я полагала, что узнаю человека, который мог его выдать, — тихо солгала она и тут же поспешила добавить: — Я не знаю его имени... Так что же случилось в среду после полудня?

Казалось, Разумовский хотел что-то сказать, но передумал. Возможно, он и впрямь был другом Джейми.

— Как я уже говорил, он поселился на стамбульском берегу Рога. — Князь понизил голос и оглянулся на курильщиков. Никто не смотрел в их сторону, и все же они поднялись по короткой мраморной лестнице, ведущей в темный сад. — Адреса своего он никому не сообщил, и когда мы с ним встретились, у него был вид человека, который чувствует за собой слежку. В среду люди из дворца перехватили его на Большом Базаре — по приказу начальника султанской стражи, которого кто-то подбил на это, дав взятку. — Он усмехнулся. — Обычное дело...

— И Джейми попросил у вас помощи?

— Мы с ним дружим довольно долго, — сказал русский. — Обратись он к сэру Бернуэллу, тот скорее всего направил бы жалобу командованию армии или в Комитет Союза и Прогресса, но тогда бы дело затянулось на бог знает какой срок. Я же просто пошел туда, где начальник стражи (а стало быть, и сам султан) обладают реальной властью, и погрозил кулаком. Я, естественно, имею в виду кулак моей страны — его здесь боятся. Султан сейчас заигрывает с армией, подбивая ее на контрпереворот (все-таки он — глава магометанской веры, а это великая сила). Ну а в такой ситуации начальнику стражи и его хозяину, сами понимаете, нужны союзники.

Лидия вздрогнула, вспомнив сцену, промелькнувшую в окне посольской кареты, когда они проезжали по тесным улочкам старого города: три черноволосых клювоносых мужчины в форме цвета хаки избивали старика. Вокруг собралась толпа, но никто не осмеливался вмешаться, да и сам старик лишь прикрывал голову от ударов, видимо, понимая, что взывать о помощи бессмысленно.

— Они тут же увели его, — продолжал Разумовский, оглаживая волнистое золото усов. — Как я подозреваю, потом его держали в казарме стражи, что подтверждает причастность к этому делу подкупленного начальника. Джеймсу, конечно, досталось, но ничего серьезного...

— Надеюсь, он использовал антисептики, — сказала Лидия и вздрогнула, потому что князь расхохотался. — Простите, — торопливо добавила она, сообразив, как некстати прозвучали ее слова. — Конечно, я потрясена тем, что его били, но ведь ему же сейчас грозит опасность куда серьезнее! Что он намеревался делать — тогда, в среду?

— Сам он мне об этом не сказал, но через свои каналы во дворце я узнал, что Джеймс собирался поговорить со сказителями на рынке...

— Сказителями?

«Старик, проживший около тысячи лет, — немедленно вспомнились ей удивительные записи в блокноте Фэйрпорта. — Женщина, прожившая пятьсот лет (ткала лунный свет)».

— Объясните же, в чем дело? — сказал князь.

Лидия покачала головой. Грудь, губы, пальцы рук и ног — все немело. «Последствия переохлаждения, — подумала она, и словно жалобный детский голосок вскрикнул: — Джейми, нет!»

— Вам холодно, мадам. — Князь положил теплую руку ей на плечо, и они двинулись в обратный путь. — Мы направлялись с ним к нему на квартиру, когда прибежал армянский мальчик и что-то ему сообщил. Что именно, я не слышал, но, думаю, примерно следующее: «Мой хозяин велел показать тебе это место». После чего Джейми немедленно откланялся. — Князь покачал головой.

«Как выглядел Джейми? — хотела спросить она. — Не заметили ли вы у него серебряных цепочек на шее и на запястьях?»

Хотя в любом случае цепочки должна была отобрать гвардия султана. Те стражи, которых она видела у внешних ворот дворца, вполне могли ободрать и разуть умирающего.

Сердце ее так и ходило под ребрами, стянутыми корсетом.

— Вы узнали, что это был за сказитель?

Разумовский приостановился и снова внимательно посмотрел на нее сверху вниз. Среди колонн Лидия заметила мужчин в ярких мундирах. Не турки. Европейцы. Надо полагать, люди князя.

— Миссис Эшер, — тихо сказал он. — Константинополь — нехороший город. Это опасный город, тем более сейчас, когда к власти пришла армия и все перевернулось с ног на голову. А для женщин он был опасен всегда. В данный момент я занимаюсь поисками Джеймса. Если о нем станет хоть что-нибудь известно, я немедленно извещу вас.

— Спасибо. — Лидия пожала широкую, затянутую в лайку руку. — Не могу вам выразить, как высоко я ценю ваше участие... вашу помощь...

— В данном случае. — Разумовский вновь огладил усы.

В каждую пуговичку на его перчатках был вправлен крошечный бриллиант. — Не следовало бы мне этого вам говорить, но все же скажу. Не вздумайте ничего предпринимать сами. Ничего! Звоните мне в любое время. Там, где вы остановились, есть телефон?

Она покачала головой.

— Тогда пошлите гонца. Вы понимаете? Если я не приду сам, я пришлю слугу. Вы ничего не обязаны сообщать ни мне, ни ему, но никуда не отправляйтесь одна! Сэр Бернуэлл и все ваши посольские — хорошие люди, но они тут недавно. Более того, их воспринимают как сторонников Комитета и противников султана. Кстати, немецкие дельцы, снабжающие деньгами обе враждующие стороны, обладают здесь куда большей властью, нежели мое или ваше посольство. Собираетесь выйти в город — берите кого-нибудь с собой. Я имею в виду, кроме этой вашей глупышки. Кого-нибудь, кто мог бы в случае чего защитить вас. Здесь не Англия. Прошу... — молвил он, пропуская ее в дверь, по сторонам которой стояли стражи в оранжевых и красных тюбанах.

Оказавшись в зале, князь принес Лидии шампанского и бутерброд с черной икрой. Тут же откланялся — и спустя две минуты она уже видела его (или кого-то очень похожего — огромного, русобородого, в зеленом мундире) беседующим с самим Энвер-беем.

14

Народу в зале становилось все больше. Еще беседуя с князем, Лидия заметила смутные огни, движущиеся среди деревьев, — слуги с фонарями сопровождали вновь прибывших. Она оглянулась и увидела зеленовато-розоватое пятно платья своей патронессы в окружении черных мужских костюмов. Лидия приблизилась. Там говорили по-немецки, поминая калибры и марки стали. Кажется, леди Клэпхэм угодила в компанию дельцов. Увидев Лидию, она с видимым облегчением схватила ее за руку.

— Дорогая моя миссис Эшер! — воскликнула она. — Позвольте вас представить герру Францу Хиндлу! Герр Хиндл. Миссис Эшер. А теперь прошу прощения, герр Хиндл, но я

обещала познакомить миссис Эшер с герром Деттмаром... Мне вас Бог послал, милая, — сообщила она, понизив голос, когда они убрались подальше от белобрысого плотного джентльмена, с чувством пожавшего руку Лидии. — Какой же он утомительный! — С этими словами леди Клэпхэм направила спутницу в двери малого зала, где было еще болеелюдно и душно. — Неужели я похожа на женщину, способную отличить вагранку от изложницы?

Лидия оглядела ее с насмешливой серьезностью.

— Повернитесь, — потребовала она, и жена атташе с не менее серьезным видом выполнила приказ.

— Ну, если только со спины немножко... — сказала Лидия.

— Тогда я наброшу на спину шаль, — пообещала леди Клэпхэм. — Я здесь задохнусь. Князь Разумовский сообщил вам что-нибудь новое о вашем супруге?

Лидия медленно кивнула:

— Он сказал, что муж намеревался встретиться на рынке со сказителем. Он — я имею в виду доктор Эшер — ни о чем таком при вас не упоминал?

— Но он ведь не за этим прибыл в Константинополь?

— Да, — сказала Лидия. — Просто он занимался подобными исследованиями повсюду. Он ведь не только языковед, он еще и фольклорист.

Леди Клэпхэм печально вздохнула и оправила прическу.

— Ну, это еще не самый печальный случай, дорогая. У меня у самой брат безумец. Можете себе представить, вскрывает гробницы. И ладно бы еще где-нибудь в языческих землях, а то ведь в Батском Кафедральном соборе. Причем в самый разгар охотничьего сезона! — Удивляясь, она покачала головой и взяла с подноса бутерброд с икрой. — Да, он спрашивал о сказителях. Берни рассказал ему о том старике, что сидит в ряду медников на Большом Базаре. Я полагаю, его сиятельство предложил вам помощь? Кстати, а где мисс Поттон?

Лидия оглядела зал, хотя издали и без очков она не могла отличить одного гостя от другого. Вот Джеймса бы она узнала сразу в любой толпе. Да еще, пожалуй, князя Разумовского — уж больно тот был велик и пышен. Нигде ни намек на платье в коричневатую-белую полоску и обильные черные волосы Маргарет. Лидия вспомнила фразу, оброненную Исидро прошлой ночью: «Я, возможно, буду неподалеку...» — и страстное желание мисс Поттон увидеть дону Симона на приеме... Тем более сейчас, когда она почувствовала себя красавицей.

— Она могла выйти в сад. — Лидии невольно вспомнилось сновидение, где Маргарет вальсировала с Исидро в лунном свете.

— Она простудится, — предрекла леди Клэпхэм. — О, моя дорогая, вот с кем я хотела вас познакомить... совершенно очарователен... такой шутник... — И она увлекла Лидию навстречу входящему в зал мужчине. Алый, обильно расшитый серебром мундир, леопардовый мех на плече, черные гладкие волосы, сам — строен и красив, как Аполлон. Женщины должны млеть при виде такого души. — ...состоит в дипломатическом корпусе и совершенно очарователен, хотя пороха не изобретет. Барон Игнац Кароли...

— Извините меня, — торопливо сказала Лидия. — Я думаю, мне необходимо найти мисс Поттон и... Я сейчас вернусь...

— В самом деле? Где же...

Но Лидия уже исчезла в толпе.

К счастью, из этого зала имелся другой выход — в смежное помещение. Ориентируясь по цветным пятнам, Лидия выбралась в главный зал и двинулась тем путем, которым они недавно шли с князем. В колонаде ее обожгло холодом, и, сожалея, что нет времени прихватить плащ, она заторопилась по черно-белой брусчатке, придерживая кружевной шлейф платья.

Только убедившись, что никто ее здесь не увидит, Лидия выудила из мешочка очки и водрузила их на нос.

То, что производило впечатление черных листовенных дебрей, испещренных

радужными бликами, распалось на отдельные кипарисы и ивы, склонившие гибкие ветви к мерцающей темной воде. Голые сучья и увядшие листья были подсвечены снизу цепочкой разноцветных ламп.

Слева цепочки таких же ламп бежали по перилам лестниц, террасам, навесам беседок, образуя мерцающую паутину рубиновых, лазурных, медовых звезд... причем на самом верху мраморной лестницы одна звезда отсутствовала. Кто-то забрал лампу.

Маргарет. Лидия и сама не могла сказать, почему она так в этом уверена. Она подхватила шлейф повыше и поспешила туда, где в цепочке огней зияла дыра.

Наверху ее ждали расшитая блестками тьма и мраморная дорожка, ведущая к запертым дверям двух беседок. За ними в кирпичной стене угадывалась низкая арка — видимо, вход в сводчатый туннель, сообщающийся с нижними террасами.

Вряд ли Маргарет могла увидеть Исидро в саду. Возможно, он ей просто померещился.

Лидия обернулась, всматриваясь. Нигде ни намек на муслиновое платье; одни лишь деревья, дорожки, высокая трава, а дальше — море. Она достала носовой платок, чтобы не обжечь рук, и взяла медную лампу со стеклянным рубиновым колпаком. В разросшихся кустах поблескивали глаза одичавших котов, водившихся здесь в изобилии.

Что я делаю? — ужаснулась Лидия, спускаясь по мраморным ступеням. — Меня же только что предупреждал этот русский князь: «Никуда не ходите одна!» Я веду себя как героиня дешевого романа...

Ей почудилось какое-то движение в тени одной из беседок. Мысль о том, что это может быть Кароли, потрясла Лидию. Теперь она просто не осмелилась бы вернуться.

Красные отсветы лампы легли на морду чугунного льва, установленного посреди того, что было когда-то цветочной клумбой. На шипах разросшегося розового куста Лидия обнаружила белые нити — явно от зацепившейся юбки.

Дверь в арке оказалась открытой. Некоторое время Лидия в нерешительности стояла на пороге, выставив вперед руку с лампой. Сзади дохнуло сырым холодом — от воды.

«Она не знала, — мысленно процитировала Лидия все тот же дешевый роман, — какой ужас подстерегал ее за порогом...»

Но ей и впрямь было страшно.

За порогом, однако, Лидию подстерегала каменная лестница с влажными следами маленьких подошв.

Женские туфельки.

Дура, дура, дура! — Трудно сказать, кого она имела в виду: Маргарет или же саму себя.

В конце лестницы — другая открытая дверь, а за ней — сводчатое гулкое помещение, столь огромное, что лампа не смогла осветить его целиком. Невообразимо древние, грязные колонны вздымались из обсидиановой водной глади, возносясь к потолку.

«Конечно, — сообразила Лидия. — Должны же все эти бассейны в саду откуда-то подпитываться».

С бьющимся сердцем она двинулась по теряющейся в темноте дорожке, опоясывающей водоем.

— Вы делаете глупость, сударыня.

Голос Исидро, внезапно прозвучавший из темноты за плечом, был не громче кошачьего мурлыканья. Лидия не вздрогнула. Каким-то образом она чувствовала, что дон Симон где-то здесь. Обернувшись, она увидела, что одет он подобно остальным гостям: черный сюртук и серые брюки в полоску. Бесцветные волосы обрамляли мертвое лицо.

Лидия испустила прерывистый вздох.

— Приезд в Константинополь — не меньшая глупость, — сказала она. — Да ведь и вас никто не загонял насильно в ваш дорожный сундук... Странно, что вы без цилиндра...

— Я надену его, если придется появиться в зале. — Он шагнул к Лидии и, взяв за руку, повел по дорожке над траурной гладью водоема. Отраженные блики извивались подобно рыбам в глубине. Лидия продрогла насквозь, однако рука Исидро была куда холоднее, чем ее собственная. — Этим путем султаны уводили в свой гарем леди, наблюдавших из беседки за

состязаниями лучников или игрой в мяч.

— Вы не нашли никаких ее следов?

— То есть мимо вас она тоже не проходила? — В его ровном голосе Лидии почудилась раздраженность. Исидро знал, о ком идет речь и что стряслось. — Я был сосредоточен на другом. Это довольно трудно...

Он не договорил, но Лидия прекрасно поняла его. Они приостановились и повернулись друг к другу. Черты Исидро в алом свете лампы казались окровавленными, незнакомыми. Лидии почему-то представилось, что, если она сейчас закроет глаза, то лицо дона Симона начнет меняться, теряя покровы иллюзии, и станет настоящим его лицом — настолько пугающим, что даже сами вампиры не решаются приблизиться к зеркалам.

— Это моя вина.

А что еще могла она сказать? «Простите, что я попросила вас не убивать ни в чем не повинных незнакомцев на улице, в поезде, за углом этого дворца?»

Помедлив, он проговорил:

— Нет. Моя собственная. Я ведь мог и не связывать себя никакими условиями. Переживу.

Снова молчание. Лидия вспомнила, как Маргарет разорвала на себе воротник на ночной пустой улице и подставила горло. Спрашивать об этом было бессмысленно, и все же она спросила:

— Вы пьете ее кровь?

— Это бы не принесло мне пользы, — нисколько не удивившись, спокойно ответил он. — Мы питаемся в первую очередь агонией. Почувствовав вкус крови, очень легко убить.

Я должна бояться его...

И все-таки в этом была ее вина.

— Конечно, нелегко, — продолжал он, как бы подслушав ее мысли, — созерцать себя в зеркале вашей порядочности. Давайте завесим его шалью, как я завесил зеркало у себя дома, и вернемся к насущным делам. Вам холодно.

Ее и впрямь била дрожь. Лидия не поняла, как и куда исчез Исидро, но в руках его возникла тяжелая шелковая шаль, которой вампир тут же укутал плечи спутницы.

— Неудачное место для прогулок. — Он простер руку в сторону лампы и каким-то образом поправил фитиль, не прикасаясь к нему. Они вышли в широкий двор. Ступени вели то вверх, то вниз. Тьма была непроницаема и тиха, как смерть. — Я видел ее следы, когда возвращался к водоему, — сказал он. — Следы нечеткие, так что лучше удостовериться, не вышла ли она этим путем наружу. — Он помолчал и добавил кое-что по-испански.

— Вы выбрали ее, потому что она глупая, — напомнила ему Лидия. — Глупая и преданная. Чувства, которые она к вам испытывает, вы вложили в нее сами.

— Одно дело следовать за мужем, точно зная, что он слепо идет навстречу предательству. — Они прошли в помещение с пыльным ковром на полу и поднялись по скрипучей лестнице на балкон, огражденный узорчатой решеткой — Вам необходим совет, ибо вы прекрасно понимаете, насколько ограничены ваши возможности. И совсем другое дело тщетно преследовать того, кому вы служите, дабы сообщить ему то, что он и так знает. Эти места опасны и для нее, и для нас. Кстати, лампу лучше держать пониже...

— Это ведь гарем, не так ли? — Слово немедленно вызвало в воображении ряд безнадежно романтических, по мнению Лидии, образов, но комната, куда они вошли (как, впрочем, и все последующие комнаты), была тесной и убогой; стены облеплены грязными заплесневелыми обоями без рисунка, диваны — низкие и неуклюжие. В исторических книжках их изображали совсем по-другому. Ковры пахли мышами и тлением.

— Я полагала, дворец был покинут в пятидесятых.

— Он еще оставался резиденцией султана. — Голос Исидро был не громче вздыхающей под ногами коверной пыли. — До июльских событий в нем заседало правительство. Часть старого сераля, где содержались женщины, принадлежавшие отцу, а то и деду султана, осталась прежней. Они до сих пор обитают здесь со своими слугами, но их

уже очень мало. А когда-то в каждой такой комнатке теснились четверо, пятеро, не выходя наружу и не видя никого, кроме евнухов.

В почти полной темноте она заметила, что Исидро касается рукой стены.

— Единственной их радостью был опиум. Опиум и интриги. Стены до сих пор пропитаны их склоками, их скукой, их слезами.

Темные глазные впадины Исидро словно углубились — и он прислушался, чуть склонив голову набок.

— Там, — шепнул он и, ступая легко и неслышно, повел ее вниз по лестнице, крутой и темной, как дорога в ад. Позже, уже вернувшись домой, Лидия поразилась, насколько она была тогда уверена в доне Симоне.

Маргарет стояла посреди большой комнаты в овальном углублении, когда-то бывшем бассейном. Алые блики скользнули по мраморному плетению оконных решеток, по изъеденным мышами грязным подушкам огромного полукруглого дивана. В комнате пахло плесенью.

Лампы у мисс Поттон не было — видимо, оставила где-то по рассеянности. Лицо ее было отрешенным, глаза за стеклами пенсне напоминали глаза лунатика.

И она была прекрасна — как в том сновидении.

Стоя в дверях, Лидия видела, как Исидро, оказавшись рядом с Маргарет, первым делом осмотрел ее обнаженную шею.

— Маргарита, — шепнул вампир.

Девушка, вздрогнув, очнулась. Затем глубоко вздохнула — и вдруг прижалась к Исидро, вцепившись в него обеими руками. Однако в следующий миг за плечом вампира она заметила Лидию. Одной рукой придерживая шлейф, а другой кутаясь в старую шелковую шаль, очкастая пришелица из реального мира внимательно разглядывала их обоих.

Маргарет поспешно отстранилась.

— Я... С вами все в порядке? — Этот вопрос вряд ли имел отношение к Лидии.

— Вполне. — Вампир вежливо склонил голову. — А иначе я бы, просто не смог вас здесь найти. Вы глупо поступили, Маргарита. Последовав сюда за мной, вы подвергли опасности и себя, и меня, и миссис Эшер. А теперь давайте вернемся в зал, пока вашего отсутствия никто не заметил.

Его голос остался ровным, тон — безукоризненно вежливым, но Лидия почувствовала в его словах сарказм. Щеки Маргарет вспыхнули, на миг показалось, что, не возьми сейчас дон Симон за руку, она бы повернулась и сломя голову кинулась в темные лабиринты комнат.

— Я так испугалась... — Голос ее дрожал, голубые глаза были полны слез.

— Испугались? — Он улыбнулся, как бы отдавая дань человеческой мимике. — То есть вы полагали, что мне грозит опасность, с которой я сам не в силах справиться, и решили прийти на помощь?

Слова прозвучали совершенно бесстрастно. «Он мертвый, — напомнила себе Лидия. — Он очень долго был мертвым». И все же что-то шевельнулось в бездонной глубине его хрустальных бледно-желтых глаз.

Маргарита опустила голову и, ведомая Исидро, двинулась сквозь лабиринт тесных комнат. Когда они уже выбрались во двор с беседками и бассейном, Лидия заметила огонек лампы, оставленной под ветхой лесенкой, и сделала шаг в ее направлении.

— Оставьте, — мягко сказал Исидро. — Это лишь привлечет тех, с кем нам встречаться не стоит.

Спрятав очки и оставив шаль в прихожей, Лидия вернулась в зал. Многие дипломаты разъехались. Больше всего она боялась сейчас столкнуться с алым пятном венгерского мундира.

— Вы присматривайте за этим Разумовским, — сказала ей леди Клэпхэм, когда они уже направлялись к экипажам. — И за вашей девушкой — тоже.

Вздрогнув, Лидия оглянулась на Маргарет, усаживающуюся с помощью лакея в

посольскую карету. Небольшая площадь была заполнена солдатами. Свет факелов отражался в ружейных стволах. Ожидали, что волнения армян в Галате могут перекинуться и на Стамбул.

— На этот счет я не беспокоюсь, — сказала Лидия. — Я нечаянно узнала, что она обручена с другим.

...куда более опасным, нежели этот русский аристократ.

— Я имею в виду следите за ее словами. — Ее светлость увлекла Лидию назад, в темноту арки. Тени солдат пьяно шатались по мостовой и по оплетенным плющом стенам. В ночном небе прорисовывались купала Айа-Софии. — И за своими тоже. Разумовский не дурак, он точно знает, что если уж ваш муж прибыл в Константинополь, то не ради беседы со сказителем. Соглашение, подписанное королем, будет немногого стоить, если царь увидит возможность в чем-либо опередить нас не здесь, так в Индии.

Лидия вздохнула, успокоила леди Клэпхэм и, опираясь на руку сэра Бернуэлла, поднялась в карету. Больше всего на свете ей бы хотелось оказаться в Рэдклиффской больнице, где все было куда проще и понятнее. Она и понятия не имела, что теперь сказать редактору медицинского журнала относительно своей статьи. «Извините, но мне было необходимо съездить в Константинополь — спасти мужа от вампиров...»

Вернуться в Рэдклифф...

Без Джейми? Лидия покачала головой.

Она должна найти его.

Она его найдет.

15

— Что же вас напугало там, в серале? — не оборачиваясь, спросил Исидро. После возвращения в дом на рю Абидос он повел себя несколько необычно: удостоверился, что Маргарет в целости и сохранности улеглась почивать, а сам, спустившись этажом ниже, оккупировал «фонарь» — нечто вроде застекленного балкона над главным входом. Во всяком случае, когда Лидия, переодевшись, пила у себя в комнате ароматный чай, заваренный для нее мадам Потонерос, ей казалось, что дон Симон находится именно там.

Время близилось к трем. Из-за мятежных настроений в армянских кварталах им пришлось возвращаться окольным путем через базар по старому мосту Мухаммеда. Но даже проезжая по рю Искандер, они слышали не раз отдаленные крики, звон стекла и выстрелы. Сидя между Маргарет и леди Клэпхэм, Лидия куталась в плащ и не верила, что когда-нибудь согреется снова.

— Итак, вы, подобно Маргарет, полагали, что я попал в беду? — Голос Исидро звучал вполне равнодушно. — Я думал о вас лучше, сударыня.

— Ну, я знаю, что вы способны с блеском ускользнуть от дюжины вооруженных евнухов, защищающих честь своего султана. Но вы боялись, что Маргарет может встретить... -

Лидия задумалась, потом спросила: — Другого вампира?

Он слегка наклонил голову. Свет поздно вставшей луны обвел его профиль бледно-молочной каймой.

— Ее зовут Зенайда. Я пришел в сераль поговорить с ней, еще не зная, что Маргарет последовала за мной. — Казалось, руки его вот-вот шевельнутся, как у живого, но жеста так и не последовало. — Она обитает там довольно долго, с тех пор, как ее когда-то давным-давно купили на рынке Смирны, правда, не помню, в чей гарем. Да она, видимо, уже и сама не помнит. Подобно всем женщинам султана, злокозненна, но глупа и необразованна, как осел торговца. Она рассказала, что многие из одалисок до сих пор считают ее живой...

— Вы думаете, она может что-нибудь знать об Эрнчестере? Или... о Джеймсе?

Он сидел на старом ящике, служившем здесь столом, и вслушивался в ночь за оконными решетками. Створки окон были открыты. Трущобы у подножия холма лежали во

мраке. Откуда-то тянуло дымом.

— Да, — тихо подтвердил вампир. — И кое-что другое.

Несколько секунд он без особого интереса смотрел сквозь узорчатые решетки на смутно белеющие стены и черепицу крыш. Затем желтоватые глаза богомола обратились к Лидии.

— Мои способности улавливать мысли, тепло, запахи сейчас ослаблены. Тем не менее я должен чувствовать тех, что бродят в ночи. Если не здесь, то, во всяком случае, возле Айя-Софии, где сны всего города собираются как бы в фокусе. Однако я и там ничего не ощутил.

Лидия поправила очки. Серебряные цепочки на запястьях и на горле обжигали, как лед.

— Но менее всего вы нуждаетесь в присмотре со стороны двух глупых героинь, — печально сказала она.

Он взглянул на нее с почти человеческим изумлением. На улице залаял пес, ему отозвались собаки из переулков, вскоре уже надрывалась вся свора. Исидро переждал шум и вслушался снова.

— Я был прошлой ночью в кварталах Галаты, — продолжил он через некоторое время. — Перешел по мосту в Стамбул, походил среди армянских кварталов на той стороне, добрался до городских стен, где обитает самая беднота. Вампиры, как вы понимаете, охотятся именно на тех, чья жизнь в глазах турок ничего не стоит. Незримая дымка, о которой я упоминал, там особенно густа, она притупляет внимание, замутняет мысль. Такое впечатление, что на глаза и разум людей наброшена вуаль. Однако, судя по плотности этой вуали, чувствуется, что предназначена она для иных созданий...

— То есть в этом городе вампиры воюют друг с другом? — Лидия вспомнила многочисленные меры предосторожности в лондонском доме Исидро, и ей пришло в голову, что, вероятно, приняты они были не только против возможного вторжения живых. — Вы полагаете, что кто-то из птенцов... восстал против своего создателя? Пытается его свергнуть? И вынуждает Эрнчестера помочь ему в этом?

— Возможно и так, — согласился Исидро. — Хотя обычно столь старые и опытные вампиры, как Мастер Константинополя, при выборе птенца проявляют большую осмотрительность. Или появился чужак, бежавший от своего создателя, и теперь пытается сам стать Мастером Константинополя. Но это, должен сказать, трудная задача.

— Эрнчестер?!

Исидро еле заметно шевельнул бровью. Лет триста назад он бы поднял ее повыше.

— По правде говоря, у меня это не укладывается в голове, особенно если учесть, что Чарльз знал здешнего Мастера еще при жизни. Тем не менее война идет. И Чарльз принимает в ней участие...

— А поскольку об этом известно Кароли, — задумчиво произнесла Лидия, — он попытается извлечь все возможное из такой ситуации. Не он ли стоял за... исчезновением Джеймса?

— Думаю, он мог подготовить инцидент с дворцовой стражей. Обратите внимание на обстоятельства этого дела. Во-первых, время. Джеймса взяли утром, давая живым целый день на то, чтобы хватиться и начать поиски. Во-вторых, место. Большой Базар. Там ведь многие знали, что Джеймс собирается беседовать со сказителями. То есть адрес его организаторам похищения был неизвестен. Кроме того, Кароли не принял во внимание, что Джеймс — приятель вашего раззолоченного варвара... Я думаю, — добавил он, — Кароли знал кое-что, но далеко не все. И еще: возможно, Джеймса не убили только потому, что надеются с его помощью найти Антею.

— Выходит, они еще были вместе?

— Выходит, что так.

Лидия обратила внимание, что на плечи Исидро наброшен плащ, словно холод осенней ночи пробирал даже вампира.

— Я не нашел следов Антеи. Зенайда о ней тоже ничего не слышала. Это может означать, что Антея где-то скрывается или что она тоже захвачена Кароли, либо самим

Беем... либо даже его противником, будь он чужаком или же взбунтовавшимся пленцом. А где может быть Чарльз... — Он покачал головой. — Это древний и очень большой город. Зенайда говорит, что незримая дымка легла на Константинополь совсем недавно, сразу после мятежа и прихода армии к власти. Не то чтобы она горевала о свержении султана (тайных укрытий у нее и сейчас достаточно), но, по ее словам, она ничего не знает о нынешнем местонахождении Бея и прочих вампиров. Хотя нельзя сказать, что это сильно ее расстраивает...

Лидия в молчании смотрела сквозь переплет решетки на залитый лунным светом город. Потом спросила:

— А она ничего не знала о Джейми?

Исидро не ответил.

«Мой Мастер велел показать тебе это место», — сказал мальчишка.

— А нельзя найти тайное укрытие Мастера этого города?

Он бросил на нее ироничный взгляд, как бы говоря: «Тем же способом, каким вы нашли мое укрытие в Лондоне?»

— Будьте уверены, их у него много. Учитывая то, что среди вампиров идет война, он скорее всего каждый раз спит в другом месте.

— Понимаю, — сказала Лидия. — Но если мы найдем хотя бы одно из них, это может дать нам ключ... Мы можем узнать что-нибудь об Антее, об Эрнчестере... или о Джейми.

— При условии, что Джейми не лежит с перерезанным горлом на дне гавани.

— Будь я в этом уверена, — огрызнулась она, — я бы уже возвратилась в Лондон.

Он склонил голову — то ли насмешливо, то ли с уважением.

— Так или иначе, — продолжила она, помолчав, — у меня нет навыков Джейми толковать со сказителями... не говоря уже о владении турецким. Здесь ведь изъясняются по-турецки?

— По-турецки и по-гречески — на улицах. Ученые — по-арабски.

— Поскольку здесь, наверное, нет и центрального архива, я, пожалуй, встречусь за чашкой чая с немецкими дельцами и выпрошу их о местных клиентах, странно платящих по счетам. Я не очень хорошо говорю по-немецки, но, как я слышала вчера, все они владеют французским. Не знаю только, начать с Оттоманского банка или же с Немецкого Восточного?... — С каждой фразой Лидия вновь обретала уверенность в своих силах. Она уже сортировала слова, как карты. — Прежде всего: комиссионеры и корпорации, без нужды перепродающие векселя одних и тех же фирм. Затем — те, что предпочитают платить не серебром, а золотом и кредитками. Клиенты, не появляющиеся вообще или появляющиеся только с наступлением темноты. Примерно так. Приобретение строений с обширными подвалами — наподобие того резервуара в старом дворце. — Она приостановилась, глядя на бесстрастное лицо Исидро. Его молчание длилось и длилось, становилось тягостным.

Наконец он сказал:

— Даже если мы обнаружим одну из его нор и выйдем на Чарльза и Антею — этого мало. Необходимо понять, что же все-таки происходит в этом городе. Коль скоро Кароли здесь, то, стало быть, сделка еще в силе.

Часы на камине пробили четыре. За окном в темноте кричали чайки. Исидро продолжал:

— Все, что вы перечислили, я исключу из своего обихода, как только вернусь в Лондон. Заодно поинтересуйтесь — так, к слову, — у этих немецких дельцов, не заказывал ли кто в большом количестве серебряных прутьев и посеребренных замков. Война без пленников не обходится, а их ведь надо где-то содержать... И еще узнайте, — добавил он, — не оплачивал ли кто окольными путями установку в старых дворцах современного центрального отопления.

— Центрального отопления? — Абсурдная картина возникла в ее воображении: граф Дракула, как его изображают в театрах Запада, обсуждающий с герром Хиндлом модели паровых котлов.

— Сам факт, что кто-то осмелился бросить вызов Бею, уже заставляет предположить, что Бей... слабеет. Утрачивает хватку. Это трудно представить, — добавил Исидро, — и тем не менее такое вполне возможно. Возраст даже бессмертным не на пользу. Со временем вампир начинает страдать от холода и от боли в суставах. Зима — на пороге. Город скоро будет под снегом. Мастер неминуемо должен был снабдить теплом одно-два своих укрытия. Тем более если он привык брать себе в слуги смертных. — Он говорил это, глядя в окно. Затем вновь повернулся к Лидии. — Понимаете ли вы, — сказал он, — что, даже если эти ниточки выведут нас на Эрнчестера, вы можете и не найти вашего мужа, сударыня?

Она взглянула на свои руки, облитые лунным светом.

— Понимаю. Но я надеялась, — помолчав, продолжала она, и голос ее был тих, словно Лидия говорила сама с собой, — когда шла вчера в посольство, что сэр Бернуэлл скажет: «О, конечно, он остановился в Пера неподалеку от дворца». И день кончился бы ужином на террасе и разговорами в постели... — Она стиснула кисти щали, чтобы пальцы перестали дрожать.

— Вы никогда не были одиноки.

Это было совсем не то, что она ожидала услышать в ответ (если вообще ожидала). Кивнула, не поднимая глаз.

— Ну, я была одинока долгие годы, пока не встретила его. Но, наверное, в детстве все испытывают чувство одиночества. Я знала его... он был вхож в дом моего дяди Амброуза... мне было пятнадцать, шестнадцать... Не помню, когда я в него влюбилась, но знаю, что ни с кем другим не смогла бы связать свою жизнь. Помню, как я плакала, узнав, что мне нельзя выйти за него замуж. Я была несовершеннолетняя. А он ни о чем не просил. Он пытался уберечь меня от гнева родителей и не хотел, чтобы я по его вине лишилась наследства...

— Осмелюсь предположить, что ваш отец изложил бы все это несколько иначе. — Мягкий голос Исидро был подобен слабому дуновению ветерка. — Чем же кончилось дело?

— Отец лишил меня наследства в связи с моей учебой. Джейми был в Африке. Там как раз шла война. Кто-то... кто-то сказал мне, что его убили. Это было ужасно... Многие женщины переживали тогда то же самое. Я не представляла, как я буду жить без него... Когда он вернулся, он сразу же предложил мне руку и сердце, потому что денег у меня уже не было. Отец согласился. Потом он переписал завещание...

— Но учебы своей вы так и не бросили? — Такое чувство, что вампир был слегка позабавлен.

Лидия вскинула голову:

— Конечно, нет!

Дон Симон разглядывал ее, казалось, с любопытством.

— Сказать по правде, — молвил он, — мы можем лишь то, что можем. Не хочу разрушать ваши надежды, сударыня, но не всяк Грааль мы находим неповрежденным. Если вообще находим.

— Да, — тихо сказала Лидия. — Я понимаю. Спасибо.

Он встал. Она протянула ему руку, как протянула бы ее брату (будь у нее брат) или другу. Помедлив, он взял ее в свои холодные, как смерть, ладони. Прическу Лидия разрушила, еще когда пила чай, волосы ее теперь развились, рассыпались по плечам, прямые, как морская трава на пляже после шторма.

Свободной рукой она поправила очки. Жест школьницы.

Вспоминая об этом впоследствии, Лидия так и не смогла понять: во сне или наяву узкая ледяная рука коснулась ее лица и отвела за ухо огненную прядь. Скорее всего во сне, потому что бодрствовать дальше Лидия уже была не в силах.

И еще ей потом пришло в голову, что совсем не в духе дона Симона заботиться о том, будут разрушены чьи-либо надежды или же нет.

Торговцы медью обосновались на четвертой или пятой улице от главного входа на Большой Базар. Так, во всяком случае, сказал продавец розового масла, к которому обратилась Лидия.

— Чуть ближе, чуть дальше... — добавил он на отличном французском, расколов свое темное лицо ослепительной улыбкой, напомнившей Лидии рояль с недочетом в клавишах. — Но зачем прекрасной мадемуазель эти медяшки? Пфуй, медь! Вот розовое масло, несравненные ароматы Дамаска и Багдада, услада сердца, сладчайший дар Аллаха! Всего тридцать пиастров... Эти жалкие жуликоватые сыны армянских погонщиков верблюдов всучат вам за полсотни медный наперсток, который и не медный вовсе, а жестяной, лишь слегка покрытый медью. На поверку он такой же настоящий, как честное слово грека... Тридцать пиастров? Пятнадцать!

Лидия улыбнулась, сделала легкий реверанс, промурлыкала: «Мерси... мерси...» — но тут вперед выступил по-славянски проницательный огромный князь Разумовский в безукоризненном партикулярном платье, пошитом, несомненно, в Лондоне..

— Пойдемте, пойдемте, — молвил он, увлекая обеих женщин (Маргарет тоже было потянулась нюхнуть из склянки) в толпу.

— Но мы еще сюда вернемся? — застенчиво спросила она у его светлости. — Я имею в виду — после того как поговорим со сказителем. В Лондоне такая посудинка розового масла стоит десять — двенадцать шиллингов.

Она оглянулась, высматривая между парой проталкивающихся сквозь толпу немецких дельцов и компанией солдат в форме грязноватого цвета крохотный прилавок, на котором магически мерцали ряды склянок. Продавец вновь ослепительно ощерился — и подмигнул.

— Дорогая моя мисс Поттон. — В колхидском руне княжеской бороды улыбку было спрятать нетрудно. — В двадцати шагах отсюда вы купите точно такую посудинку всего за два пиастра, если, конечно, будете вести себя достаточно равнодушно. Это требует практики. Представьте себе комнату — или лучше дом, уставленный такими же склянками... Или нет! Вообразите, что вам нужно отнести на вершину холма пару ведер розового масла. Потом еще пару ведер и еще...

Маргарет прыснула и покраснела. Кто-то другой неподалеку выкрикнул на французском с чудовищным греческим акцентом:

— Мадам! Мадам! А вот ароматы, лучшие розы из соловьиных земель...

Свет, заливавший ошеломительный лабиринт Большого Базара, падал не прямо, он как бы лился из окон в высоком потолке. Вокруг кипело варево из всех наречий Земли — от Северного моря до Индийского океана. Ни яркого света, ни темной тени — головокружительный калейдоскоп красок, меняющихся столь быстро, что Лидия зачастую не могла понять, мимо каких товаров они сейчас проходят. Она только различала смутные пятна одеяний — белых, темных, цветастых. Лишь вблизи люди обретали очертания: смуглые турки, сидящие прямо на полу и пьющие обжигающий чай; греки в ярких шапочках; женщины в черном, визгливо торгующиеся с продавцами; гнущиеся под невероятными тяжестями носильщики; армяне в мешковатых штанах, православные священники, бородатые евреи, облаченные в черный габардин. Мальчишки, зазывающие почистить обувь, набивающиеся в проводники, протискивающиеся сквозь толпу с медными подносами, на которых теснятся чашки. Воздух насыщен запахами пота, чеснока, ковров, псины, нечистот.

В боковом проходе Лидии удалось углядеть товары, которые она давно уже высматривала: каракулевые шубы, голубые и алые ковры, шали, серебряные украшения, рулоны прозаической шерсти — и рядом невесомые прозрачные ткани всех цветов радуги. Скуля и причитая, путались под ногами нищие, похожие на ярмарочных уродов. Каждый раз, когда случалось пройти мимо группы солдат, те присвистывали и закатывали глаза.

Его светлость был прав. Тут вам не Англия. Было бы безумием попытаться разузнать хоть что-нибудь в одиночку.

Спала сегодня Лидия мало и скверно. В тревожном сне она шла сквозь тесные затхлые

комнатки гарема, чьи узкие оконца были забраны ставнями, не пропуская внутрь ни лучика света. Стены до сих пор пропитаны их склоками, их скукой, их слезами... Во сне она всматривалась в темноту, ища кого-то, а комнаты становились все теснее и теснее, пока наконец она не почувствовала, что некто (или нечто) лежит на разваленном ветхом диване и, приподняв то, что некогда было лицом, с улыбкой прислушивается к ее шагам.

Затем — без перехода — она очутилась рядом с готической башней. Бушевала гроза. Молнии пылали с яркостью дуговой лампы над морем мечущегося вереска. Дождь в пустом дворе лил ливнем, и было странно, что белые одежды и черные локоны той, что стояла у ворот замка, промокли лишь слегка. Маргарет глядела на дорогу, она ждала появления всадника. Сама Лидия находилась под полуразрушенным навесом. Там было почти сухо. Повернув голову, она увидела Исидро, одетого как тогда, на балконе: черный сюртук, брюки в полоску, на плечи брошен плед. Он стоял, склонив в задумчивости голову, и лицо его более чем когда-либо напоминало череп.

Сон исчез мгновенно, словно задули свечу, и, проснувшись, Лидия услышал приглушенные всхлипывания Маргарет. Все утро мисс Поттон была с ней немногословна и прятала глаза. Позже, когда они встретились с Разумовским, она ожила, но общалась исключительно с князем.

Сказители были повсюду. Сидя на грязных ковриках или одеялах, раскачиваясь в такт своим словам, они изображали голосами гром, ярость, любовь, чудо. Вокруг них сидели дети и подростки, иногда останавливались послушать их и взрослые, в том числе женщины с лицами, закрытыми от чужих взглядов. Как бы высматривая нужный ей товар, Лидия подошла поближе к одному из сказителей. Леди Клэпхэм сказала, что у каждого из них есть постоянное место. И если сказитель, обосновавшийся на улице торговцев кофе, вдруг объявится в том квартале, где продают шлепанцы, это все равно что в Оксфорде прийти к соседям в гости без приглашения и еще остаться у них на ночлег.

Нет, представить такое было просто невозможно. Какой-то мужчина тронул ее за плечо и произнес:

— Мадам Эшер?

Она обернулась и увидела прямо перед собой прекрасные темные глаза высокого мужчины, сложением подобного Аполлону. В костюме табачного цвета. Со столь близкого расстояния она сумела рассмотреть и коротко подстриженные усики, и длинные ресницы, и даже жемчужные пуговицы на его перчатках, когда он склонился поцеловать ее руку. Заколка галстука представляла собой грифа с распростертыми крыльями, уставившего на Лидию свой выпученный рубиновый глаз.

— Я видел вашего супруга, — тихо сказал мужчина и, пока она пыталась перевести дух, добавил: — Позвольте представиться. Барон Игнац Кароли, Императорская дипломатическая служба. Мы сможем поговорить?

Он отвел ее в сторону, под навес лавочки, где старик грек шил туфли из кусочков цветной кожи. Бросил взгляд на подошедших и вновь углубился в работу. Не слишком типичное поведение для Большого Базара. Должно быть, Кароли успел заплатить старику.

— Он жив?

Кароли кивнул. Хотя Лидия знала, что ему должно быть не меньше тридцати пяти, выглядел барон гораздо моложе. Он обвораживал, он был сама искренность.

— Хотя я не могу сказать, как долго это протянется. Сейчас он в руках у... — Кароли искусно запнулся и бросил осторожный взгляд на Лидию, словно бы усомнившись, не будет ли жесткостью сказать ей всю правду. На самом деле, конечно, прикидывал, много ли она знает.

Если я совершу сейчас ошибку, — подумала Лидия, и сердце ее забило сильнее, — Джейми умрет...

— Он в руках человека, именующего себя Олюмсиз-бей, — спустя мгновение продолжил Кароли. — Турок. Весьма опасная личность. Не говорите об этом никому, — добавил он, видя, что Лидия зажала ладонью рот и округлила глаза, как это обычно делала

тетя Лавиния при виде паука или озорничающих соседских ребятишек. — Сообщил ли он вам, миссис Эшер, цель приезда в Константинополь?

Он наверняка беседовал с леди Клэпхэм. Лидия очень бы хотела знать, как много рассказала венгру эта величественная дама и о чем она сочла нужным умолчать.

— Где? Когда? — Лидия задала эти не слишком внятные вопросы исключительно для того, чтобы выиграть время. Вряд ли из нее могла бы получиться хорошая актриса, но в данном случае страх и отчаяние в ее голосе были искренними. Она поднесла стиснутые руки к груди. — Вы говорили с ним? Как он выглядел?

Связался ли он со своим Департаментом? Знает ли, что я ужинала с мистером Холивеллом? Как ему объяснить, почему я сама оказалась в Константинополе?

— У нас не было возможности поговорить. — Голос Кароли звучал успокаивающе. Прекрасный гибкий тенор, едва заметный акцент, свойственный жителям Центральной Европы. Удивительно искренние интонации. — С виду он был невредим, но, как я уже упоминал, бог знает, надолго ли. Собственно, потому-то я и должен был встретиться с вами. Когда вы сбежали от меня прошлой ночью, я испугался, что до вас дошли некие клеветнические слухи. Уверяю вас, мадам... — Голос его зазвучал серьезно и взволнованно. — Уверяю вас, что все это выдумки тех, кто, кроме вражды двух наших стран, знать ничего не желает...

— Сбежала от вас? — Лидия достала очки из мешочка и, надев их, всмотрелась в собеседника, — Простой ночью? То есть вы были вчера на приеме во дворце?

На секунду она его этим просто обезоружила. Двумя быстрыми движениями указательного пальца он оправил усики, скрывая замешательство. Перчатки его, как успела заметить Лидия, были прекрасного покроя, из французской лайки — шесть шиллингов за пару.

— Барон! — Из-за угла лавки показался, проталкиваясь сквозь толпу, огромный Разумовский. Маргарет следовала за ним по пятам. Лидия немедленно сорвала очки и спрятала их в складках юбки. — Я смотрю, быстро вы вернулись из Лондона.

— Князь! — Кароли отдал поклон. — Да, конечно, быстро, но надо же было приодеться! — Он с улыбкой коснулся лацкана своего костюма. — Вы здесь с миссис Эшер?

Пытается заставить меня врасплох, — мелькнула мысль. — А буду отрицать — не поверит.

— Простите, ваше сиятельство, но не могли бы вы нас на минуту оставить одних? — И вновь повернувшись к Кароли, Лидия растопырила пальцы заведенной за спину руки. Пять. Пять минут. Будем надеяться, Разумовский увидит и поймет.

— Судя по тому, что я слышала от мистера Холивелла, вас с моим мужем трудно назвать друзьями, — торопливо произнесла она, пытаясь унять дрожь в голосе. — Но, как я понимаю, существует еще нечто... вроде братства, не так ли? Вы все делаете одно дело, безразлично, на чьей стороне. — Она снова нацепила очки, прекрасно сознавая, что это придаст ей внешность школьницы. — Спасибо за то, что дали мне знать... Я чувствовала, чувствовала, что кузина Элизабет не ошиблась!

— Кузина Элизабет?

— Кузина Элизабет из Вены, — пояснила Лидия, как бы слегка удивившись, что Кароли не знаком с ее семейством. — Полторы недели назад она заняла моему мужу двадцать фунтов на поездку в Константинополь. Это его кузина — вторая, она живет в пригороде, названия которого все я никак не могу запомнить... Во всяком случае, я позвонила ей, когда мистер Холивелл передал мне записку от мужа...

— Записку? — Красивые брови тревожно сдвинулись.

— Он велел мне возвратиться в Лондон. Написал, что едет еще куда-то, но куда, не сообщил. Мистер Холивелл уговаривал меня вернуться в Англию. Я сказала ему, что так и сделаю, но я чувствовала, что мой муж в беде... — Она вновь стиснула руки, пытаясь не выдать дрожь.

— А как вы оказались в Вене? — Кароли явно собирал кусочки мозаики воедино.

Общаясь с Исидро, Лидия привыкла разгадывать любую, едва заметную мимику.

— Он послал за мной! — Она широко раскрыла глаза, будто вопрошая: «А как бы еще, по вашему мнению, я могла там оказаться?» Кароли смотрел на Лидию откровенно скептически, и ей пришлось пояснить: — Он прислал телеграмму, где просил меня приехать для проведения кое-каких медицинских анализов. Видите ли, я — врач, — добавила она, поправляя без нужды очки. — Я провожу исследования в Рэдклиффской лечебнице.

— И в чем же вы специализируетесь?

— Редкие патологии крови. — Не совсем так, но вряд ли Кароли изучает медицинские журналы.

В глазах его она прочла некоторое облегчение.

— Понимаю...

— Но когда я прибыла в Вену, мистер Холивелл сказал, что произошло нечто ужасное и что доктор Эшер был вынужден покинуть город. Показал мне эту записку с просьбой вернуться в Лондон. После телефонного разговора с кузиной Элизабет я окончательно поняла, что мужу грозит опасность... И вот мне здесь говорят, что он исчез, и я не знаю, что мне делать. О, барон Кароли, если вы хоть что-нибудь знаете, помогите мне...

Он выглядел раздосадованным, но по руке похлопал Лидию вполне дружески.

— Успокойтесь, миссис Эшер, успокойтесь... Вы смогли уже выяснить о нем хоть что-нибудь?

Лидия прекрасно сознавала, что именно это ему и требуется узнать.

— Ничего! — сказала она. — И на рынок я пришла потому, что его арестовали где-то здесь. Торговцы могли что-нибудь заметить или узнать... — Она сняла очки и, близоруко моргая, взглянула ему в глаза. — Князь Разумовский любезно согласился меня сопровождать, поскольку он знает язык...

Кароли тихонько фыркнул, и Лидия сообразила, что леди Клэпхэм была права, отрекомендовав князя как любвеобильную натуру. Надо полагать, здесь за ним уже прочно утвердилась репутация грозы женских сердец.

— Послушайте, миссис Эшер, — сказал Кароли, склоняясь и заглядывая Лидии в глаза. — Конечно, официально его сиятельство на стороне Англии, но, поверьте мне, он не тот человек, на которого можно положиться. Что бы вы ни узнали — даже мелочь, даже нелепый, как вам покажется, пустяк! — дайте мне знать немедленно. Если мы с вами объединим усилия, мы сможем найти вашего мужа.

Имеется в виду: найти укрытие Мастера Константинополя, — подумала она. Мгновением позже Кароли растворился в толпе, а вместо него появился Разумовский.

Они собирались покинуть лавочку, когда владелец, до этого тихо тачавший обувь в дальнем уголке, вдруг поднялся на ноги и, подойдя к Лидии, молча приколол к ее воротнику дешевую медную булавку с голубой стекляшкой в виде глаза. Затем поклонился с улыбкой и принялся что-то долго объяснять Разумовскому.

— От сглаза, — перевел князь, когда они вышли. Улица медников состояла из бесчисленного множества крохотных лавочек, где стучали молоточками старики, всячески изукрашивая медные блюда, долгоносые заварочные чайники и даже изображение оленя в натуральную величину. Были там и несколько продавцов инжира, лимонада, конфет, целый взвод нищих.

Не было только сказителя.

— Гелм Мусефир? — переспросил владелец самой большой лавки, когда Разумовский обратился к нему. Это был человек с бородой цвета железа, вопреки реформам одетый, как в старину: широченные шаровары, пояс с серебряными бляшками, марокканские пурпурные туфли с загнутыми носами. Его зеленый тюрбан был заколот сияющей медной булавкой огромных размеров. Темнолицый, добродушный, во время беседы он перебирал бусины молитвенных четок. — Не видел его с самого понедельника. Подруга жены моего двоюродного брата живет как раз под ним. Так вот она говорит, что дома он тоже с тех пор не появлялся. И этот его армянский мальчишка Исак — тоже.

— А были к тому какие-либо причины? — спросил князь. Медник поколебался. Разумовский указал на Лидию и объяснил на французском, который тут понимали все: — У этой доброй мадам дело к сказителю, и она была бы весьма благодарна тому, кто хотя бы посоветует, как его найти.

— Ах... — Медник склонился, услышав со значением произнесенное слово «благодарна». — По правде сказать, я не знаю. Пусть добрая леди угощается... — Он подал медное блюдо с припудренными сахаром турецкими сладостями. — У подруги жены моего двоюродного брата тоже есть подруга, сестра владельца дома, где проживает сказитель. Она говорит, что долгов у него не было и что за квартиру он платил вовремя. А дядя Исака, который заходит в ту же кофейню, что и мой сводный брат, как-то упомянул, что старик хворает. Так что не знаю...

«Конечно, — думала Лидия, покидая лавку вслед за его сиятельством и облизывая с пальцев сахарную пудру, — никто из них сам не видел Джеймса и даже не слышал о нем. Но если Джеймс прибыл в Константинополь в субботу, то в воскресенье он вполне мог встретиться со сказителем...»

А в понедельник старика уже никто не видел.

16

После ошеломительных красок и запахов Большого Базара пить чай в отеле «Бристоль» было все равно что, переступив порог, оказаться вдруг на юге Франции. Иллюзия возникала полная — еще и потому, что в окне, выходящем на Золотой Рог, старый город не был виден. За широкими плечами герра Хиндла сияло лишь море. Бесшумно скользили одетые в белое официанты с серебряными подносами.

Женщины в светлых нарядах за цейлонским чаем и крем-брюле болтали на французском и немецком с прекрасно одетыми джентльменами. Маленький оркестр играл Мендельсона. Три девочки в панталончиках до колена и накрахмаленных платяницах поедали мороженое под пристальным взглядом гувернантки, затянутой в черный бомбазин.

Это было глубочайшее отдохновение.

А в это время, как было заведомо известно Лидии, в двух шагах от холма, на котором располагался район Пера, армяне расчищали завалы от обугленных бревен и битого стекла. Люди, подобные Разумовскому и Кароли, играли в свои тайные игры, продавая оружие туркам, грекам, арабам в преддверии войны, и убеждали себя, что делают это ради установления прочного мира. В каждом доме этого древнего города женщины обитали в тесных комнатках за узорчатыми решетками узких окон, оберегая лица от мужских взглядов и солнечных лучей, — как в том гареме.

А под поверхностью этой обыденной жизни бродили еще более зловещие тени.

— Может быть, потому, что мне все это внове, я испытываю чувство, будто попала в иное время или в иной мир. — Лидия, моргнув, взглянула против света, держа чашку в изящных пальцах, наполовину скрытых кружевными митенками. — Но иногда мне кажется, что так легко сделать этот один-единственный шаг от древнего мира к современному, как это сейчас происходит в Османской империи. Например, установить в домах плиты и печи взамен жаровень... — После двухдневного обитания на рю Абидос Лидия знала о жаровнях все. — Полагаю, вам еще приходится иметь дело с людьми, расплачивающимися пригоршнями золота.

Хиндл сочно рассмеялся:

— Ха-ха, в точности так, фрау Эшер! На этом таинственном Востоке то и дело сталкиваешься со странностями. Знаете, не далее как вчера мне пришлось проконсультировать одного весьма состоятельного человека, намеренного пожертвовать арматуру для приюта при мечети Султана Мехмеда...

История заняла добрых пятнадцать минут, однако, при всей своей занимательности, не имела ни малейшего отношения ни к центральному отоплению, ни к подозрительным

финансовым операциям, ни к возможным войнам городских вампиров. Довольно ловко Лидия свела на нет попытки немца перевести беседу в более игривый тон, заявив, что вообще, не в пример многим европейским дамам, интересуется техникой. В конце концов герр Хиндл был дельцом, связанным с самым загадочным городом мира, а не двадцатидвухлетним аристократом, чья вселенная начинается и заканчивается тетеревиной охотой.

Вскоре счастливый Хиндл уже всю рассказывал ей о своих клиентах и о странных методах оплаты, принятых в империи, чьи правители наложили вето на сборку динамо-машины, ибо название ее показалось им созвучным с динамитом, а стало быть, и с европейскими анархистами... ну и конечно, о сортах стали и об особенностях берлинских паровых котлов по сравнению с американскими.

— Странный город, фрау Эшер, очень странный город! — Он наставительно потряс пухлым пальцем. — Ни одна леди не должна ходить по нему одна. Я надеюсь, вы не относитесь к числу этих суфражисток, о которых мы так много слышим? Они, говорят, желают носить брюки, курить табак и норовят заставить своих бедных мужей сидеть дома с детьми! Ха-ха!..

Честно говоря, Лидия скорее доверила бы дитя Джеймсу, нежели своей подруге Джозетте или, упаси Боже, себе самой. Она предоставила герру Хиндлу возможность выговориться и на эту тему, затем спросила:

— То есть некоторых ваших клиентов вы даже в глаза не видели? Они что же, полагают ниже своего достоинства иметь дело с неверным? Даже если речь идет о выгоде?

— Дражайшая моя фрау Эшер, — прыснул Хиндл. — Имя им — легион! — Он налил ей еще чашку чая. Официант уже дважды приносил им свежий кипяток. Хиндл был плотный белобрысый берлинец лет тридцати пяти. Его жена и два сына остались в Германии. Таких, как он, преуспевающих немецких дельцов тут насчитывалось около дюжины, но этот, кажется, более других умел вести себя в обществе и даже, если смотреть на него без очков, был вполне симпатичен. Леди Клэпхэм, услышав о предстоящей встрече, сказала после секундного раздумья, что «все в порядке», и посоветовала Лидии на этот раз не брать с собой мисс Поттон, чему та скорее обрадовалась, нежели огорчилась.

Впрочем, когда супруга атташе предложила Маргарет, пока Лидия отсутствует, провести время в посольстве за чаем и картами, бывшая гувернантка ответила отказом.

— Фрау Эшер, если уж вы желаете услышать о необычайных клиентах, то вам лучше поговорить с Якобом Цайттельштейном. Вот уж кому попался эксцентричный малый! Представляете: огромный древний лабиринт заброшенных дворцов в самом центре города! Аккредитивы компаний и корпораций, о которых никто слыхом не слыхивал! Работать — только в определенных условиях! Сам заказчик при свете дня не появляется вообще, присылает взамен себя каких-то головорезов, умеющих лишь двери открывать! Отказывается встречаться в пятницу, субботу и воскресенье, сам не знает, чего хочет, постоянно заставляет все переделывать — и в спешке, в спешке, в спешке... — Он вновь засмеялся и отхлебнул чаю. — Бедный старый Якоб рвет на себе волосы и клянет тот день, когда впервые услышал об этих аммиачных холодильных установках.

— Холодильных? — переспросила Лидия.

* * *

— Холодильных? — Исидро чуть откинулся в кресле и плотнее закутался в плед.

«Рефлекс, — подумала Лидия. — Рефлекс, сохранившийся с тех пор, когда его тело еще само вырабатывало тепло».

— Может быть, он хочет хранить кровь в бутылках? — предположила Маргарет. — Так бы ему не пришлось пить ее из... из людей.

— Вампиры питаются не только кровью, но и человеческой агонией. Замораживать

кровь бессмысленно, — заметила Лидия, а мгновение спустя пожалела, что вовремя не прикусила язык. Маргарет вспыхнула и бросила виноватый взгляд на Исидро, как бы желая сказать: «Да не обращайтесь вы на нее внимания, она просто не понимает!»

Впрочем, ни фраза Лидии, ни умоляющий взгляд Маргарет на вампира впечатления не произвели.

— Это уже пробовали, — мягко сказал он. — И, как мне кажется, не столько из соображений гуманности, сколько из соображений удобства. Замороженная кровь теряет свои качества. Во всяком случае, в Константинополе, где так много бродячих псов, хранить кровь незачем.

— Знаете, я удивлялась... — начала было Лидия, но осеклась. Спросить Исидро прямо, не питался ли он все это время собачьей кровью, показалось ей крайне бестактным.

Желтоватые глаза на миг задержались на ее лице, но понять их выражение было трудно. Конечно же, он уяснил суть не заданного ею вопроса.

— Я ни разу не слышал, — заговорил он как ни в чем не бывало, — чтобы холод причинял вред бессмертным или хотя бы погружал их в сон среди ночи. Вампиры Санкт-Петербурга зимой обитают в пустых дворцах, чьи хозяева подались на Крымскую Ривьеру, — и прекрасно себя чувствуют. А вот когда им приходится нелегко, — добавил он, обращаясь в основном к Лидии, — так это во время белых ночей. Но зимой они гуляют чуть ли не до девяти утра. Холод, при котором замерзают живые, им нипочем. Правда, Мастер Петербурга рассказывал мне, что в холода страдает от боли в суставах. Однако...

Он покосился на пухлые грессбухи, сваленные на столе рядом с керосиновой лампой, принесенной мадам Потонерос. Клерк из посольства доставил их сюда после полудня вместе с запиской от леди Клэпхэм: «Не спрашиваю, зачем это вам понадобилось, милая, только все, что там можно было изучить, уже изучено. Красные — Оттоманский банк, серые — Немецкий. Боюсь, к утру все это нам придется вернуть».

Это «нам придется» просто умиляло. Похоже, леди Клэпхэм и впрямь почитала себя главой британской разведки — во всяком случае, в Константинополе.

— Будет любопытно взглянуть, насколько глубоко Мастер этого города запустил пальцы в дела империи, — промолвил дон Симон.

— Если тот, кого мы ищем, и есть Бей.

— Больше никому. — Исидро поднялся и скинул плед.

Мисс Поттон тут же принесла его плащ, причем ревниво покосившись на Лидию, будто та собиралась оспорить это ее право. — Деньги, вливаясь в то, что называется экономикой, начинают жить собственной жизнью. Хозяева всех крупных городов прекрасно об этом осведомлены и по мере сил участвуют в этой жизни. Потому они и Мастера. Думаю, после июльского переворота Бей вынужден был перейти от старых форм собственности (золотые клады, скупка земель) к новым. В этом его главная защита от чужака (если это чужак) или от взбунтовавшегося птенца. А также от возможных посягательств со стороны смертных.

— А у его противника тоже есть финансовая база?

— Сомневаюсь. Большинство птенцов относятся к капиталу весьма легкомысленно. Они полагают, что бессмертия им вполне достаточно.

И пока он принимал плащ из рук Маргарет, Лидия успела рассмотреть, что золотое кольцо свободно болтается на его пальце. Так бывает, когда плоть съезживается от холода, старости, смерти.

— Что до меня, то я намерен искать Антею и Эрнчестера так, как это принято у нас. Я прослушаю ночные кварталы, где живет беднота, и те места, куда смертные не заглядывают. Если Джеймс жив, как уверяет Кароли, стало быть, зачем-то он нужен Олюмсиз-бею. Хотя бы в качестве приманки для Чарльза и Антеи. А Кароли, очевидно, предлагает Бею какую-то сделку, обещая в эти смутные времена поддержку своего правительства.

— Но зачем... — беспомощно начала Лидия, но Исидро покачал головой.

— Мы движемся в тумане, наведенном, как кажется, не одним Беем, — негромко сказал он. — Возможны ведь и другие варианты, кроме вторжения чужака. Измена выводка,

к примеру. Мы должны изучить все, что сумеем. Допустим, вы как врач можете открыть нечто такое, что ускользало от внимания самих вампиров. Затем, подобно рыцарям, ищущим Грааль, мы соберемся снова и расскажем друг другу о наших поисках и сопоставим данные. Не теряйте надежду.

— Да, — сказала Лидия, прислушиваясь к себе. — Да. По меньшей мере я знаю, что Джеймс жив. Если Кароли сказал правду. Хотя я обратила внимание, что он так и не ответил, когда именно видел Джеймса. Может быть, несколько дней назад. Но мы действительно должны сделать все, что можем.

— Наблюдательность, достойная афинских мудрецов, — мрачно изрек вампир и, протянув руку, взял Лидию за пальцы. — Мне нужно сказать вам пару слов.

Чувствуя спиной взгляд Маргарет, Лидия вышла за ним из гостиной на лестничную площадку.

Он стоял спиной к лампе, так что свет лишь слегка касался его скулы и подбородка. Паутинчатые волосы сияли наподобие нимба. В наглухо запахнутом плаще он напоминал Смерть на оперных подмостках.

— Вы раскрыли мой секрет. — В его мягком голосе Лидии почудилась ирония. — Можно питаться и кровью животных, хотя она не согревает, а агония не утоляет мозгового голода. Я не хочу шокировать Маргарет и разрушать созданный ею образ. Сами подумайте: байронический герой, пьющий кровь собак! Да еще таких собак! А вы врач, вам это все равно...

Лидия рассмеялась, страх и напряжение на миг отпустили ее.

— Я думаю, вы просто хотите скрыть это из тщеславия.

Исидро приостановился, придерживаясь рукой за перила.

— Конечно, я тщеславен, — сказал он. — Все бессмертные настолько тщеславны, что не допускают и мысли, будто могут умереть, как все прочие.

Хотел идти, затем вернулся и бережно, чтобы не обжечься о серебряный браслет, поднес ее руку к губам.

Когда он исчезал в тени лестничного пролета, Лидия сказала:

— Будьте осторожны... Неизвестно, услышал он это или нет.

* * *

Когда Лидия вернулась в гостиную, Маргарет поспешно сунула в корзинку для рукоделия бумагу, которую за секунду до этого читала. Глаз не подняла, и в молчании компаньонки Лидии почудился упрек.

Приняв пододвинутую пачку серых счетов Немецкого банка, она спросила с неловкостью:

— Вы знаете хоть, что именно мы ищем?

— Счета от новых корпораций за июль-август, оплаченные золотом или уступкой земельной собственности через другие корпорации или через другой банк, — повторила Маргарет недавние слова Лидии, как школьница, отвечающая затверженный ненавистный урок.

— Еще обращайтесь внимание на переводы от таких корпораций за первую неделю октября: десять тысяч марок или двенадцать с половиной тысяч франков... А если вам попадутся счета от «Цванцигштейархундерт Абкулунггессельшафт» или от кого-либо из этих лиц... — Лидия передала Маргарет листок, на котором были выписаны имена тех, кто, по мнению Разумовского, мог подкупить начальника дворцовой стражи. — ...пожалуйста, дайте мне знать.

— Я понимаю, — терпеливо отозвалась Маргарет и положила листок перед собой, даже не потрудившись его перевернуть. Лидия подавила раздражение. В любом случае без помощи мисс Поттон ей ни за что не справиться до утра с этой грудой бумаг.

На секунду вспомнилось сновидение: мисс Поттон, ожидающая возле готической башни появления некоего всадника, и прячущийся от нее в тени Исидро. Прячущийся... Может быть, потому, что не хочет показываться ей на глаза в своем истинном облике, заставляющем вампиров обходить зеркала подальше?...

Все бессмертные тщеславны...

— Госпожа... — Стефания Потонерос вошла, замешкалась на пороге. В руках у нее были два жестких кремовых конверта.

Первое послание было на английском, отпечатанное на бланке «Цванцигштейархундерт Абкулунггессельшафт» и скрепленное подписью секретаря:

Миссис Эшер!

К сожалению, вынуждены Вам сообщить, что герр Якоб Цайттельштейн не сможет Вас принять на этой неделе, поскольку в данный момент находится в Берлине. Когда он вернется в Константинополь в следующую среду, он, несомненно, будет рад встретиться с Вами.

Искренне, Аврам Костнер, личный секретарь герра Цайттельштейна

В среду... — с ужасом подумала Лидия. — И еще неизвестно, сумеет ли он выкроить время для встречи в первый же день. Джейми может погибнуть...

Или уже погиб.

Дражайшая мадам! — Так начиналось второе послание, написанное по-французски. — Кажется, мы обнаружили того сказителя, которого искал ваш муж. С вашего позволения я пришлю за вами свой экипаж завтра в десять утра. Тем не менее готовьтесь к длительной пешей прогулке.

Самый ваш покорный слуга

Разумовский.

— Позволено ли мне будет спросить, эфенди? — Лежа на лавке, Эшер слегка повернул голову, сморгнул капельки пота. В густом пару крохотной бани (калдериума, как их именовали римляне) Мастер Константинополя представлялся ему сливающимся со стеной мраморным изваянием, так что Джеймс временами сомневался, видит ли он его вообще.

— Тебе это всегда позволено, Шехерезада, — раздался из горячего тумана ответ Олюмсиз-бея, и красные отсветы жаровни вспыхнули в его зрачках. Ленивая насмешка просквозила в его голосе, когда он произнес кличку, данную Эшеру за то, что, будучи на волосок от смерти, тот продолжал интересоваться древними словами и легендами. — В мире бы не было мудрости, если бы люди не задавали вопросы.

— Чего ты хочешь от графа Эрнчестера?

Время близилось к полуночи. Сразу после захода солнца Зардалу и прочие птенцы отвели Эшера в огромный подземный резервуар без воды, похожий на пещеру с колоннами, вручили ему жестяной фонарь и оставили в этом каменном лесу.

— Веди себя так, будто ищешь кого-то, инглиз, — шепнул ему глумливо евнух. — Озирайся — вот так! — и прижимай руку к сердцу, как бы пораженный любовью.

Остальные рассмеялись — словно тихо завибрировал металл — и растворились во мраке, бросив его одного.

Он прогуливался точно так же, как на кладбище, а вокруг шатались и приседали тени. Колонны здесь были всех ордеров: стройные ионические с бараньими рогами капителей; гладкие и толстые дорические — все в следах влаги. Пол под ногами представлял собой сухую корку грязи. Кругом лежала ночь, движение холодного воздуха подсказывало Эшеру, что выходов отсюда несколько. И только было он подумал, что, к счастью, свеча в фонаре забрана стеклом, как огонек внезапно погас, словно его задули сквозь колпак.

Он отступил на шаг, прижавшись спиной к ближайшей колонне и борясь с нахлынувшими внезапно равнодушием и сонливостью. Сунул руку в карман, где у него хранились спички, завернутые в провощенный шелк, — и тут ноздрей его коснулся запах

старой крови. Рука, подобная по силе слесарным тискам, взяла его за кисть, но прежде, чем он успел размахнуться фонарем или хотя бы закричать, хватка разжалась.

Затем что-то прошелестело во тьме, и Эшер, выхватив из кармана спички, чиркнул одну из них дрожащими пальцами.

Он был один.

* * *

— Моя дорогая Шехерезада. — Голос прозвучал неожиданно близко. Эшер снова моргнул и увидел Мастера Константинополя стоящим перед мраморным столом, на котором лежал он сам — нагой, с обернутыми полотенцем бедрами. — Это касается лишь вампиров, но не смертных. Я сомневаюсь, чтобы смертному было под силу это понять.

— Это касается и тех, кто намерен остаться в живых. — Эшер сел. Коричневые мокрые волосы упали на глаза. Банщик Мустафа отступил на шаг. Эшер не предполагал, что служащие Бею люди все немые, тем не менее добиться от них слова было весьма затруднительно. Когда они приносили ему еду, меняли простыни и наволочки или сопровождали в библиотеку, глаза у них были как у сторожевых псов. — После отъезда Эрнчестера квартиру его жены обыскали по твоему приказу?

— Я велел Кароли уничтожить ее, — коротко сказал Бей. Его оранжевые глаза холодно мерцали. — Вся его сила в этой женщине. Не нужно быть колдуном или чтецом чужих мыслей — подчас достаточно простого разговора. Он провел здесь, будучи живым, восемнадцать месяцев, и не было дня, чтобы он не вспоминал о ней, не было ночи, чтобы она ему не снилась! Когда я услышал, что они оба стали бессмертными, я подумал, что Мастер Лондона совершает большую глупость. Она имеет над мужем огромную власть.

— То есть Кароли тебе не подчинился?

— Глупый мадьяр решил, что способен пренебречь целями бессмертного! — Левая рука Бея ласкала обтянутую шелком рукоять серебряной алебарды. Очевидно, древко было из осины — для такого старого вампира, как Олюмсиз-бей, нескольких слоев шелка вполне хватало, чтобы не обжечься. На шее у Мастера Константинополя висел кинжал в ножнах — видимо, тоже серебряный. — Это она освободила его в Вене и убила тех, кто был к нему приставлен?

Эшер покачал головой:

— Это сделали венские вампиры. Кароли приводил жертвы для Эрнчестера.

— Дурак! — Бей гневно отвернулся. Его тощее тело, казалось, лишено мускулов, волосы на груди и руках отливали прозрачной рыжиной. На бледной коже капельками оседал пар. — Человечишко решил поступить по собственному усмотрению вместо того, чтобы выполнить мой приказ, смысл которого ему не понять. Да и тебе тоже, — добавил он, оборачиваясь.

— Зачем ты тогда имеешь с ним дело?

— Глуп тот, кто отбрасывает бревно во время кораблекрушения, Шехерезада. Он самонадеян, думая, что я выполню хоть один приказ его христианского императора. Но в трудные времена необходим союзник.

— А времена — трудны? — быстро спросил Эшер. — Вот почему ты так упорно охотишься за леди Эрнчестер? Не только ради власти над графом, но еще и ради того, чтобы вырвать ее из рук Кароли? Но он выйдет на твоих птенцов, если уже не вышел.

Пар всколыхнулся. Расшитая кожаная занавеска, закрывающая вход в парную, отдернулась. На пороге стоял Саид, голова его — бритая, как у Бея, — блестела испариной.

— К тебе пришли, Господин. Миканик. — За исключением последнего (персидского) слова всю фразу он произнес по-турецки. Это была самая длинная тирада, какую Эшер когда-либо от него слышал.

— Надеюсь, ты простишь меня. — Мастер Константинополя низко поклонился,

двинулся к занавеске, оглянулся. — Не связывайся с моими детьми, Шехерезада, — сказал он, и Эшеру показалось, что на него смотрит гигантский муравей из своей янтарной тюрьмы. — Это неблагоразумно. Не доверяй им. Они много чего тебе наобещают удачный побег, безопасность, даже поцелуй, дарующий вечную жизнь. Но это ложь. Они все предатели. Они завидуют друг другу, завидуют власти, которой кто-то из них якобы владеет, а больше всего они завидуют мне. Но Мастер этого города — я. И города, и всего, что в нем есть. — Бей поднял свое серебряное оружие, отсветы жаровни скользнули по лезвию. — А менее всего интересуйся Эрнчестером. Ничего, кроме смерти, это тебе не принесет.

Когда он вышел, Эшер вновь распростерся на мраморном столе, с наслаждением огладив повязку на ребрах, только что смененную Мустафой. Ножевая рана заживала быстро. И пока банщик разминал ему мышцы и выворачивал суставы, Эшер вытянул правую руку и принялся рассматривать ее в тусклом красном свете.

От кисти и почти до локтя тянулись страшные шрамы, оставленные парижскими вампирами. Рядом чернели свежие синяки — следы пальцев, ухвативших его сегодня в темноте. Он поправил повязку на боку и; вытянув вперед еще и левую руку, сравнил темные отпечатки с собственной пятерней.

Его рука была меньше.

У Эрнчестера, как помнится, ручки и вовсе маленькие.

Выводок Бея вернулся за Джеймсом тогда довольно быстро. Ему вновь завязали глаза и повели в Дом Олеандров, то и дело затемняя сознание, так что в себя он пришел лишь в восьмиугольном византийском зале возле покоев самого Бея.

В прошлый раз, когда возвращались с кладбища, Зардалу, надо полагать, допустил серьезную ошибку, позволив Эшеру хотя бы отчасти запомнить дорогу.

Доставив его в Дом Олеандров, Зардалу и другие немедленно отправились на охоту и, надо полагать, вернутся еще не скоро. После бани Эшер надел чистое льняное белье, затем — ношенные серые брюки, жилет из красной шерсти, а поверх всего — старое мешковатое пальто, пошитое явно в самом Стамбуле. Джеймс шел по коридорам к себе в комнату, а по пятам за ним бесшумно следовал Саид. Маршрут этот был уже изучен Эшером. Знал он теперь и то, как именно соединяется этот маленький дворец, принадлежавший когда-то некому византийскому принцу, с несколькими караван-сараями.

Проходя через двор и через зал, Эшер обратил внимание, что медных ламп в нишах поприбавилось.

Миканик. Пришел повидаться с Бессмертным Господином.

Что-то, видимо, связанное с таинственными опытами и с этой странной усыпальницей под домом, пахнувшей бензином и аммиаком.

Часов в Доме Олеандров не водилось, ориентироваться во времени после наступления темноты было довольно трудно. Эшер чувствовал, что дело близится к часу ночи. Саид запер узника на ключ — и отбыл. Предположительно еще два часа птенцы будут охотиться.

«А менее всего интересуйся Эрнчестером», — сказал Бей. Сам же поддерживает отношения с Кароли.

Если не считать сухого бассейна в центре, пол в длинном помещении был покрыт замшелыми коврами в четыре слоя. Под четвертым слоем таилась сделанная Эшером отмычка.

Теперь он ее извлек.

Бронзовый подсвечник, который он держал открыто — позади небольшой стопки книг, — сослужил Джеймсу еще одну службу: у него теперь было припасено несколько запасных свечей. Эшер сунул их в карман пальто и занялся замком. Когда-то это устройство считалось одним из самых надежных. Каких-нибудь сто лет назад.

Спустившись по лестнице во двор, Джеймс услышал грозный рык Олюмсиз-бея и, вздрогнув, остановился, прислушался.

— Прошло три недели, ты, слюна собаки шайтана! — гремел Мастер Константинополя. — Пять дней как поломалось — и еще ни слова от этого человека! Говорю

тебе, что дальше тянуть нельзя!

— Спокойнее, мсье... — последовал сдавленный нервный ответ. — Этот человек вернется в среду. До среды не так уж и далеко...

Эшер сознавал, что гнев Олюмсиз-бея мог быть вызван лишь очень важными причинами, но, с другой стороны, если его обнаружат здесь с отмычкой и свечами в кармане, можно заранее считать себя покойником. Все инстинкты Джеймса требовали остаться, но по крайней мере, крича на инженера (думал он, бесшумно скользя мимо арки), Бей вряд ли станет прислушиваться к шагам во дворе...

Кто бы мог представить, что Мастер Константинополя способен так выйти из себя!

Смешение архитектурных стилей ошеломяло. Дом Олеандров состоял как минимум из пяти древних строений, слившихся в единый лабиринт темных комнат и переходов, но водопроводные трубы редко подвергаются перестройке. Единственный надежный ориентир.

«Мы слышим шаги рабочих... — сказал тогда Зардалу. — Мы чувствуем запах нефти и алкоголя...»

Эшер вспомнил насыщенный аммиаком воздух усыпальницы. Комната с деревянным полом, левее — двор с травой между похожих на ядра камней. И два лестничных пролета...

Ощупывая отмычку в кармане, он двигался, подобно призраку, сквозь Дом Олеандров.

Язычок пламени бросал отсветы на обитые китайским шелком стены комнат, обозначал тусклую бронзу под сводами арок. Пройдя сквозь восьмиугольное помещение, выложенное от пола до потолка красными изразцами (из мебели там был один только черно-белый столик для кофе), Эшер очутился в заросшем олеандрами двореке, где среди темных кустов смутно белела какая-то статуя.

Наконец он обнаружил искомую комнату с проседающим под ногой дощатым полом. Она оказалась маленькой, облицованной желто-голубой плиткой. Затем — снова двор, длинный и узкий.

Луна еще не взошла. В окнах двух низких зданий, стиснувших двор, — ни огонька. Судя по тяжелым округлым аркам и толстым желобчатым колоннам, возведены они были еще римлянами. За дальней стенкой дворика на фоне ночного неба прорисовывался купол еще одного огромного дворца. А это уже строили турки.

Крыльцо с колоннами — залито чернотой. Неровная мостовая была знакома Эшеру. Чувствуя, что может уже погасить свечку и идти на ощупь, он двинулся налево. Пятнадцать шагов через двор, далее — дверь, пять ступенек — и снова налево. Мрак вокруг был непроглядный. И, возможно, что-то в этом мраке таилось.

«Или, ничего, — сказал он себе. — Одно из двух».

Эшер спустился по ступеням. Если бы он не знал о второй лестнице, он бы решил, что зашел в тупик, поскольку проход к ней таился в одной из сводчатых ниш.

Эта вторая лестница, насколько он помнил, была раза в три длиннее первой. Если он сейчас столкнется на ней с выводком Бея, возвращающимся после ночной охоты, бежать будет некуда.

Усыпальница скорее всего служила тюрьмой или же складом вещей, куда более ценных или опасных, нежели вино. Низкие кирпичные своды заставляли пригнуть голову, справа несколько раз открывались черные отверстия дверные проемы, ведущие в тесные чуланы. Воздух становился все холоднее.

Дастлах. Научная установка. В библиотеке Эшеру попадались научные журналы конца восемнадцатого столетия и трактаты на арабском, написанные в те времена, когда исламский мир еще не уступил Европе первенства в науке. Хотелось бы знать, что нужно Мастеру Константинополя от западных инженеров, если он держит это в тайне даже от собственного выводка и приходит в ярость от малейшей задержки?

Что-то тускло блеснуло в пламени свечи — мерцающая кость в черном горле арки.

«Здесь», — подумал он.

То самое место, которое Бей прячет от всех, место, которое он окутал незримым туманом.

Эшер знал, что если пройдет сейчас до конца коридора и поднимется по лестнице, то окажется перед дверью, ведущей наружу. Но слева от него мерцала решетка из серебряных прутьев, за которой таилось... что?

Или кто?

Черный туннель впереди и мерцающая решетка слева.

Сколько у него еще осталось времени?

Знать это было необходимо.

Эшер осторожно двинулся к решетке.

Слабый свет отразился в воде, разлитой на неровном каменном полу. Коридор за серебряными прутьями был узок и кривоват. Эшер разглядел еще два арочных входа в его левой стене. На ближней из дверей блеснула металлическая пластина замка. Запах аммиака был настолько силен, что Эшеру стоило больших усилий не закашляться.

Они скоро вернутся: Зардалу, Байкус Кадинэ и другие — ведя с собой очередную жертву, чтобы устроить за ней потом охоту в черных лабиринтах огромного дома...

Даже сидя взаперти в своей комнате наверху, Эшер долго еще слышал в ту ночь крики бедного армянского юноши.

Он вернулся в главный коридор, надеясь найти лестницу, ведущую наружу.

Как и следовало предполагать, в конце коридора его ждала запертая дверь, причем нашел ее Эшер не сразу, хотя стоял на самом пороге. Лишь ощупав каменную стену, он обнаружил петлю и дверное полотно. Это свидетельство страшной власти Мастера Константинополя над разумом смертных окончательно лишило Джеймса присутствия духа.

Кроме того, замок был врезан в дверь вполне современный; чтобы открыть такой, потребовался бы дубликат ключа, а не самоделка из бронзовой проволоки.

С бьющимся сердцем он вернулся к серебряной решетке. Тут замок по крайней мере был попроще (видимо, из мягкого металла трудно изготовить что-либо более сложное). Джеймс с величайшей осторожностью ввел отмычку в скважину. Слишком легко было оставить царапину, которую потом неминуемо заметят.

«Они предатели... — сказал тогда Бей, и ответ углей из жаровни скользнул по лезвию серебряной алебарды. — Все они предатели».

В ушах глухо стучала кровь. Скользнув за решетку, он двинулся вдоль стены в обход лужи. Мокрые отпечатки ног могли стоять ему жизни. Опилки, рассыпанные на полу, смягчали звук шагов. Стужа в коридоре была арктическая. Хотелось бы знать, услышит ли Эшер возвращение выводка с охоты. И не следят ли за ним сейчас из темноты оранжевые глаза Олюмсиз-бея?

— Эрнчестер, — прошептал он, приблизившись к дверям. И та, и другая — заперты. Засовы из серебра, а скорее всего из посеребренной стали. Замки навешены новенькие, зато все прочее почернело от древности.

— Эрнчестер! — снова шепнул он. Насколько остер слух у Бессмертного Лорда? Может ли он слышать звук, отделенный от него толщей камня? — Это Эшер. Вы здесь? Антея на свободе, она в Константинополе...

Он чуть было не сказал: «Антея жива...»

Вслушался.

Далеко-далеко за дверью раздался то ли крик, то ли стон, от которого волосы шевельнулись на затылке. «Преисподняя», — подумал Эшер. Такое можно услышать только у замочной скважины адских врат.

— Вы слышите меня? Вы меня понимаете?

В ответ — тишина. Он так и не смог справиться с замком. Руки тряслись и немели — от холода, страха, от сознания, что время на исходе...

— Я вернусь за вами, — хрипло пообещал он. — Я освобожу вас...

Потому что мне нужна ваша помощь, — с кривой усмешкой мысленно добавил он. — Услуга за услугу...

Легкое, едва заметное движение холодного воздуха — сердце остановилось, словно

пронзенное ледяным лезвием, и тут же зашлось частыми ударами. Эшер поспешно задул свечу, моля Бога, чтобы аммиачная вонь не позволила птенцам почуять запах дыма. А также запах его живой крови.

Из темноты коридора за серебряной решеткой слышались нетвердые шаги и умоляющий всхлип:

— Господин, смилуйтесь... смилуйтесь над бедной девушкой...

И на грани слышимости — злорадный шелестящий смех.

— О, господин, к которому я тебя веду, милостив... — Кажется, это был голос Зардалу. — Самый милостивый, добрый и сладчайший господин в городе... ты скоро убедишься в этом сама, прекрасная газель...

В полной темноте трудно было сказать, заметили они или нет, что решетчатая дверь чуть приоткрыта.

Ему оставалось лишь ждать, затаив дыхание, отчаянно вслушиваясь и ежесекундно ожидая прикосновения ледяных пальцев к горлу. Аммиак жег легкие, холод пробирал до кости. Наконец Эшер тихонько выбрался за решетку и запер за собой дверь. Кладанье замка прозвучало подобно удару молота судьбы.

Но никто не остановил его. Эшер плохо помнил, как удалось ему не сбиться с пути в огромном темном лабиринте Дома Олеандров и добраться до своей комнаты. Когда он пересекал двор, из покоев Бея донесся знакомый серебристый смех и неразборчивый умоляющий голос молодой женщины. Впрочем, возможно, ему это только показалось. Заперев за собой дверь, Джеймс опустился без сил на пол, сотрясаемый нервной дрожью. В ушах стоял стон неведомого узника из пропитанной аммиаком усыпальницы...

Прошло довольно много времени, прежде чем Джеймс заставил себя подняться с пола и перебраться на диван, где лежал не в силах заснуть, пока крик муэдзинов не возвестил приход утра.

17

— Подозреваю, что мое замечание относительно того насколько ценна для вас эта информация, принесло свои плоды. — Князь Разумовский щелкнул хлыстом для верховой езды двух дворняг, устроившихся на мраморных ступенях. Те отбежали на несколько футов прочь и снова разлеглись в пыли площади, когда-то бывшей ипподромом. Языки у дворняжек были вывалены, а волчья шерсть (Лидия ясно видела это и без очков) местами облысела от чесотки.

Ни в одном городе не было столько бродячих собак. Как, впрочем, и котов, в чем Лидия убедилась прошлой ночью.

Животные обитали на двух разных уровнях. Когда экипаж Разумовского осторожно пробирался по улочкам старого города, где на византийских каменных фундаментах расселись как попало турецкие деревянные дома, — собаки были повсюду, большей частью в тени глинобитных заборов. Коты оккупировали карнизы, балконы и подоконники с горшочками герани; они лежали на стенах и увитых виноградом навесах маленьких кофеен, где турецкие мужчины вели за чашечкой неторопливые беседы.

— Кто-то с кем-то обязательно знаком, — продолжил русский, сияя белизной зубов из-под пышных, как пшеничные снопы, усов. — Тот добрый медник наверняка рассказал о нашем разговоре в кофейне своим друзьям или нас подслушал нищий или продавец халвы. Кому-то из них известен метельщик улиц, чья сестра знает сказителя в лицо, или, может, чья-нибудь кузина слышала, как муэдзин упомянул вскользь об этом сказителе, или соседские дети болтали о нем с другими детьми... Мне эту информацию продал один сирийский мальчуган.

— Сколько вы ему заплатили? — Лидия взялась за мешочек с серебряной мелочью, висевший у нее на поясе. — Мне бы не хотелось...

— Сущие пустяки, — небрежно отмахнулся его сиятельство. — Эта сумма сильно

поддержала бы его родных, хотя скорее всего она будет потрачена на опиум для главы семейства. — Он подал Лидии руку, помогая сойти с мраморного порожка.

Все утро князь обращался с ней крайне бережно, как с хрупким стеклянным изделием, возможно, полагая, что усталые глаза и бледность Лидии вызваны ночными слезами о пропавшем супруге, а не просмотром огромной кипы банковских счетов.

Под подозрение попали два десятка фирм и инвесторов. Не только вампиры, но и люди после июльских событий прекрасно поняли, откуда дует ветер, и кинулись превращать золото и земельные владения в ценные бумаги. Имена лиц, которые могли дать взятку начальнику дворцовой стражи, встречались в счетах сплошь и рядом, что уже само по себе говорило об уровне коррупции в Константинополе.

К пяти утра Лидия выписала дюжину фамилий, две из которых Маргарет проморгала в записях Немецкого банка, а там и вовсе задремала, уронив голову на руки.

Впрочем, эта ночь в любом случае оказалась бы бессонной для ревнивой мисс Поттон.

— Вы уверены, что меня туда пустят? — спросила Лидия, покраснев. — Что это не запрещено...

— Во двор может зайти любой, — сказал Разумовский. — Но лучше, если говорить буду я.

Синяя мечеть была одной из самых больших в городе, вокруг нее всегда толпился народ.

«Может быть, все дело именно в этом», — подумала Лидия.

Чувствуя себя крайне неловко в европейском платье с крохотной прозрачной вуалькой, прикрепленной к модной шляпе, Лидия двинулась вслед за Разумовским к северной стене двора. Неяркое солнце светило в лица расположившихся там людей. Бородач в тюрбане торговал разложенными на коврике яркими молитвенными четками; еще несколько мужчин сидели, скрестив ноги, перед низенькими столиками, на которых стояли чернильницы, письменные приборы и песочницы (просушивать написанное). Был здесь и неизбежный мальчишка с инструментами для чистки обуви. На мраморных ступенях двое оборванцев перебирали бусины четок и молча провожали взглядами проходящих женщин.

Человек, которого они искали, сидел на рваном коврике неподалеку от продавца молитвенных бус и беседовал с тощим стариком в белых одеждах и желтом тюрбане. Заметив приближающегося Разумовского, он обернулся — и Лидия различила крючковатый огромный нос, грязновато-седую бороду и зеленое пятно тюрбана. Опустив глаза, она увидела торчащие из лохмотьев грязные босые ноги. Ногти на больших пальцах напоминали когти медведя. От сказителя несло потом. На Лидию и Маргарет он взглянул с отвращением и гневом. Пробормотал что-то по-турецки, затем вдруг перешел на режущий слух французский:

— Женщина с неприкрытым лицом — мерзость в глазах Аллаха.

— Прошу прощения. — Лидия сделала реверанс. — Вы дурно отозвались обо мне лишь потому, что я ношу ту вуаль, которую подарил мне мой муж? — Она коснулась своей шляпы. — Вы оскорбили меня за то, что я ношу наряды, нравящиеся моему мужу?

Мужчина в желтом тюрбане вежливо стушевался, оставив Лидию, Разумовского и Маргарет наедине со сказителем. Лидия присела рядом со стариком на мраморные ступени, сказав себе, что зеленую юбку все равно придется отдавать в стирку.

— И если мой муж исчез, — продолжала она по-французски, как можно медленней и понятней, — если я знаю, что он в опасности, неужели мое желание помочь ему — тоже мерзость в глазах Аллаха?

«Слышал бы меня Исидро», — подумалось ей.

Черные глаза вспыхнули, как угли. Сухие губы поджались сердито, борода шевельнулась, но, судя по быстрому взгляду, которым старик окинул двор, и по нервному движению плеч, Лидия поняла, что сказитель испуган.

— Ты — жена того англичана в коричневой одежде? Человека, который выпрашивал меня о Бессмертном Господине?

Лидия кивнула. Ей очень бы хотелось знать, прислушивается ли Разумовский к их тихому разговору.

— Да, я его жена.

— Он был глупец, — бросил старик. — Искать встречи с Вафар-сагибом может только глупец, и его настигла судьба, достойная глупца.

— Ты рассказал ему?

Сказитель смотрел в сторону.

— Я ничего ему не рассказывал, — резко ответил он, но Лидия знала, что старик лжет. Джеймс не мог не предложить ему денег, а судя по внешнему виду, старик сильно в них нуждался. — Это все мой мальчишка Исак, — тут же пояснил он. — Смышленный парень — так я, во всяком случае, о нем думал. Но когда он не пришел той ночью, я понял, что он нарушил запрет: он рассказал о Вафар-сагибе, а Господин не прощает такой болтовни. — Черные глаза его сузились, тихий голос стал подобен шелесту шелка. Лидии пришлось склониться к старику, почувствовав его дыхание, пахнущее крепким кофе и гнилыми зубами. — Вафар-сагиб был господином этого города, еще когда был жив мой прадед. Он знает, когда о нем говорят на улицах, даже при свете дня. Когда англиз спросил меня о нем и предложил мне деньги... к которым я, конечно, не притронулся, — добавил он, повысив голос, — я испугался. Я пришел сюда, где меня не увидят те, кто ему служит. Теперь все говорят о хортлаках, афритах и гола, которые бродят за городом среди могил и кипарисов, возле гробницы Хасим Аль-Байада, останавливают путников и убивают их во тьме...

— Где эта гробница? — спросила Лидия, понизив голос и надеясь, что Разумовский их не слышит.

— Ты глупа! — Сказитель вскинул руки, черные глаза вспыхнули гневом. — Ты так же глупа, как и твой муж! Поди прочь и не спрашивай больше, пока тебя не настигла такая же судьба!

— Я не пойду туда ночью... — начала было Лидия, но старик, не слушая, потрясал сухими узловатыми кулаками:

— Прочь! Убирайся! Говорю тебе, что твой муж мертв!

Она вздрогнула и пошатнулась, вставая. Разумовский немедленно поддержал ее. Сзади послышался вскрик Маргарет.

— Оставь меня, неверная шлюха! — визжал старик. — Как ты посмела прийти в это святое место и осквернить его!

— Но я...

— Пойдемте, — мягко сказал князь, увлекая Лидию к воротам. — Все равно вы здесь больше ничего не узнаете.

Лидия беспомощно оглянулась. Сказитель выкрикивал что-то, обращаясь к продавцу четок, и хотя Лидия мало что могла рассмотреть в подробностях на таком расстоянии, она знала, что старик тычет пальцем в ее сторону.

От обиды и усталости к глазам подступили слезы.

— Извините его, мадам. — Это был мужчина в желтом тюрбане, поджидавший их в голубоватой тени мраморной колоннады. Он шагнул к ним и поклонился, но у Лидии возникло ощущение, что человек этот здесь весьма влиятелен. — Этот сказитель — старик, и для него все, кто одевается, говорит и ест иначе, чем это делали его предки, суть творения иных богов, созданные, чтобы смущать род людской.

Лидия остановилась, вгляделась. Седящая борода, живые умные глаза. Теперь незнакомец уже не казался ей стариком. Одежда его пахла табаком и кухней.

— Прошу прощения, если я... Право, я никого не хотела обидеть.

— Он очень напуган, хамам, а испуганный человек легко впадает во гнев. Он клянется, что его преследуют демоны, обитающие в этом городе, и боится оставаться один — даже во сне. Спит здесь на пороге кухни. Не судите его строго. Он верит в это.

— Я не сужу, — сказала Лидия, вспомнив черные пропасти улиц после полуночи. Прошлой ночью ее донимало странное пение под окнами, похожее на тоненький тоскливый

вой. Лидия поднялась с постели (а может, ей только приснилось, что она поднялась) и долго всматривалась в темноту за решеткой. Ночь казалась пустой. Сзади ворочалась и вздыхала во сне мисс Поттон...

— Он говорил о... гола, обитающих возле гробницы некоего Хасим Аль-Байада. — Она тщательно выговаривала иноязычные слова, мысленно благодаря Джеймса, кое-чему научившего ее за десять лет.

Святой человек нахмурился, поколебался немного, затем сказал:

— На западе Африки — в Марокко и Тунисе — этим словом («гола») называют демона женского рода. Прекрасная женщина с козлиными ногами. Она сманивает путников с дороги, пьет их кровь и ест их плоть.

— Женщина? — повторила Лидия.

Антея Фаррен. Она тоже может что-нибудь знать о Джеймсе.

Он кивнул.

— Хасим Аль-Байад был имамом этой мечети... — Мужчина указал на парящую в небе стройную каменную громаду. — Много поколений назад. Его гробница была долгое время почитаема, но теперь редко кто ходит туда, ибо находится она далеко за Адрианопольскими воротами, к северу от большой дороги. Вы узнаете ее по остаткам железной ограды, хотя от самой гробницы уже мало что осталось — один лишь могильный камень. Но если вам дорога ваша жизнь, хамам, и если вам дорога ваша душа, не ходите туда одна или после захода солнца.

Лидия была поражена даже не столько тревожным выражением его глаз, сколько тем, что предупреждение он сделал ей, а не князю — ее защитнику и спутнику. Она покачала головой и сказала:

— Не буду. Обещаю вам. — Двинулась к Разумовскому, но тут же вернулась. — Позволяется ли... — неуверенно спросила она, — заказать молитву? За человека, который в беде... Он не мусульманин, — виновато добавила Лидия — и мужчина в желтом тюрбане улыбнулся.

— Нет в мире чуда более великого, чем дождь, — молвил он. — А как сказал пророк Иса: дождит и на праведных, и на неправедных. Подайте милостыню первому нищему, которого встретите. Я помолюсь за вашего друга.

— Спасибо, — сказала Лидия.

«Говорю тебе, что твой муж мертв!» Поддержать беседу с князем, пока они шли к экипажу, Лидия была уже не в силах.

После полудня Разумовского ждали дела в посольстве, поэтому сопровождать Лидию и Маргарет на кладбище он не мог. Однако князь настоял на том, чтобы дамы воспользовались его каретой и его слугами.

— Эти дубины стоеросовые все равно просидят весь день в кофейне за домино, пока я там буду беседовать с министром транспорта, — сказал он за ленчем. — А когда вернетесь, пришлите их ко мне.

Беседа шла в ресторане неподалеку от железнодорожного вокзала. Лидия сначала пыталась протестовать против широкого жеста Разумовского, но в конце концов пожала обеими руками его огромную лапу и поблагодарила от всего сердца, чувствуя при этом, что выглядит ужасно. Утром Лидия прикладывала к лицу лед, но пожалуй что без особых результатов.

«А теперь станем выглядеть еще хуже», — подумала она, надевая очки, стоило князю удалиться.

* * *

Как и предупреждал святой человек, гробница имама Аль-Байада располагалась далеко к северу от пыльной дороги, тянущейся до фракийских холмов. Лидии пришлось долго

плутать в причудливом лесу надгробных камней. Маргарет и один из слуг его сиятельства следовали за ней по пятам. Присутствие слуги особенно радовало Лидию. Если поначалу глаз то и дело ухватывал среди памятников и могильной травы богомольцев в традиционных турецких одеждах, то теперь, в этой отдаленной части кладбища, заросшей деревьями, людей уже не было вовсе. Только плиты, похожие на обломки рассыпанного скелета какого-то огромного чудовища.

Маргарет постоянно жаловалась на неровность почвы, на мрачность пейзажа и на бессмысленность самой затеи.

— Исидро же сказал, чтобы каждый занимался своим делом! — убеждала она, остановившись потереть «вывихнутую» лодыжку (Кто-кто, а уж Лидия-то знала, что будь лодыжка и впрямь вывихнута, мисс Поттон не смогла бы сделать и шагу!). — Раз он ничего не обнаружил — значит нам нечего и пытаться...

«Возможно», — думала Лидия. Но Исидро сам признавался, что чувства его притуплены. Скорее всего чары, наведенные вампирами, особенно сильны возле этой самой гробницы. Лидия вспомнила, как три раза прошла мимо дома Исидро в Лондоне, прежде чем смогла его заметить. Но в любом случае, независимо от того, обнаружится что-нибудь возле могилы Аль-Байада или нет, она расскажет об этом месте Исидро, чтобы тот осмотрел все более пристально.

Вдали на фоне неба мерцали городские купола. Тихо было на кладбище, но тишина эта не успокаивала, не умиротворяла, а напротив, заставляла насторожиться. Короткий осенний день клонился к вечеру.

«Я видел вашего супруга...» — сказал Кароли.

Но он мог и солгать.

И слова сказителя. «Говорю тебе, что твой муж мертв!»

Этим утром Кароли прислал записку с приглашением на ленч. Естественно, леди Клэпхэм не сказала ему, где остановилась Лидия. Наверное, приглашение стоило принять и постараться вывести хоть что-нибудь, но все инстинкты Лидии заклинали ее держаться подальше от этого человека. Она была новичком в той игре, в которую тот играл много лет.

Но что, если Цайттельштейн не вернется завтра? — слабея от сознания безысходности, думала она. — Что, если он ничем не сможет мне помочь?

Чувствовать, что жизнь мужа в ее руках, было нестерпимо. Может быть, если она поведет себя с Кароли осторожно...

Какой-то мужчина прокричал им что-то издалека, со стороны дороги. Вооруженная очками, Лидия ясно видела, как он машет предостерегающе руками, не решаясь приблизиться.

Она снова взглянула вперед. Там громоздилось сероватое мраморное надгробие, окруженное остатками ржавой ограды.

В сорняках, густо разросшихся вокруг, шуршал ветер. Стоило подойти поближе, как Лидия почувствовала запах крови. Несмотря на холод, над черным пятном на изломе гробовой плиты с жужжанием роились мухи.

Лидия содрогнулась. Впрочем, кровь могла оказаться и собачьей.

— Какая мерзость! — вскрикнула Маргарет. Слуга Николай сказал:

— Мадам, уйдите. Нехорошее это место.

Лидия поднялась к надгробью. По краям плиты виднелись свежие царапины, среди высокой травы рассыпаны мраморные осколки. Черное пятно при ближайшем рассмотрении действительно оказалось кровью.

Однако все это стало несущественным, стоило ей коснуться камня. Он здесь, — поняла вдруг Лидия. Если она закроет сейчас глаза и позволит вампиру, спящему под этим камнем, вторгнуться в свое сознание...

Лидия поспешно отступила, почти столкнувшись с Маргарет, которая что-то ей говорила, но что — Лидия не слышала.

«Обычно нам известны намерения живых, — сказал Исидро Джеймсу, когда они

говорили об охотниках за вампирами. — Их так легко заметить...»

Неужели вампиры чувствуют это и днем, во сне?

И видят ли они сны?

— Я говорю, пора уходить отсюда, — тупо повторяла Маргарет. — Если Исидро ничего не смог найти...

— Да, — поспешно сказала Лидия. — Пойдемте.

Поворачиваясь, она заметила краем глаза крохотную красную вспышку в траве. Очень не хотелось возвращаться к плите, и все же Лидия заставила себя это сделать. Трава с одной стороны была притоптана. В сероватой пыли виднелся след большой мужской подошвы. Европейская обувь.

Без сомнения, отпечаток возник недавно. Очень странно, если учесть, что место это пользуется весьма дурной славой.

Лидия опустилась на колени среди пыльной травы, пытаясь высмотреть еще и другие следы, как вдруг заметила предмет, привлечший ее внимание несколько секунд назад.

Это была заколка для мужского галстука, выполненная в форме грифона с единственным рубиновым глазом.

* * *

— Мой дражайший Эшер-сагиб! — Тень, возникшая из арки, была почти невидима во мраке старого караван-сарая. Темный угловатый силуэт — и мерцание многочисленных драгоценных камней. Эшер остановился со стесненным сердцем, и в тот же самый миг сзади, подобно стальному обручу, его обхватили тоненькие, почти детские руки, и худое твердое тело Джамили Байкус прижалось к спине Джеймса. Запахло кровью и пачулями — от Зардалу.

— Ты так внезапно покинул нас.

— У меня слабый желудок.

— Х-ха! — с нежностью выдохнул евнух. — Я понимаю твою жалость к тому прекрасному армянскому юноше или к маленькой нищенке (возможно, она тоже была хороша)... Но к этой старой сварливой ведьме, которая даже перед смертью жалуется, что ее сегодня обсчитали на два пиастра? Какая тут может быть жалость?

Эшер повернул голову, попытался двинуться, но безуспешно. Зардалу подступил поближе и положил руку на плечо собеседнику. Из-под подкрашенных век блеснули зрачки, отразившие свет лампы, что висела в отдалении над лестницей. Других фонарей во дворе не было, а Саид, сопровождавший Эшера, исчез при первых звуках голоса Зардалу.

— Олюмсиз-бей не выходит наружу, — прошептал вампир, и шепот его можно было принять за шелест шелка. — Так ведь?

— Я не знаю.

— Вот уже восьмую ночь мы приводим ему добычу. — Байкус Кадинэ приподнялась на цыпочки и коснулась сзади губами шеи Эшера. Губы были относительно теплы. — Эти другие вампиры...

— Что еще за другие вампиры?

— Едва ли это должно интересовать живых, — придвигаясь, промурлыкал Зардалу: — Та женщина, которую мы искали среди могил и в подземелье, и еще мужчина, которого нам было велено найти...

— Какого мужчину? Когда?

— Это не важно. — Голубые глаза странно мерцали в отраженном свете. — Ты лучше скажи, умник, что все это значит? Почему он их боится? Малик Стамбула, Вафар-сагиб, Бессмертный Господин, который правит этим городом... Он мог бы щелкнуть их на ногте, как вшей. Вот так... — Длинные руки протянулись к Эшеру, схватили за плечи, стальные пальцы вдавились в плоть. Джеймс стиснул зубы, боль ослепила, но он продолжал смотреть

вампиру в глаза.

— Иностранная машина, построенная этими неверными... Для чего она? Кого он там прячет? Кто там кричит и стонет каждую ночь?

— Спроси его. — Голые срывались от боли; пальцы вампира безошибочно находили нервные узлы; перед глазами клубилась серая предобморочная дымка.

— Я спрашиваю тебя.

— Не знаю...

Хватка ослабла. Зардалу слегка разжал руки, но с плеч так и не убрал. Эшер дышал тяжело, по лицу, несмотря на ночной холод, катился пот.

— Но ты ходил взглянуть.

Эшер заставил себя помотать головой. Они могли заметить его той ночью. Или почуять запах его крови. Донесли они или не донесли об этом Олюмсиз-бею? Вряд ли. В этом случае Эшера бы сейчас не было в живых.

Зардалу осклабился, как резиновый дьявол.

— Ты выспрашивал городских сказителей, как проникнуть сюда, в Дом Олеандров. Куда же вдруг подевалось твое любопытство? Известно ли тебе, что Олюмсиз-бей держит ключи из серебра в тайнике под кофейным столиком в той комнате, что облицована красным изразцом? Странный клад для вампира, как ты считаешь?

— Не думаю, чтобы он пользовался ими, — согласился Эшер. Джамиля Байкус двинулась, и ему пришлось переступить с ноги на ногу. — А я — тем более. Жизнь мне еще дорога.

— Твоя жизнь? — Голубые глаза расширились. Серебряный смех вампира отдался в черном воздухе. — Твоя жизнь оборвется здесь в любой момент, когда я этого пожелаю.

— Пойдешь против него? — Разум померк, мысли смешались, спутались, как в дурном сне. Из последних сил Эшер пытался вообразить железную запертую дверь и хоть таким путем противостоять мысленной хватке вампира.

Он еле расслышал шепот Зардалу:

— Бей будет недоволен, но это тебя не оживит, инглиз...

Кажется, они куда-то потащили его, он пытался ухватиться за портал арки, сопротивляясь слабо, словно в наркотическом дурмане...

Затем Эшера с ужасающей силой бросило о камень — и сознание мгновенно прояснилось. Оползая по стене, он увидел в свете лампы катящегося по полу Зардалу, похожего на комок шелкового тряпья, и пятящуюся в ужасе Байкус Кадинэ. Из ее отверстого рта вырывалось лишь слабое сипенье, глаза пылали, как у крысы. В развевающихся перламутровых одеждах над евнухом возвышался Олюмсиз-бей. Серебряная алебарда сияла, будто, новорожденный месяц. Бритая голова качалась из стороны в сторону, как у бешеного пса.

На губах и на одежде его была кровь. Зардалу легко вскочил на ноги, лицо его исказилось, став похожим на маску из комнаты ужасов, блеснули клыки. Однако уже в следующий миг молодой вампир скорчился, закрывая лицо руками, не в силах вынести взгляда Мастера, и Эшер почти физически, почувствовал страшную, уничтожающую волю Олюмсиз-бея.

Зардалу слабел на глазах и в корчах оседал на пол.

Мягко прошелестел шепот Мастера:

— Не будь столь самонадеян, Персик...

Эшер поднимался, хватаясь за стену. Он еще не пришел в себя, он даже не понял, на каком языке это было произнесено. Невесомо, как гигантский кот, Олюмсиз-бей скользнул к евнуху.

— И это тот самый Персик, который всхлипывал в моих руках, отдавая мне свою жизнь? Персик, который говорил невольникам, пришедшим оскопить его...

— Нет... — Это было даже не слово — просто звук.

— Помнишь, что ты говорил им? — Глубокий голос был гибок, как вода, и тверд, как

камень. — Ты отдал мне тогда все свои воспоминания, свой разум, свои восторги — помнишь Парвин, твою сестру Парвин? И все это еще у меня — Бей склонился над своим птенцом, колыхнув серебристо-голубоватым облаком шелка; лезвие алебарды парило над голой склоненной шеей евнуха. Слова Мастера были еле слышны — А как тобой овладел Кизлир-ага — помнишь? Тебе было двенадцать, ты ненавидел его, но твое тело отвечало... — Древком алебарды Бей толкнул евнуха, заставив его распластаться на мраморном полу, и продолжал хрипло шептать, совершая нечто более ужасное, чем насилие: он обнажал память Зардалу, открывая один тайник за другим.

«Это страшная власть», — сказал когда-то Исидро, но только сейчас Эшер осознал, насколько она страшна.

Зардалу тихо и болезненно всхлипывал. Эшер пробрался к лестнице и заторопился вверх по ступеням. Оглянувшись, он увидел в освещенном лампой арочном проходе, как Хабиб со своим одноглазым дружкой Харалпосом изображают любовную сцену с трупом старухи на потеху визжащим Пелагее и Байкус.

Но хриплый шепот Мастера вампиров заглушал все остальные звуки, он гнался за Эшером по пятам.

18

Ей опять снился старый сераль, блуждания по его тесным темным комнатам с грессбухом в одной руке и фонарем в другой. Одна из комнат была забита льдом, и в одной из глыб, как муха в янтаре, был заключен Джейми.

Почему-то это не казалось ни смешным, ни абсурдным. Глаза его были открыты, подобно глазам тех трупов, что привозили для вскрытия с фабрики, и Лидия ясно видела кровь на шее и на воротнике рубашки. Лед вспыхнул голубым алмазом, когда она подняла фонарь, и глаза Джейми, казалось, ожили, но Лидия знала, что он мертв. Сердце ее сжалось при мысли, что теперь она поедет домой одна.

Это была ее вина. Она оказалась недостаточно умной, недостаточно смелой, недостаточно быстрой... Лидия раскрыла грессбух на глыбе льда, пытаясь найти имя Джейми, но руки тряслись от холода и ничего невозможно было прочесть. «Он не мог умереть», — в отчаянии подумала она. Он заморожен в лед, но лед сохранит его живым...

Лидия проснулась, задыхаясь, с похолодевшими руками и ногами, и услышала, как в соседней комнате Маргарет сказала:

— Вы же нигде ничего не нашли, но она настояла на том, чтобы ехать на кладбище! Как будто она знает больше, чем вы! Она думает, что знает все, только потому, что у нее ученая степень. Меня бросает в дрожь при мысли, что она вскрывает трупы! И она даже не остановилась, когда я вывихнула лодыжку...

Голос у Маргарет был возмущенный, но сквозила в нем некая нервозность. Мгновение спустя зазвучал холодный голос Исидро:

— Ну, она беспокоилась о своем муже и поэтому не слишком заботилась о вас, Маргарита. Вы не помните, что это было за кладбище? Мне не хотелось бы будить ее...

— М-м... Не обратила внимания... Мы отправились туда в экипаже князя Разумовского, а перед этим были в этой грязной мечети, где она говорила с каким-то ужасным стариком. Но в любом случае! Если вы ничего не обнаружили...

Лидия выудила из-под подушки свои очки, оправила волосы и, накинув на плечи шаль, выбралась из спальни, плохо представляя, который нынче час.

Исидро тут же встал, поклонился:

— Сударыня...

Комната благоухала барашком и луком. На столе стояли пустое блюдо и столовый прибор. Крошки на противоположной стороне стола говорили о том, что Маргарет уже отужинала.

Исидро указал на прибор. Лидия покачала головой:

— Благодарю вас, чуть позже...

— Немного вина?

Стакан заметно дрожал у него в руке. Заметив это, Маргарет забрала стакан и сама наполнила его вином — темно-красным, как кровь, в свете лампы. Исидро вынул из стоящей на столе корзинки салфетку и отломил кусок хлеба.

— Лучше обмакните в вино, — предложил он. — Путешествующих в одиночку уличных женщин я еще могу вынести, но пьяных уличных женщин — никогда.

Лидия ответила невеселой усмешкой.

Он присел на край стола

— Маргарита поведала мне о ваших сегодняшних приключениях...

Лидия рассказала ему о визите в Голубую мечеть, о гробнице Аль-Байада и о найденной там заколке для галстука.

— Я испытала сильнейшее ощущение, прислушиваясь к этому камню, — сказала она. — Вы говорили, что днем вампиры не могут бодрствовать, но... Мог он меня услышать, увидеть — во сне? Вампиры вообще видят сны?

— И да, и нет, — ответил Исидро, протягивая руку за заколкой. — Сон — это всего лишь слово, которым мы обозначаем все, что случается с нами днем. Я просто не знаю другого Сновидения... — Он приостановился, слегка покачал головой и вновь осмотрел золотого грифона. — Я не сомневаюсь, что вы нашли дневное убежище пришельца, чужака, — сказал он через некоторое время. — И не сомневаюсь, что, почувствовав во сне ваше присутствие, он больше к гробнице не вернется. Я уже был на этом кладбище и ничего не заметил. Возможно, он сумел отвлечь от себя мое внимание. Так что стоит наведаться туда еще раз. Но следов Антеи или Чарльза там наверняка не обнаружится... — Исидро покачал головой. — Он затеял опасную игру, этот Кароли. — Вампир спрятал золотую булавку в карман жилета и встал, чтобы передвинуть горшочек с медом и хлеб поближе к Лидии. — Он еще сам не понимает, с кем он связался. Неужели он рассчитывает доставить чужака в Вену к своему бездарному императору? Мастер Вены уничтожит его, как пытался уничтожить Эрнчестера. Или он надеется помочь чужаку стать Мастером Константинополя, заключив с ним союз?

— Он может это сделать? — удивленно спросила Лидия.

— Да, если найдет дневное укрытие Мастера. — Прозрачные брови сдвинулись, Исидро взглянул на кипу записок и карандаши, лежащие рядом с лампой. — Вам удалось что-нибудь обнаружить?

— Почти все местные богачи в июле кинулись превращать золото и земельные владения в ценные бумаги, — мрачно сказала Лидия, поправляя очки. — Я выписала множество компаний, возникших в то же самое время и с тех пор не подававших признаков жизни. Кроме того, я знаю от герра Хиндла, что Бей заплатил за холодильную установку наличными.

— Вполне правдоподобно. — Исидро снял крышку с горшочка с медом и, подняв ложку, стал смотреть, как сбегает с нее тягучая янтарная струя. — Хотя в некоторых случаях он мог выписывать и чеки. Билет на Восточный экспресс стоит двадцать фунтов? Плюс дорога до Лондона, плюс питание, плюс гостиницы... Примерно фунтов семьдесят. Хорошо бы найти чек на эту сумму, выданный некоему венгру. Обычно аристократы, даже путешествуя инкогнито, берут в качестве фамилии один из собственных малых титулов. Кароли, настолько я помню, мог назваться Люковина или Фекетело... — Исидро закрыл крышку и встал. Маргарет кинулась за черным плащом, лежавшим на кресле.

— Вы еще вернетесь сегодня? — с надеждой спросила она.

Некоторое время Исидро молча смотрел на нее. Глаза его в свете лампы приняли медовый оттенок.

— Моя экспедиция много времени не займет — Он натянул перчатки и повернулся к Лидии. — Как говорится, мертвый путешествует быстро.

Как всегда, заметить момент его ухода не удалось.

— Ничего себе быстро! — заметила Лидия, намазывая мед на хлеб. — Вспомнить, как мы тащились до Константинополя, лишь бы не ехать днем...

Вместо ответа за спиной у нее хлопнула дверь спальни.

* * *

В первое мгновение она хотела постучать и осведомиться у Маргарет, что ей померещилось на этот раз. Но поскольку в ответ могла последовать очередная истерика, отягощенная романтическим бредом на тему прежних жизней, Лидия решила просто не обращать внимания и на эту выходку компаньонки. Попытку преподать ей вчера азы косметики Маргарет холодно отвергла. Лидия уже начинала сомневаться, кто же больше виноват в сновидениях мисс Поттон: Исидро или все-таки она сама?

Однако идея, как ни крути, принадлежала дону Симону. Это по его требованию Лидия вынуждена была делить с этой дурочкой кров и постель.

Подкрепившись, Лидия вновь занялась бумагами, но работа не пошла. Слишком велика была злость на Исидро. Ни с того ни с сего ей вспомнилось вдруг, что дон Симон Ксавьер Христиан Морадо де ла Кадена-Исидро умер в 1558 году. Вспомнился также его заваленный книгами дом. Понятно, что мертвый человек мог изучать труды по математике и логике, медицинские журналы... Но представить его читающим «Волшебника страны Оз»?... Лидия сняла очки и уронила лицо в ладони. Какое ей вообще дело до того, мертв он в душе или жив?

Внизу на улице залаял пес.

Вздрогнув, Лидия подняла голову, взглянула на часы. Около трех. Странно, ей казалось, что после вызывающего ухода мисс Поттон прошло совсем немного времени. Может быть, Лидия незаметно для себя вздремнула за столом?

Внизу кто-то постучал в ворота.

— Хамам! Хамам! — выкрикнул голос, который она уже где-то слышала, но не могла припомнить, где именно. — Хамам, ваш муж! Ваш муж!

Она вскочила, кинулась к окну, откинула косицы чеснока и ветки шиповника, распахнула, отомкнув, тяжелую решетку, всмотрелась. Качался фонарь над входом, и вместе с ним качались тени.

— Где?

— Ваш муж! — крикнул человек. — Сказал, ищет вас!

«Сказитель, — сообразила она. — Или тот — в желтом тюбане!»

Схватила со стола лампу и, задержавшись еще на миг, чтобы взять один из серебряных ножей, бросилась к лестнице. Они, наверное, попросят денег, — подумала она, сбегая по ступеням. И тут же: — Боже правый, это ведь могут быть и грабители...

Приблизившись к воротам, она выглянула в глазок, надеясь, что блик лампы упадет на лицо посланца.

Но улица казалась пустой.

Сзади захлопнулась входная дверь.

Лидия обернулась, дыхание ее пресеклось. Ворота и калитка были надежно заперты, но в самом дворе стояла зловещая тишь. Похолодев от ужаса, Лидия вернулась к крыльцу дома, потянула из-за пояса серебряный нож...

Лампа в ее руке погасла.

Инстинкт заставил ее тут же прижаться спиной к стене. Под гранатовым деревом темнота шевельнулась — и Лидия что было силы метнула в нее лампой. Судя по звуку, лампа угодила во что-то мягкое, затем загремела по брусчатке двора. В тот же миг Лидия рванула ручку двери — и услышала стук щеколды.

Крутнулась — и полоснула ножом, скорее почувствовав, чем услышав, что зловещая тень уже рядом. В следующий миг что-то стиснуло ее руку и горло, но она успела различить

смуглое одутловатое лицо и блеск клыков из-под густых усов.

Затем он вскрикнул, наткнувшись сразу на две серебряные цепочки, хватка разжалась — и Лидия повторила удар, целясь в лицо. Она пыталась завизжать, но из перехваченного горла вырвалось лишь слабое сипение. Теперь он схватил ее за локоть, не защищенный серебром, и Лидия ударила в третий раз, выдохнув самое грубое слово, какое ей доводилось слышать из уст могильщиков, доставлявших трупы к ним в прозекторскую. Потом в нее вцепилась еще одна пара рук. Вампиров было двое...

И вдруг — без перехода — Лидия поняла, что двор пуст, а сама она оползает по каменной стене с ножом в трясущейся руке.

Рукава были разорваны, а льющаяся из ранок кровь — обжигающе горяча.

Нельзя падать в обморок... — вяло подумалось ей. — Я не должна...

— Мадонна!.. — Из темноты проступили светлое мерцание глаз и бледная дымка волос. Руки, еще более холодные, чем ее собственные, не дали ей опуститься наземь. Она всхлипывала, прижимаясь лицом к мокрой шерсти плаща, пахнувшей кладбищем и росой.

— Вы ранены?

Слова донеслись как бы откуда-то издалека, и смысл их дошел до Лидии не сразу. Ранена? На секунду она отстранилась и взглянула на своего избавителя. Так выглядел бы скелет, на которого набросили плащ, или смерть в черном саване. Однако в глазах его мерцала тревога, и он больше чем когда-либо был похож на живого человека. Он позвал ее по имени, а может, ей это только показалось.

— Извините... — еле выговорила Лидия. Окинула взглядом двор. Случившееся казалось далеким, странным и словно бы произошедшим не с ней. «Шок», — мысленно поставила она себе диагноз. Серебряный нож лежал у ног, разбитая лампа валялась у подножия гранатового дерева. — Я не думала...

— Вы ранены?

На его перчатках была кровь. Ее кровь. Из ранок, пробитых страшными когтями. Но Лидия знала, что Исидро спрашивает не о них.

— Нет...

— Вы уверены?

Она кивнула и ошупала горло. Пуговицы высокого воротника она расстегнула, еще когда собиралась лечь спать. Серебряная цепь была на месте. Лидия нагнулась, чтобы поднять нож, и едва не упала, ему снова пришлось подхватить ее. Одним ударом ноги он распахнул дверь, сорвав щеколду, и внес Лидию в дом.

— Вы замерзли. — Он усадил ее на стул в маленькой прихожей у лестницы. Затем закрыл дверь и запер ее с помощью ножки другого стула. Скинул плащ и укутал им плечи Лидии. — И испуганы...

Как ни странно, но страх она почувствовала только сейчас.

Взглянув на свои испачканные в крови перчатки, он снял их и бросил на ступени. Исчез в темной кухне и тут же возник вновь — без сюртука. В руках у него были таз с водой и еще одна лампа. Лампу он поставил на столик в прихожей и замер, прислушиваясь. И Лидии вспомнилось почему-то, как дон Симон кормил кусочками мяса котов в своем лондонском доме.

— С ней все в порядке, — мягко сказал он. — Внутри они не проникли. Прошу прощения за воду. Плита давно остыла.

Лидии очень хотелось знать, что он сейчас услышал: мирное посапывание Маргарет или же всхлипы, метания, вздохи. Она перевела взгляд на сломанную щеколду, но, будь даже сейчас освещение поярче, все равно было бы невозможно угадать, сама упала щеколда или же с чьей-то помощью.

Он раскутал из плаща ее руки, сдвинул повыше обрывки рукавов и смочил губку водой. Раны скорее напоминали царапины, но болели нестерпимо. При первом прикосновении Лидия вздрогнула — вода, как предупреждал Исидро, и впрямь была холодна.

— Я видела чужака, — произнесла она сквозь зубы. К неудовольствию Лидии, ее снова

колотила дрожь. С трудом она заставила свой голое звучать хотя бы чуть-чуть поровнее. Для полноты счастья им только и не хватало бьющейся в истерике женщины. — Думаю, он турок, хотя... я не смогла рассмотреть подробно. Дайте, — сказала она, представив, как его должен будоражить запах крови. — Я сама... Там в шкафчике есть бренди...

Он также принес салфетки, но, поскольку руки у Лидии по-прежнему тряслись, наложил повязку сам.

— Их было двое, — добавила она, когда он закончил. Пальцы его были быстры, точны и холодны, как смерть. — Я думаю... Я не видела второго, но...

— Он тоже был вампир?

Честно сказать, об этом Лидия не подумала.

— Я... Нет. Не знаю.

Голоса их странно отдавались в пустой прихожей. Исидро отлучился вновь — отнес на место тазик и губку. Когда он вернулся, в руках у него была чашка чая.

— Они... они позвали меня с улицы... Мне показалось, что зовет какой-то мужчина. Он сказал, что Джейми ищет меня.

— Сомневаюсь, что на улице тогда хоть кто-нибудь был, — тихо молвил Исидро. — Он почувствовал вас, ваши мысли еще там, у гробницы Аль-Байада. Вы были правы, спал он именно там... Теперь он сменит укрытие.

— Но вы не нашли никаких следов Антеи? Или Эрнчестера?

— Ни единого. — Он подошел к столу и поднес руки к лампе, словно отогревая их. Свет пронизал его пальцы, тронул волосы, сделал лицо еще более похожим на череп. — Подобно ему, она будет менять укрытие каждый день, опасаясь Мастера Константинополя. Если ваш муж еще жив, то потому лишь, что Бей хочет с его помощью поймать Антею. Он боится ее, как Гриппен.

— Гриппен? — сказала Лидия. — Разве он не Мастер Антеи и Эрнчестера?

— Да, но птенцы подчас выступают против тех, кто их создал. — Он шевельнул руками. Сквозь прозрачный пергамент пальцев проступали тени по-птичьи тонких косточек. — Мастер обладает огромной властью, но... Антея — крепкий орешек. Гриппен не доверял ей, хотя все Мастера до конца не доверяют своему выводу. Между Антеей и Гриппеном всегда пролегалла некая полоса отчужденности и ненависти. Думаю, он никогда бы не сделал ее вампиром, если бы не сознавал, что рискует потерять Эрнчестера.

— Так они... Разве они не стали вампирами одновременно?

— Нет. Чарльзу было сорок, Антее — тридцать три, когда Гриппен взял Чарльза. Антея вдовствовала около тридцати лет. Она была уже старухой, когда Чарльз пришел к ней и привел к Гриппену. Она возненавидела Гриппена сразу же, но понимала, что иначе она лишится Чарльза навсегда. Это... печальная история. Еще чаю?

Она покачала головой. Когда Исидро забирал чашку, Лидия обратила внимание, что одежда теперь висит на нем, как будто внутри нет ничего, кроме костей.

— Благодарю вас, — тихо сказала она.

Он сделал движение, словно хотел подать ей руку, но затем передумал. Некоторое время они смотрели друг другу в глаза, и Лидия подумала ни с того ни с сего, что надо еще что-то сказать...

Первым глаза отвел он. Двинулся к дверям, обернулся:

— Я побуду здесь, пока не начнет светать. Завтра засов на двери починят. Все эти свои штуки снова повесьте на окно. Я не сомневаюсь, что он узнал ваш адрес от Кароли и теперь от вас не отстанет...

Лидия содрогнулась. Как хорошо, что с ней будет хотя бы Маргарет!

Исидро склонил голову набок, прислушался.

— Она спит. — Хотел добавить что-то еще, но не добавил, словно не желая лишний раз поминать мисс Поттон.

Надо еще что-то сказать... Они стояли и смотрели друг на друга. Наконец Исидро сел на стул, на котором только что сидела она, и скрестил руки на груди. Лидия сняла с плеч его

плащ и, отдав Исидро, двинулась вверх по лестнице.

Действительно, Маргарет спала. Перед тем как забыться, она только расшнуровала корсет и вынула заколки, словно сон застиг ее внезапно. Лицо ее в свете ночника казалось очень несчастным. Руки у Лидии дрожали. Раздевшись, она сочла свет слишком ярким и хотела убавить фитиль. Подошла к ночнику и увидела полдюжины бумажных листков, лежащих вразброс вокруг корзинки с рукоделием.

Такое впечатление, что мисс Поттон читала их перед тем, как заснуть, а потом они выскользнули у нее из-под подушки. Лидия собрала листы. Чернила были современные, а вот почерк — явно елизаветинских времен.

Это были сонеты.

О мраке. О зеркалах. О бесконечных дорогах в ночи. Один из них Маргарет разорвала на четыре клочка. Лидия сложила их воедино.

И все поняла.

Темнее меди кровь на когте льва,
На мраморе — как розы лепесток.
Сравню ее горячий алый ток
С вином, и все же кровь не такова.
Кровь опьяняет, но помимо грез
Дарует жизнь и разум. Разлита
В ней светлая живая теплота,
Что звонче меди и нежнее роз.
Я видел медный локон отлив
И розу уст, что горестям назло
Слагается в улыбку, подарив
Иное, позабытое тепло.
Но плоть, что безвозвратно умерла,
Увы, другого требует тепла.

Листы были скомканы. Должно быть, Маргарет хранила их на самом дне своей корзинки. Бог весть, где и как она стащила их у Исидро.

Лидия разложила бумаги на полу так, как они лежали раньше, и увернула фитиль.

19

Странный клад для вампира...

И тем не менее. Серебряные ключи от автоматического английского замка. Целиком из серебра. Подковырнув красный изразец, Эшер долго смотрел, как они мерцают в открывшемся тайнике.

Местная работа. Скорее всего посеребренная бронза — иначе они просто погнутся в замке. Эшер взял ключи и взвесил на ладони. Даже в перчатках ни одному вампиру их долго не удержать. Разве что Мастеру Константинополя, который настолько стар, что может безнаказанно прикасаться к осиновому древку своей алебарды и носить на шее серебряное лезвие в толстых ножнах.

Сердце Эшера неистово колотилось, когда он опускал ключи в свой жилетный карман. Положил на место изразец, закрыв тайник, придвинул черно-белый стол. Пламя свечи колыхнулось, порхнули тени, и Эшеру вновь померещилось, что в дверном проеме стоит и безмолвно наблюдает за ним Олюмсиз-бей.

Но он знал, что такого произойти просто не может. У Олюмсиз-бея этой ночью была назначена встреча с одним из его деловых партнеров; вампир сам отвел Эшера наверх и запер на ключ.

— Я приношу извинения, — сказал Бей, — за моего Зардалу. Коварен и дерзок, как и

все дворцовые евнухи. Он нуждался в хорошей встряске, чтобы вспомнить свою любовь ко мне. — Янтарные глаза сузились, впились в лицо Эшера. В обманчивом свете лампы Мастер Константинополя, казалось, был целиком выточен из янтаря. Серьга в ухе пылала, как третий глаз. — Уверен, ты и сам понял, что он лжец, — продолжал Олюмсиз-бей. — Он откровенничает лишь в тех случаях, когда надеется на добычу.

— Он поведал мне немало странного об этом доме. — Эшер скрестил руки и взглянул в оранжевые глаза, изгнав из памяти образ отмычки, лежащей под ковром. — Дважды объяснил, как выбраться наружу. — Эшер солгал, желая услышать, что скажет на это Мастер.

Брови Олюмсиз-бея вздернулись, став похожими на диакритические знаки, а рот покривился в усмешке.

— Я смотрю, ты не воспользовался его советами. Обмануть Саида нетрудно.

— Оба раза Зардалу описывал дорогу по-разному, — сказал Эшер. — И я слышал, как они толковали об играх с дичью, за которой они гоняются в темноте по дому. Кроме того, я слышал крики бедного юноши и визг девчонки.

Еще один диакритический значок возник в уголке бесцветных губ вампира, и Эшер подумал, что неспроста птенцы приводят добычу своему Мастеру. Должен быть в этом какой-то резон.

Зардалу был прав.

Что-то держит Бея в Доме Олеандров.

«Эрнчестер? — размышлял Джеймс, осторожно прокрадываясь вдоль стены римского дворика и стараясь не наступать на растущую меж плит высокую траву — Бессмыслица! Почему он послал за Эрнчестером именно сейчас, а не год назад, не сто лет назад?... Почему не в июле, когда рухнула власть султана? Если Бей вызвал Эрнчестера на помощь против других вампиров, о которых проговорился Зардалу, зачем тогда держать графа в этой усыпальнице, где он должен испытывать такие муки?»

Мечь?

Эшер содрогнулся, пробираясь на ощупь среди колонн старого крыльца. Да, Бей мог ждать подходящего случая очень долго.

И все равно! Вызвать графа из Лондона, где тот, по сути, угасал, и заманить в город, в котором он провел восемнадцать месяцев, еще будучи живым человеком? Спустя двести пятьдесят лет?

И при чем тут этот «другой вампир»?

Что за машину затеялся строить Олюмсиз-бей? Для чего ему понадобился лед, тающий за серебряной решеткой усыпальницы?

Внезапно Эшеру пришло в голову, что Бей, возможно, хочет отомстить Антею, а вовсе не Эрнчестеру.

* * *

— Его нет в поезде, — сказала Антея, входя в купе, в то время как за окном плыли во мраке плоские равнины Венгрии. Шла первая ночь их путешествия из Вены в Константинополь. Изможденный, полубольной, Эшер прихлебывал принесенный проводником кофе, и малейшее содрогание вагона отзывалось в голове тупой болью. Антея в наброшенной на плечи шали с черными кистями, откинув вуаль, смотрела в черное оконное стекло. Во всем Восточном экспрессе освещено было одно лишь их купе. Эшер взглянул на Антею — и та показалась ему неописуемо прекрасной.

— Это хорошо. — Он отложил книгу, которую пытался читать (ужасную историю любви из римской жизни времен Нерона), и постарался, чтобы голос его звучал равнодушно. — Значит, у нас есть шанс прибыть в Константинополь раньше. «Мертвый путешествует быстро», — сказал Гете, но вряд ли быстрее Восточного экспресса. Даже если

Чарльз покинул Вену другим поездом, у нас в запасе день. Вы сможете узнать, когда он появится в городе?

— Я... не знаю. — Антея — прекрасный призрак в платье из лилового шелка — теребила жемчужную пуговку своей перчатки. И Эшеру невольно вспомнилась та юная вампириша, сотканная из лунного света возле больничной стены. Он желал ее тогда, он хотел ее. Нечто подобное происходило и сейчас.

— Я не знаю, что затевает этот Олюмсиз-бей, — спустя мгновение продолжала Антея. — Я посмотрела расписание. Перед главным вокзалом поезд останавливается на нескольких мелких станциях, и этот... Бей, Мастер... возможно, собирается встретить Чарльза на одной из них. Я не знаю, насколько мне опасно появляться на главном вокзале. Может быть, Чарльз вообще въедет в город не на поезде. Он никогда не любил ни поездов, ни лондонских подземок. Да и сам город, его звуки, запахи... все будет иным, незнакомым. — Антея помолчала, пальцы ее оглаживали пурпурный плюш шторы, она по-прежнему смотрела в темное окно. Смотрела в ночь глазами ночи. — Даже Париж сильно отличается от Лондона, — наконец сказала она, словно говоря сама с собой. — В Лондоне я чувствую на расстоянии нескольких миль, что полисмен сегодня обходит район по новому маршруту. Я чувствовала Чарльза, где бы он ни находился... Вена и вовсе другая: хаос, игра без правил. Константинополь... — Антея покачала головой, но Эшер ощутил некую едва уловимую дрожь в ее голосе. То ли от страха, то ли от радости. — Странно... — Она произнесла это так тихо, что Эшер еле расслышал. — Я ведь должна бояться. Вне Лондона я — как улитка без раковины, кролик без норы. И все же я ощущаю восторг. Мост Александра в Париже — весь в огнях; музыка и запахи Вены... Я там была как пьяная, хотя знала, что могу погибнуть в любую секунду. Все было такое новое, такое удивительное. Не знаю, испытывали вы что-нибудь подобное?

Не с такой остротой, — сказал Эшер. — Никогда не был мертвым.

— Но ведь это и значит чувствовать себя живым, правда? — Антея обернулась; вынув стальную заколку, сняла шляпу и рассыпала по плечам черную вселенную своих волос.

Эшер кивнул, чувствуя, как очарование сменяется жалостью:

— Вы никогда не хотели быть вампиром, так?

Антея помедлила. Шляпу, похожую на темный букет, она все еще держала в руках.

— Так, — сказала она. — Обретенная острота и богатство ощущений... аромат кофе, цвет шелка... И запах крови, пота, человеческого страха. Да, конечно, никому из смертных этого не постичь, разве что младенцам. Но все, чего я хотела, это не разлучаться с Чарльзом. И вот однажды я этого достигла. — Губы ее покривились. «Бледные», — автоматически отметил Эшер. После того как Антея извлекла его из своего дорожного гроба, они еле успели на этот поезд.

— Я так понимаю, что люди становятся вампирами, лишь бы продлить свое существование. — Она медленно намотала на палец страусиное перо шляпы. В глаза не смотрела. — Но быть мертвым — значит... остановиться. Вот что с нами случилось. Мы не путешествуем, потому что это опасно. Мы прячемся в наши дома, усыпальницы, тайные убежища, потому что дневной сон неодолим. Мы замыкаем себя на сотни замков, мы пытаемся уберечь себя любой ценой. Мы делаемся мертвыми. Путешествие вроде этого... — Антея еще раз покачала головой. — Все новое опасно, ибо грозит смертью, но смерть — это необходимое условие жизни. Иногда мне кажется, что я больше никогда не вернусь в Лондон.

Эшер вспомнил Крамера. Из мальчишки бы вышел толк, будь у него тогда хоть один-единственный шанс.

Антея протянула руку Эшеру. Лицо ее было печальным и прекрасным. То, что хотела сделать в Венском лесу с Джеймсом та лунная девушка, эта женщина делала с сотнями мужчин в трущобах ночного Лондона. Они хотели ее, они желали ее, они сходили по ней с ума и сами шли к ней в руки. Вспомнился ему и жалобно кричащий Фэйрпорт, когда венские вампириши сдирали с него одежду и аккуратно надкусывали вены, чтобы полностью

насладиться его отчаянием и ужасом... Фэйрпорт, всю жизнь желавший только одного — жить, как все нормальные люди...

Тем не менее Эшер подал Антее руку. Пальцы их встретились.

— Спасибо вам, что поехали со мной, — тихо сказала она. — Спасибо за то... что спасли меня.

* * *

Иногда мне кажется, что я больше никогда не вернусь в Лондон.

Стоя во тьме усыпальницы, Эшер чувствовал неодолимый ужас при мысли, что больше никогда не увидит Лидию.

Он часто думал о ней, сидя взаперти и слушая утреннее пение муэдзинов, неумолчные крики чаек или шепчуще-легкие шаги птенцов Мастера Константинополя в темных лабиринтах внизу. Иногда он развлекал себя мыслишкой, что, если уж ему суждено умереть в Доме Олеандров, то по крайней мере вокруг него в последний миг столпятся вампиры, а не родственнички, поссорившиеся из-за наследства на похоронах кузена...

Но мысли снова возвращались к Лидии. Семь лет. Их могло быть больше. Возможно, она последовала за ним в Вену, но не дальше. Ни Холивелл, ни полиция, ни даже австрийская контрразведка не могли проследить, как они с Антеей садились в поезд. Все произошло слишком неожиданно, слишком быстро... Стройная, прекрасная, как фея, упорно считающая себя дурнушкой... Ах, если бы увидеть ее хотя бы еще раз — перед смертью! И ничего больше не надо...

Внезапно ему пришло в голову: а что, если, пытаясь отыскать его следы в Вене, Лидия встретилась с Франсуазой?...

* * *

Окисляющиеся серебряные прутья тускло отражали желтенький огонек свечи. Эшер аккуратно установил ее на поперечину. Основание свечи он обернул вырванным из книги листом, чтобы не закапать пол воском, пока он будет орудовать бронзовой отмычкой. Ноябрьская ночь, завалы льда неподалеку, тишина и темнота. Руки не слушались от холода и страха. От запаха аммиака першило в горле.

Серебряные петли не скрипнули. Эшер шагнул в низкий коридор, залитый водой и усыпанный древесными опилками.

Зачем здесь лед? Исидро, помнится, говорил, что вампиры с возрастом начинают страдать от холода. Неужели только для того, чтобы создать неудобства старому врагу? Эшер очень бы хотел знать: если он снова освободит Эрнчестера, поможет тот ему бежать отсюда или же исчезнет, как в Вене, оставив его на милость Мастера?

Вторая дверь, как и подозревал Эшер, вела в тесную путаницу змеевиков, труб и резервуаров. Запах аммиака здесь был просто нестерпим. Желтый отсвет скользнул по буквам на ограждении: «Цванцигштейархундерт Абкулунггессельшафт».

Компания «Двадцатый век». Холодильное оборудование.

Морозильные камеры, вакуумные установки, мерзкий кишечник резиновых шлангов. Стекланные бутылки с ядовитым газом мерцали, как чудовищные яйца. Хотя пол в коридоре был весь в лужах, Эшер не заметил под ногами ни мокрых следов, ни прилипших опилок. Вспомнив, как устанавливали отопительную систему в лекционном зале Нового колледжа, он рискнул предположить, что здесь тоже имело место повреждение какого-то клапана, за которым пришлось послать в Берлин.

Пять дней как поломалось, — визжал Бей, — и до сих пор ни слуху ни духу...

Эшер вышел, закрыл и запер дверь, протер серебряную ручку носовым платком.

Другая дверь была холодна, как лед. В ответ на звук ключа в замке изнутри донесся болезненный стон. Глухо, будто из могилы.

Зловоние буквально ослепило Эшера, стоило ему приоткрыть дверь. Он зажмурился, отвернул лицо. Глупо... — подумал он. И тут же: — Да здесь еще холоднее... Дыхание клубилось облаком, позолоченное светом огарка, на стенах мерцала изморозь, под ногами — лед.

Но все это было несущественно по сравнению с тем, что ползло к Эшеру по полу, покрытому смерзшимися опилками и стружками. Взглянув в лицо ползущего — в то, что осталось от лица, — он понял все, хотя понимание это не имело никакого отношения к Эрнчестеру.

Затем дыхание Эшера пресеклось — он ощутил железную хватку огромной руки, а в следующий миг его швырнули об стену с такой силой, что ноги отделились от пола. Он успел лишь пригнуть голову — иначе бы она просто раскололась о камень, но удар был настолько силен, что ребра хрустнули. Эшер закричал — вернее, попытался это сделать. Сознание помрачилось. Затем Олюмсиз-бей ударил его об стену еще раз. Левое плечо пронзила боль, словно по нему хватили топором. И все же Джеймс смог расслышать гремящие над ним проклятия на арабском, персидском и турецком...

— Ты этого хотел? — Эшер уже и не знал, на каком языке это было выкрикнуто. — Этого искал?

Стальная рука вздернула ему голову, едва не сломав шею. Оказывается, он уже лежал на полу в луже ледяной воды.

— Это то, что ты хотел увидеть?

Эшер не видел ничего — оброненный огарок погас. Перед глазами стояло лиловато-серое лицо твари, ползущей к нему по полу усыпальницы. Страшные когти разорвали рукав — от кисти до плеча, гранитное колено Олюмсиз-бея прижало Эшера к полу, шейные позвонки чуть не затрещали. Затем когти вонзились в плоть, вскрыв вену. Кровь обожгла холодную кожу — и тут же что-то у стенки встрепенулось, с низким горловым клототанием поползло на запах. Эшер чувствовал, как оно слепо тычется в его руку, скользкое, липкое, с острыми зубками; он слышал шепот Мастера:

— Пей, мой котенок, пей, мой мальчик, мой любимый... пей...

Что-то похожее на руку — что-то бывшее когда-то рукой — вцепилось в его кисть.

Затем с отрывистым звуком тварь отпрянула, откатилась, поползла к двери усыпальницы. Там ее вырвало. Олюмсиз-бей тут же бросил Эшера, и тот немедленно потерял сознание.

В себя он пришел через минуту или через две — от боли. На руку его накладывали жгут, а сам он лежал в ледяной воде, ослабев от потери крови.

Тихо, ибо каждое движение причиняло боль, он выдохнул:

— Так вот зачем тебе понадобился Эрнчестер?

— Это не твое дело! — Голос Мастера Константинополя звучал резко и сдавленно. Он затянул повязку с такой силой, что Эшер невольно вскрикнул.

— Я знаю, что ты воюешь с чужаком, вторгшимся на твою территорию. Я знаю, что ты не доверяешь своему нынешнему выводку... и я знаю, что ты больше не способен создавать новых птенцов. — Ногти снова впились в руку Джеймса, терзая онемевшую плоть. — Я угадал? Ты потерял эту способность уже давно. Вас всего шестеро на крупнейший город... Город, где власти не обращают внимания на убийства армян, евреев, бедняков! Даже твои птенцы поговаривают, что ты стал слишком разборчив в выборе новых вампиров... на место тех, которых уничтожил раньше... Но когда пришел чужак, ты все же попытался. И попытка не удалась. Ты смог взять разум птенца, но не смог изменить состав его плоти... И тогда через бывших союзников султана (а с ними у тебя давняя связь!) ты послал за единственным вампиром, которого смог бы держать под контролем... чтобы он сделал для тебя то, чего не сумел сделать ты сам...

Пальцы вампира сомкнулись на его горле, как волчьи челюсти, а колено, подобное пятаку

гранитного столба, вновь вдавилось в грудь. Олюмсиз-бей произнес очень тихо:

— Я... мог бы... убить тебя...

— Если бы не нуждался в наживке... — просипел Эшер. — Наживке для поимки Антеи, а значит, и графа... Если, конечно, Эрнчестер еще не связался с чужаком...

Пальцы на горле разжались, прошелестел, мазнув по лицу, шелк одеяния Бея. Вампир встал. А затем пнул Эшера, как в бешенстве пинают камень. Потом еще раз. Потом еще. А потом Джеймс снова потерял сознание.

20

— Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет — Пророк Его. — Голос муэдзина, как золотая спица, пронзил тяжелый липкий туман сновидений. — На молитву! На молитву!

«Антея», — подумал Эшер, пытаясь выбраться на поверхность и снова соскальзывая в бархатную темную бездну. Антея стояла у вагонного окна, он видел ее молочно-белый профиль на фоне обсидиана ночи. «Чарльз никогда не любил поезда», — сказала она. Затем ее бледные руки и лицо стали мраморными надгробными стелами за Адрианопольскими воротами, а чернота волос и платья обратилась в черноту ночи.

В хрупком лунном свете он увидел маленького сутулого старомодно одетого мужчину, движущегося от надгробия к надгробию с порхающей легкостью вампира. Выйдя на открытое пространство, Эрнчестер замер. Эшер почувствовал присутствие некой тени, еще не видя ее; просто ему показалось, что снова пахло кровью и гнилью. Эрнчестер двинулся, словно бы собираясь бежать, но тень уже была перед ним

Воздух вздрогнул, пронизанный смехом вампира.

Думаешь, он перестал ему покровительствовать и теперь этот человек наш?

Голос проник в его мрачные сны, тихий, как шелест ветра, но Эшер знал, что голос этот ему не приснился. Ужаснувшись, Джеймс тщетно пытался выбраться из пропасти сновидений.

— Если бы он захотел его смерти, она бы уже наступила, — проворчал другой голос, явно принадлежащий одноглазому Харалпосу.

— Разбудим его, — хихикнула Байкус Кадинэ. — Разбудим и спросим.

«Разбудим!» — Он застонал во сне. — «Разбудим!» Они уже стоят вокруг моей кровати!

— Может быть, оживить его поцелуем? — Глубокий грудной голос Пелагеи. — Как царевну в тереме?

Что-то похожее на острые ногти пробежало по его голой груди.

Шепот расплывался, пропадал. Эшеру казалось, что он видит тусклый золотистый очерк дверного проема, подсвеченный дырчатой медной лампой из коридора. Сами вампиры, столпившиеся вокруг него, были незримы, и лишь зрачки их изредка вспыхивали красным.

— Может быть, он знает, куда делся Бей?

— Почему ты думаешь, что он знает?

— Кто-то же принес его сюда...

— Мы должны найти его...

— И что, мы ему скажем? — насмешливо спросил Зардалу. — Что какой-то негодный армянский пес был найден с разорванным горлом?

— Обескровленный...

— В церкви...

— Этот человек был священником...

— Тогда он тем более этого заслуживал.

— Если бы только он! А еще старик, продававший инжир...

— Он становится дерзок, наш Сумеречный Волк. — Зардалу произнес это имя по-турецки — Гелге Курт; слово прозвучало гортанно и резко. — Теперь Бей волей-неволей должен нарушить уединение, снова выйти в ночь, прекратить возиться с дастлахом и со

своими неверными алеманами...

— А если он этого не сделает?

— Таких убийств не прощают. Не удивлюсь, если Бей прикажет нам найти этого чужака Гелге Курта и убить его...

— А что бы ты сказал о крестьянине, вообразившем себя солдатом только потому, что другой выслужившийся крестьянин вручил ему ружье?

— Мы должны найти Бея...

— ...найти его...

Эшер уже не знал, точно ли они толпятся в его комнате. Ему вдруг показалось, что если он сейчас проснется, то найдет ее пустой. Двери открыты настежь, в пятнистом свете висящей в коридоре лампы смутно золотится стена.

«Это не твое дело!» — сказал Олюмсиз-бей.

И Чарльз: «Я любил ее до самой смерти и после смерти».

Эшер подумал, что знает, где нужно искать Олюмсиз-бея, — и сердце его сжалось от боли и жалости.

* * *

— Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет — Пророк Его. — Отдаленный голос муэдзина проник сквозь оконные решетки, за которыми истекал кровью причудливый и величественный константинопольский закат.

Лидия никак не могла совладать с собственными руками и придать прическе хотя бы относительную симметричность. «Да и в конце-то концов, — подумала она, пытаясь сосредоточиться исключительно на щипцах для завивки, — никогда они у меня не кудрявились как положено...»

Она старалась не глядеть на стол, где лежал вскрытый конверт с короной Габсбургов.

В этом не было нужды. Лидия уже знала содержание письма наизусть:

Если вам дорога жизнь вашего мужа, мы можем встретиться возле Горелого Столпа сегодня в 3.00. Один из ваших знакомых — слуга Бея, но не говорите об этом никому, иначе ваш муж к утру будет мертв. Доверьтесь мне. Кароли.

Доверьтесь мне...

Горелый Столп Лидия видела два дня назад, когда они с Разумовским направлялись к базару. Столп представлял собой массивный монумент из византийского порфира с закопченным бронзовым всадником, стоящий в самом средоточии старого города, окруженный лабиринтом дворов, переулков, складами и заброшенными банями.

Идеальное место для похищения, особенно если жертву предварительно усыпить хлороформом. Когда ей, утром доставили это письмо, Лидия первым делом подумала: Да что он меня, за дурочку принимает?

Однако уверенность в том, что подозрение ее правильно, не принесла Лидии облегчения, когда во время чаепития у леди Клэпхэм часы в посольстве пробили три.

И если герр Якоб Цайттельштейн сегодня вечером не придет на прием к этому турку, приятелю герра Хиндла (при условии, что герр вообще вернулся из Берлина), что ей тогда делать?

Уже среда. Джеймс пропал неделю назад.

Она закрыла глаза, щипцы остывали в опущенной руке. Боже правый, помоги мне найти его, — молилась Лидия. — Господи, укажи хоть еще одну ниточку, кроме этой...

«Лед», — немедленно пришло ей в голову. В памяти зазвучал голос Разумовского, приглушенный гомоном Большого Базара. «Кто-то с кем-то обязательно знаком...»

Если герр Якоб Цайттельштейн отправился в Берлин за какой-то деталью сломавшейся холодильной установки, Олюмсиз-бей должен покупать лед. За пару дней можно проследить.

Я не могу ждать пару дней! — в отчаянии подумала она. — Джейми не может ждать

пару дней!

Сзади слышался какой-то шум, и Лидия испуганно открыла глаза.

В зеркале она увидела, что на пороге комнаты, моргая от льющегося сквозь решетки света, стоит Маргарет.

Желудок болезненно сжался.

Только не перед встречей! — безнадежно подумала Лидия. — Еще одной сцены я не вынесу...

Она поправила очки и обернулась, не вставая со стула. Рыжие волосы рассыпались по плечам. Следовало сказать что-нибудь нейтральное, например: «Здравствуйте, Маргарет», или: «Ну как? Вы купили, что собирались?» (Гувернантка ушла из дому утром, когда Лидия еще не проснулась.) Но сил на слова не нашлось. Лидия молча смотрела, как Маргарет озабоченно теребит кружево своей митенки.

Наконец она подняла глаза:

— Миссис Эшер... Лидия, я... я прошу извинить меня.

С пятилетнего возраста Лидию приучили, что в таких случаях следует улыбнуться и сказать: «Все в порядке». Но рука чуть выше локтя была накрест залеплена пластырем и перебинтована. Доктору Манцетти и леди Клэпхэм, порекомендовавшей Лидии этого врача, она сказала, что ее покусала собака.

Спрашивать «Почему?» тоже не имело смысла.

Найденный ею сонет все уже объяснил.

Прошедшей ночью она долго не могла уснуть, строки не шли из головы, заставляя сердце биться сильнее. Ничего похожего Лидия еще не ощущала. Во всяком случае, к Джеймсу она испытывала совсем иные чувства. А тут вернулся старый страх перед Исидро...

Но в синих глазах Маргарет стояли слезы, и гнев пошел на убыль.

— Вы боялись за него, — словно бы утешая ее, сказала Лидия. — И вы хотели помочь ему. Вы боялись, что он умрет из-за этого данного мне обещания.

Маргарет вспыхнула, пошла пятнами и снова уставилась на свои перчатки. Из-под очков поползли струйки слез. «Эта женщина пыталась убить меня, — устало подумала Лидия. — Почему я должна щадить ее?»

Однако Лидия знала ответ и на этот вопрос. Потому что не сонет был причиной того, что Маргарет вчера захлопнула дверь. Причиной была она, Лидия Уиллоуби, наследница, отнявшая у Маргарет последнее. Ведь ни один из найденных сонетов не был посвящен мисс Поттон.

— Простите, — прошептала Маргарет. — Простите меня. Я сама не знаю, что такое на меня нашло... — Хотела убежать, но остановилась, обернулась, привычно ожидая наказания.

Может быть, вампир просто внушил ей вчера острое чувство ревности? Лидии вспомнилось на мгновение смуглое одутловатое лицо чужака, его звериный оскал...

Нет. Такое скорее было бы в духе дона Симона...

Лидия содрогнулась. Она уже не могла думать об Исидро, о том, как они играли с ним в пикет, о том, как он, уходя, обернулся на лестнице и оперся белой рукой на перила...

— Все в порядке, — сказала она.

Маргарет отвернулась и заплакала.

«Проклятие!» — подумала Лидия. Усталая, подурневшая, измученная подозрением, что убила Джейми, не пойдя на встречу с Кароли, не знающая, как быть, если Цайттельштейн сегодня не явится на прием, — она еще должна была кого-то утешать!..

* * *

— Вы уверены, что с вами все в порядке, милая? — Леди Клэпхэм тронула руку Лидии. Они уже входили в городской дом мсье Демерси, выстроенный над темными водами Мраморного моря.

Лидия кивнула, хотя чувствовала себя и впрямь неважно. Она с удовольствием осталась бы дома по примеру сраженной мигренью Маргарет. Перевязанная рука под длинными оперными перчатками и кружевами рукавов болела. Единственное, о чем Лидия сейчас молила Бога, — не встретить на этом приеме Игнаца Кароли.

— Я бы выпила немного шампанского, — сказала она, пока двое стройных слуг (по европейскому обычаю — в ливреях и париках) проводили их в залу.

— Вам надо выпить бренди, — отрубила леди Клэпхэм. — И я об этом позабочусь.

Хозяин дома, турок, отучившийся в Сорбонне, щеголял в безукоризненном вечернем костюме, но его смуглое полное лицо и щетка жестких усов вызвали в Лидии неприятные воспоминания о мерцающих в ночи клыках. Хозяйка, младшая дочь силезского аристократа, была, по мнению Лидии, похожа на породистого кролика в желтом атласном платье. Судя по всему, ливреи и парики слуг в духе восемнадцатого столетия, электрические канделябры и венецианские зеркала были ее затеей. Равно как и бело-золотые стулья в стиле Людовика XVI. Герр Хиндл сердечно приветствовал Лидию, но тут же осведомился о здоровье и выразил уверенность, что нежному прекрасному полу не стоит интересоваться делами и предпринимать утомительные поездки по старому городу...

Но это исключительно ради мужа. Видите ли, муж должен был встретить ее в Константинополе, и вот уже неделя, как о нем ни слуху ни духу. (Лидия развернула веер, надеясь, что, обмахиваясь, не будет выглядеть столь изможденной.) Кстати, не здесь ли герр Цайттельштейн? Муж говорил, что досточтимый герр тоже имел дело с неким клиентом, который, возможно, мог бы сообщить...

О, конечно! Конечно! Всенепременно! Якоб только что вернулся из Берлина и будет рад познакомиться, а помочь — тем более...

Якоб Цайттельштейн оказался моложавым, крепко сбитым мужчиной, даже в вечернем костюме сильно напоминавшим одного из монтеров, которых его компания направляла в Оттоманскую империю. Кроме того, он производил впечатление человека, никогда не забывающего имен, лиц, обстоятельств и держащего в своих мясистых пальцах всю возможную информацию.

— Видите ли, мой муж перед отъездом упомянул, что ведет дела с «Дарданелльской земельной корпорацией», — объяснила Лидия, назвав компанию, выдавшую 26 октября чек на сумму в восемьдесят фунтов некому Фекетело. По словам Разумовского, Игнац Кароли покинул Константинополь внезапно, таинственно, под чужим именем, причем двадцать седьмого числа. Чек Лидия обнаружила сегодня днем. — Муж сказал, что должен встретить здесь кого-то из этой компании, и я, право... Все это ужасно нелепо, — добавила она, — но должны же они хоть что-то о нем сообщить. — Она беспомощно взглянула на Цайттельштейна. — Однако я не знаю, ни кто они такие, ни где их искать...

— «Дарданелльская земельная»? — Цайттельштейн вздернул брови — Таинственный герр Фиддат?

— Кажется, речь шла о нем... — Лидия пригубила превосходное шампанское мсье Демерси. — Они ведь и ваши клиенты, не так ли?

— Ха-ха! — вострубил Хиндл. — Она в курсе всего, эта маленькая мудрая леди.

— Он, — со странным выражением поправил Цайттельштейн. — Он, а не они. Насколько я понимаю, «Дарданелльская земельная корпорация» существует только на бумаге. Обычное дело. Таких компаний сейчас огромное множество. Фиддат... — Он покачал головой.

Почувствовав, что попала в цель с первого выстрела, Лидия округлила глаза:

— Что же в нем странного?

— Все. — Цайттельштейн снова покачал головой. — Это из-за него мне пришлось съездить в Берлин. Ему зачем-то вдруг понадобилась холодильная установка в римской усыпальнице под его дворцом. Когда вышел из строя клапан насоса, он не стал ждать, как все нормальные люди, пока из Берлина пришлют с экспрессом новый клапан. Нет! Он выложил пять тысяч франков — почти две сотни фунтов! — и потребовал, чтобы я привез

ему этот клапан лично...

— Они очень богаты, эти турки, — важно заметил Хиндл. — Аммиачные холодильные установки, как вы должны знать, моя дорогая фрау Эшер, гораздо лучше, чем старые системы, использующие сернистый ангидрид. Сернистый ангидрид, знаете ли, имеет прескверную привычку разъедать машинерию. Ха-ха!

— В самом деле? — Лидия одарила его лучезарной улыбкой и снова повернулась к Цайттельштейну, пресекши таким образом дальнейшие разъяснения. — И он был рад получить от вас этот клапан?

Цайттельштейн покачал головой:

— Не уверен, фрау Эшер. Сегодня днем я обнаружил лишь несколько истерических писем от его агента... Ваш муж когда-нибудь встречался лично с герром Фиддатом, фрау Эшер?

Лидия покачала головой.

— Я думала, существует некое запрещение для мусульман вести дела с христианами лично. Я, конечно, имею в виду не обычных правоверных мусульман, но у них же там есть секты дервишей.

— Это вы явно не о тех дервишах, с которыми я знаком, — осклабившись, заметил Хиндл. — Я смотрю, вы о них вообще ничего не знаете, ха-ха!

Цайттельштейн тоже осклабился:

— Ну, насколько мне известно, мусульмане всегда готовы были вести дела хоть с евреями. — Затем усмешка исчезла, он стал серьезен и задумчив. — Я скажу так: агент его напуган. Это заметно. Мое собственное подозрение таково: этот Фиддат — прокаженный.

— Как необычно! — воскликнула Лидия, и в голосе ее прозвучало нетерпение («О, продолжайте, пожалуйста»).

— Никто, насколько я знаю, его не видел, — продолжил Цайттельштейн и взглянул на Хиндла, как бы предлагая подтвердить свои слова.

Тот почесал крыло носа.

— Весьма таинственный малый. — Обернулся и встретился взглядом с хозяином. Мсье Демерси прохаживался по залу, останавливаясь то тут, то там и вступая в краткие беседы с гостями. — Джафар, вы ведь тоже никогда не видели герра Фиддата, не так ли? И не бывали в его дворце?

— О, в Доме Олеандров я как раз бывал, — заметил Цайттельштейн. — Потратил чуть ли не десять дней, собирая этот злосчастный компрессор... Бр-р, какой там холодина в подвалах! Но меня всегда встречали только слуги, отводили в усыпальницу и стояли смотрели, пока я там работал...

— По словам Хасан Буза... Это, видите ли, мадам, поставщик льда. — Демерси отвесил вежливый поклон, сразу став похожим уже не на турецкого корсара, но скорее на вымуштрованного солдата. — Примерно то же самое случилось и с его людьми, которых он послал туда. Лед (около десяти тонн) свалили в коридорах, слуги расплатились с рабочими и выпроводили их. Говорят, что это проклятый дом.

— Где он находится? — спросила Лидия.

Слуга, появившийся между резных колонн, окружавших зал, почтительно подал знак хозяину. Тот извинился, отпустил еще один поклон и направился к слуге. Цайттельштейн сказал:

— В старой части города, возле базара. Если вы пройдете от Валидэ-ханум по Чакмакаджитар, то это будет третий поворот вверх по холму. Сам дом включает в себя по меньшей мере три старых караван-сарая, но вход именно там, где я сказал. Идите вдоль стены, пока не наткнетесь на главную дверь. Но если вы собираетесь познакомиться лично с герром Фиддатом, — добавил он, — не вздумайте идти туда без эскорта. Я, разумеется, имею в виду не леди Клэпхэм.

— О, конечно, — согласилась Лидия, чувствуя, как сердце бьется все быстрее и быстрее.

— Боже правый, естественно, нет! — воскликнул неприятно пораженный Хиндл. — Европейская леди в таком районе?...

«Завтра, — подумала она, озираясь в поисках князя. — С Разумовским или с парой крепких слуг из русского посольства. Боже, сделай так, чтобы слова Кароли оказались ложью...»

Конечно же, они были ложью, они не могли не оказаться ложью, и это его предупреждение: «Один из ваших знакомых — слуга Бея», — старый трюк (Джеймс не раз рассказывал о чем-то подобном). Может быть, наведаться туда ночью вместе с Исидро? Но здравый смысл подсказывал, что делать этого не стоит. Исидро сейчас слаб, да и много ли он сможет в чужом гнезде? Нет. Идти надо только днем...

Вернулся встревоженный Демерси.

— Должен предупредить, — тихо сказал он. — Опять беспокойства в армянских кварталах. Будете разъезжаться — лучше возвращайтесь через Махмуди и Баб-Аль-Джаддесси, но не через Баязид.

Хиндл нетерпеливо взмахнул рукой:

— Но войска хотя бы на этот раз вызывать не будут?

— Не уверен. Дело пока еще не зашло так далеко. Однако было совершено несколько... странных... убийств, и это может привести к новому мятежу. — Он вновь поклонился Лидии. — Это может показаться вам странным, мадам, но я прошу вас не одобрять действия армии и правительства. Мы не варвары, хотя вы, конечно, думаете иначе. Нас тысячи, нас десятки тысяч — возмущенных тем, как войска расправляются с армянами и греками в этом городе. Было ужасной ошибкой вложить оружие завтрашнего дня в руки тех, кто еще живет днем вчерашним.

Большинство гостей восприняли известие о возможном мятеже с удивительным спокойствием, словно все это происходило за тридевять земель и нисколько их не касалось. Может быть, потому, что с июля мятежей они уже навиделись достаточно, а может, потому, что жили в относительно спокойном районе Пера. Или их интересовала исключительно торговля железнодорожными шпалами, машинами, солдатскими ботинками, как саму Лидию интересовали только ее медицинские исследования. Правда, несколько посольских жен отбыли довольно рано, но леди Клэпхэм сказала:

— Вздор! Лучше позже, чем раньше. К тому времени все бунтовщики разойдутся по домам, и мы сможем проехать напрямик.

«Возможно, она права», — подумала Лидия. Во всяком случае, князь Разумовский («У этих русских азиатское понятие о времени!») даже еще не появлялся в зале, а поговорить с ним было просто необходимо. Лидия понимала, что, обратиться она к сэру Бернуэллу с просьбой помочь ей попасть в старый стамбульский дворец, тот ограничился бы дипломатически вежливым письмом в «Дарданелльскую земельную корпорацию», вместо того чтобы прислать пару казаков с дубинками.

Оставалось ждать, поклевывая за столом салат из омара и слушая, как герр Хиндл с герром Цайттельштейном смакуют подробности недавнего скандала с братом кайзера. После ужина были танцы. Лидия заставила себя принять приглашение от герра Цайттельштейна на тур вальса, затем танцевала шотландку со священником из Американской лютеранской миссии в Галате — и все высматривала, не мелькнет ли в толпе гостей роскошный зеленый мундир князя или, упаси Боже, грациозная фигура Игнаца Кароли.

Она немного беспокоилась о Маргарет, оставленной на рю Абидос с мадам Потонерос и ее дочерьми, хотя скорее всего в отсутствие Лидии ни Кароли, ни его сообщник вампир — сообщник? — не станут пытаться проникнуть в дом. Замок на входной двери починили, решетки окон заплетены шиповником и гирляндами чеснока.

«Я могу вызвать любого, с кем хоть раз встретился взглядом, — говорил Исидро, когда в купе они обсуждали за пикетом „Дракулу“. — Даже если это незнакомец, он сам снимет с себя серебро (если оно на нем есть), или чеснок, или прочие травы, воспаляющие и обжигающие нашу плоть. Это несложно...»

Лидия содрогнулась, представив, как по слову вчерашнего турецкого вампира она сама снимает свои цепочки. Чужак мог нашептать ей это и во сне. Лидия предупредила мисс Поттон насчет Кароли и попросила домовладелиц не выходить во двор до рассвета. Вот все, что она могла сделать.

Теперь Лидия стояла у завешенного тяжелой шторой окна, выходящего на старые римские стены у моря, и высматривала среди вновь прибывших богатырскую фигуру Разумовского (несмотря на поздний час, гости все продолжали съезжаться), когда локтя коснулась холодная рука и голос, подобный вздоху ветра, шепнул:

— Сударыня?

Сегодня днем, вспоминая слова сонета, она не знала, как теперь говорить с ним и можно ли с ним вообще говорить. Но сейчас в беспощадном свете электрических канделябров он даже и не пытался прикидываться живым. Таким он, должно быть, видел себя в зеркале. Иллюзия исчезла, чары развеялись.

Под плащом у него был вечерний костюм. Лидия даже хотела съязвить: «А косу и песочные часы вы оставили в передней?» — но не съязвила. Потому что увидела его глаза.

— Они идут громить дом Олюмсиз-бея, — тихо сказал дон Симон. — Мятежники-армяне. Их — сотни, и они жаждут мести.

— Кто?... Откуда?... — Затем Лидия вновь обрела дар речи. — Возчики льда, — уверенно сказала она. — Вот кто знал, где его дом...

— А также сказители. — Исидро увлек ее за руку подальше от гостей в обеденный зал, потом — в кухню, к лестнице черного хода. — А также нищие, видевшие ночные тени. Где его дом, знали все. Просто боялись и молчали, пока не был убит священник и ярость их не одолела страх. Наденьте это...

Она накинула черный плащ и проследовала за вампиром мимо ничего не замечающих слуг, моющих тарелки и несущих в зал лед для шампанского, мимо лакеев и кучеров, греющихся у огня во дворе конюшни и тревожно прислушивающихся к дальним крикам и одиночным выстрелам.

— Что произошло? — Она приостановилась в переулке, чтобы извлечь из мешочка свои очки. Надела — и окружающий мир обрел ясность дурного сна.

— Кто-то из вампиров убил священника. И еще одного старика, безобидного продавца инжира, у которого внуков — как у царя Давида.

В узкой улочке позади высокого и угловатого особняка Демерси людской гомон отдавался пугающе громко. Отблески пламени танцевали на деревянных строениях и каменной кладке, на поросших травой стенах.

Они убьют меня уже за то, что я англичанка... — подумала Лидия.

От страха она едва смогла собраться с мыслями.

— Это Кароли, — сказала Лидия. — Кароли и чужак. После того как я отказалась с ними встретиться, они вызвали мятеж, чтобы толпа все сделала за них...

В проеме между домами она увидела в неровном свете короб сломанного экипажа и на нем — седобородого человека в черной рясе, взмахнувшего распятием. Люди вокруг потрясали факелами, палками и всем, что могло служить оружием. Женщины визжали, как гарпии.

— Чтобы эта толпа убила Джеймса, — продолжил над ухом холодный бесстрастный голос, — и любого, кого она встретит во дворце Бея. Если Антея и Чарльз сейчас там, то они скорее всего содержатся взаперти и тоже не смогут спастись. Строитель этой холодильной установки был сегодня на приеме? Вы говорили с ним? — Исидро поддержал за локоть споткнувшуюся Лидию и направил в тесный проход, где под ногами зачавкала мерзкая грязь.

— Он сказал, что надо идти по Чакмакаджитар Йокуссу мимо Валид-хана, а потом повернуть на третьем перекрестке вверх по холму...

— Я знаю, о чем вы, — сказал Исидро. — Я подозревал, что это где-то в той стороне, но не думал, что так близко. — Лунный свет скользнул по сорочке, манжетам, по бледному лицу, и Лидии показалось, что ее сопровождает скелет. — Нам надо успеть в этот дом

раньше, чем туда доберется толпа. И раньше, чем Олюмсиз-бей убьет Джеймса как опасного свидетеля — если, конечно, Джеймс еще жив...

21

Эшер знал, что должен выбрать между побегом и смертью.

Он очнулся незадолго до начала ружейной пальбы на улицах и некоторое время лежал, прислушиваясь к шуму снаружи. Гомон то нарастал, наливаясь яростью, то угасал, и напоминало это пьяную ссору, когда собеседники, почти уже примирившись, вновь вспоминают причину ругани — и все начинается сызнова.

Была уже глубокая ночь, возможно, дело шло к рассвету. Даже во время мятежа в Тьенцине — самого страшного мятежа, который довелось пережить Эшеру, — к этому часу волнения обычно стихали. Видимо, случилось что-то неожиданное, снова взбудоражившее мятежников.

Затем из общего воя стали проступать отдельные знакомые выкрики.

Волкулак. Хортлак. Ордог.

Они шли жечь Дом Олеандров.

Вампиры убегут, — подумал Эшер.

Олюмсиз-бей скорее убьет меня, чем позволит рассказать о том, что я здесь видел.

Пятнистый свет лампы из коридора еще очерчивал отверстый дверной проем.

Мысль о том, что нужно встать, ужаснула Эшера. Каждый вздох отзывался болью, как будто по ребрам били топором. Он осторожно перекатился на пол и с трудом поднялся на ноги. Какое счастье, что турецкие диваны такие низкие! Пол под босыми ступнями показался ему ледяным. На Эшере была длинная рубаха, остальную одежду он нашел рядом с диваном. Снова сел и принялся одеваться. Труднее всего было с ботинками — пока обувался, несколько раз чуть не потерял сознание.

К величайшему своему изумлению, до двери Эшер добрел благополучно. Внизу — ни звука. Видимо, все бежали через выход, ведущий мимо заваленной льдом усыпальницы. Но если на этой лестнице он столкнется с толпой, его убьют и лишь потом поймут, что он не вампир.

Пробираясь по коридору, он был застигнут головокружением и чуть не упал. Тварь из усыпальницы не сможет выпить много крови, но ее уже в нем и так почти не осталось. Эшера мучила жажда. Во двор шум толпы не проникал, и теперь Джеймсу приходилось бороться с искушением прилечь на удобную ровную мостовую и отдохнуть минутку...

Он взял лампу из ниши и двинулся дальше. В турецкой части дома шум толпы вновь придвинулся, стал похож на клокотание нарастающей неостановимой волны.

Комната, выложенная изразцами. Заросший дворик. Римские бани. Долгая лестница, запах аммиака, отсыревших кирпичей...

И гниющей плоти.

Дырчатая лампа бросила леопардовый узор бликов на темную стоящую прямо перед Эшером фигуру. Свет блеснул в желтых глазах, на серебряном лезвии алебарды — и Эшер, выдохнув, привалился плечом к стене. Все было кончено.

Бежать не имело смысла. Бей догнал бы его, как охотничий пес догоняет искалеченного олененка. Бросив в него лампой, можно, конечно, выиграть секунду, но...

— Бог тебя послал, — тихо сказал вампир. — Помоги мне. Прошу тебя. — Он шагнул вперед, протянув руку со стальными когтями. Сверкнул драгоценный камень перстня. — Остальные сбежали. Мне нужно доставить его в укромное место, куда не проникнет толпа, и принести туда достаточно льда, чтобы он смог пережить эту ночь.

Эшер приподнял лампу. В коридоре за спиной вампира блеснул лед, сваленный на клеенку. Льда было много. Больше, чем может поднять живой человек. Конечно, Бей не мог нести по узкой изогнутой лестнице и тело, и лед одновременно.

— Пожалуйста, — сказал Бей. — После этого ты можешь делать, что хочешь. Со мной

ключи от внешней двери, ты будешь свободен. Слово чести, клянусь Пророком! Но помоги мне уберечь его. Пожалуйста.

Эшер поставил лампу.

— Он вообще может ходить?

Бей сделал еще один шаг, чуть вздернул бритую голову. Его змеиные глаза стали вдруг неимоверно старыми, наполнившись тоской одиночества.

— С поддержкой — да. Мы весим не так много, как живые.

Эшер протиснулся за ним между льдом и стеной к дверце в серебряной решетке. Когда они виделись здесь в прошлый раз, Бей запустил ему когти в горло. Залепленные пластырем раны теперь болели, стоило произнести слово.

— Ты же знаешь, его это не спасет. — В голосе Эшера не прозвучало ни торжества, ни злорадства — одно лишь усталое безразличие. Тварь за решеткой могло спасти разве что чудо. То есть появление Эрнчестера или другого вампира, согласного завершить то, что не удалось Бей.

Эшер ожидал, что его слова вызовут новую вспышку ярости, но Бей только покачал головой.

— Если он переживет эту ночь, — пробормотал он, — если он продержится еще один день... Изменение плоти... оно и впрямь творит чудеса. Я видел, как старухи превращаются в девчонок. Плоть вампира подчинена его сознанию. Кроме того, — добавил он, — даже если ты сейчас сказал правду, я все равно не брошу его. Он... дорог мне.

Тело, вынесенное Беем из усыпальницы, было завернуто в промасленный шелк, а поверх шелка — в клеенку. Тем не менее зловоние было ужасающим. С болтающихся пальцев твари капала коричневатая жидкость, из-под марлевой повязки свешивались черные мокрые кудряшки. Эшер невольно отпрянул, вспомнив скользкие губы, припавшие к его разорванной руке. Плечи непроизвольно съежились, когда Бей положил на них увечную руку птенца. Забинтованная голова мотнулась, как у пьяного, и веки вздернулись, явив темные глаза, исполненные боли, ужаса и мольбы.

Тварь жила.

— Он был прекрасен, — прошептал Олюмсиз-бей. Нагнулся, собирая воедино концы клеенки, на которой лежал лед. Впервые на памяти Эшера он отложил на миг свою алебарду, прислонив ее к серебряной решетке. Затем пропустил древко под узел и с легкостью взвалил несколько сотен фунтов льда себе на спину. Джеймс отвернул лицо в сторону, спасаясь от зловония, и постарался забыть о том, из чего состоит лежащая у него на шее рука. Эшер и сам едва держался на ногах, сломанные ребра вновь пронзило болью.

— Прекрасен, — повторил Бей. — А главное — прекрасен душой. Он был горяч, как огонь, мой Кахлил. Юный воин, всецело мне преданный.

И вот что ты с ним сделал... — невольно подумал Эшер.

— Он был одним из моих смертных слуг — здесь, в доме...

Шум толпы становился все громче, небо над крышами турецкого дворца — обычно черное — окрасилось теперь отсветами факелов. Воздух был пропитан гарью и яростью.

— Я хотел сделать его таким, как я, чтобы сохранить его молодость навеки. Но я уже знал тогда, что не смогу этого сделать. Сорок или шестьдесят лет назад, во дни Абдул Мезида, когда был убит мой друг Тиннин, я хотел создать нового птенца. Разум его остался цел, но когда я попытался передать огонь, пылающий в моем теле, его плоть не приняла этого огня. Тело птенца стало разлагаться — и я из жалости раздробил ему череп. Такое случалось со мной... раз или два, но очень давно. Однако потом все было нормально. Теперь же — после смерти Тиннина — эта способность покинула меня окончательно.

Он рассмеялся горько и почти беззвучно. Лед в просветах клеенки мигал, вспыхивал, отражая встающее над двором зарево, словно драгоценный сизифов камень, взваленный на плечи Бея шутливым божеством.

— Я попытался — с другими — три или четыре раза, прежде чем понял, сколь мало у меня надежды сделать Кахлила вампиром. И я понял, как посмеялся надо мной Аллах когда

мне встретился тот, кому я мог верить, оказалось, что весь мой дар темного бессмертия истрачен на таких, как Зардалу, как Байкус Кадинэ, как эта паучиха Зенайда, скрывающаяся в старом гареме. И ради чего? Чтобы потешить собственное властолюбие. А потом пришел чужак.

Лестницы, ведущие из старого караван-сарая, оказались еще хуже той, по которой они поднялись сюда. Шум нарастал, дым проникал повсюду. В одной из ниш Эшер бросил лампу. Не было сил нести ее — ему хватало и его страшной закутанной ноши.

— Гелге Курт, — тихо сказал Бей. Кахлил мотал головой и постанывал от боли. — Сумеречный Волк. Бог знает, откуда он появился и кто его сделал вампиром. Какая-нибудь греческая ведьма, от которой он потом бежал. Но он турок, один из новых турков, из этой черни, что берется за ружья и нарушает законы. Первый раз я увидел его после мятежа, когда в городе все смешалось. Он сотворил птенца (ему это было раз плюнуть!) и бросил мне вызов. Птенца я убил, а вот его не успел. После этого у меня уже не было выбора.

Они достигли длинной комнаты наверху. Эшер свалил живой труп на диван и со стоном опустился рядом. Пока Олюмсиз-бей разворачивал клеенку с грохочущим льдом в сухом бассейне, Кахлил, вместо того чтобы лечь, продолжал сидеть бок о бок с Эшером, словно присутствие живого существа было ему приятно. Смердящий, разлагающийся, скрывающийся под бинтами чудовищное уродство... И все же Эшер не мог оттолкнуть его.

Вернулся Бей, бережно поднял тело юноши и перенес его в лед. Эшер наблюдал за ним в трепетном оранжевом свете ламп и размышлял о том, сколь многие убивали тех, кто их любил, и оправдывали себя потом этой фразой: «Я не мог поступить иначе...»

Эрнчестер, когда он убивал Крамера.

Кароли, если венгр вообще когда-либо думал об этом.

Он сам.

Олюмсиз-бей стоял на коленях перед вдавлиной бассейна, держа то, что было когда-то рукой юноши.

— Итак, ты попытался сделать его вампиром, — тихо сказал Эшер. — Несмотря на то что знал...

Бей кивнул.

— И когда ты увидел, что, хотя разум его цел, плоть начала разлагаться, ты послал за Эрнчестером?

— Я мог управлять графом, — просто ответил Бей. — Я знал его. Я знал его слабость. Он был способен создавать птенцов, но он бы не сумел подчинить их своей воле. Однако мне мешала эта женщина...

— Которая его любит, — сказал Эшер. — И заботится о нем, как ты заботишься о Кахлиле.

Бей даже не взглянул на Джеймса, по-прежнему не сводя глаз со своего друга; лишь раздраженно мотнул головой.

— Женщины не умеют любить. В отличие от мужчин. Лишь мужчина может так любить единственного, избранного им самим из всей Вселенной, того, кто стал ему больше чем сыном. Нет на свете подобной любви.

«Вампир, — подумал Эшер. — Вампир до мозга костей. Даже в любви».

А Бей продолжал:

— Султана свергли, но я обошелся без его помощи. Я нашел этого Кароли, этого цивилизованного дикаря. Мадьярский хан. Думаю, он догадывался о том, кто я такой, еще до того, как я попросил его помочь мне. Думаю, он уже тогда прикидывал, что могут совершить бессмертные во славу его страны.

Он наклонился, чтобы огладить лоб юноши, лежащего теперь неподвижно. Куски льда, подобные огромным алмазам, отражали и преломляли свет ламп, бросая на стены радужные блики.

— Я легко мог загнать этого Гелге Курта в угол, и все было бы в порядке, не попытайся Кароли принудить Эрнчестера служить своей державе. — В глазах Бея вспыхнула старая

ярость. — Держава! Мы тоже когда-то были людьми. Наши грехи — это людские грехи. Усиленные в тысячу раз, но людские. А державы, нации — все это нечеловеческое! Державе все равно, кто ей служит, лишь бы служили! Грехи государства не просто страшнее наших грехов — они иные, совсем иные!.. И ты тоже служил государству. Об этом мне сказал Кароли. Кароли... Он пуст, у него ничего нет внутри, потому что его государство приказало ему стать пустым. Ты знаешь об этом.

— Да, — сказал Эшер. — Знаю.

Бей покачал головой.

— Итак, Кароли пропал. И Гелге Курт захватил еще одну часть города. Боюсь, что он первым встретил Эрнчестера и сделал его пленником, а затем рабом. Я использовал тебя как наживку, чтобы поймать эту женщину. Будь она у меня в руках, Эрнчестер тоже бы никуда не делся... В крайнем случае она бы сама спасла мне Кахлила. Но так не произошло. И вот все кончено.

Во дворе звенело эхо воплей, долетающих из самых дальних уголков Дома Олеандров. Окошки в барабане купола были красны, словно небо наливалось кровью. Бей достал из складок одеяния и бросил Эшеру нечто сверкнувшее на лету, как искра. Ключ.

— Иди, — сказал Бей. — Скоро начнет светать. Они уйдут раньше, а сюда не заглянут вообще. Лестницу никто не увидит, даже если будут стоять рядом. Эту способность я, к счастью, еще не утратил. — Он задумался на секунду и толкнул к Эшеру по полу свою серебряную алебарду. — Ты можешь встретиться и с вампирами, — пояснил он. — Если это будет Гелге Курт — убей его. Не ради меня. Просто он как раз тот, кто готов продаться любой державе. Он — как твой Кароли. Мне нужен был всего один птенец. А им нужны сотни — я даже не желаю знать, для чего. — Бей покачал тяжелой головой и повернулся к тому, что лежал во льду. Голос его стал почти неслышен: — И... спасибо тебе, Шехерезада. Спасибо за помощь.

На секунду Эшер задержался в дверях, оперся на алебарду, дрожа от холода, ибо верхнюю испачканную зловонной слизью одежду он скинул, оставшись в одной рубашке.

«Сколько убил Бей?» — подумал Эшер, глядя на согбенную над грудой льда фигуру. Не меньше, чем война. Кароли на месте Джеймса счел бы это вполне достаточным оправданием и на этот раз был бы совершенно прав.

Болезненно кряхтя, пользуясь алебардой, как костылем, Эшер с трудом спускался по ступеням.

Отголоски во дворе стали громче; доносились они из арки, ведущей к византийскому дворцу. Вопли, треск драгоценной утвари, топот бегущих ног. Дым ел глаза и застилал свет. Надо полагать, часть строения уже горела.

Ослабев, Эшер прислонился к колонне, гадая, хватит ли у него сил выбраться наружу...

Если Гелге Курт станет Мастером Константинополя (а Джеймс знал, что помешать он этому не сумеет), то рано или поздно Кароли (а может быть, и какой-нибудь младотурок) сделают из него новое оружие для грядущей войны.

И начнется другая эпоха.

Рассказать об этом Клэпхэму — тот не поверит. Да и леди Клэпхэм сочтет услышанное плодом горячки. Разумовский? Этот, пожалуй, способен поверить, но у его державы свои интересы. В Индии и в Болгарии...

И зараза начнет распространяться.

Что-то темное мелькнуло в арке и устремилось через двор к лестнице. Приостановилось на миг прямо перед ним — и Эшер понял, кто это. Для турка — высоковат, но, несомненно, турок: черные волосы, крючковатый нос, жесткие усы... по-волчьи блеснули глаза. Эшер не успел даже перехватить алебарду. Вампир просто отшвырнул его с дороги. Боль от удара об стену была такая, словно в бок ударили ножом. Перехватило дыхание. Когда Эшер вновь открыл глаза, вампир уже одолел добрую половину лестницы, двигаясь бесшумно и быстро. В лохмотьях цвета хаки он чем-то напоминал льва.

Я должен его догнать... — угрюмо подумал Эшер, зная, что способен лишь ковылять

вверх по ступеням.

И Гелге Курт был не один. За ним стремительно и беззвучно скользнула еще одна темная тень. И за секунду до того, как Эшер узнал в этой тени Исидро — Исидро? — исхудалый, похожий на призрака лондонский вампир в молчании настиг не ожидавшего нападения Гелге Курта и, сбив с ног, вонзил когти в его горло.

Оба покатались вниз по лестнице, как два дерущихся кота, а секундой позже откуда-то взялся еще и третий, которого Эшер узнал сразу, хотя со времени пожара лечебницы в Венском лесу он изменился даже больше, чем дон Симон. Теперь лицо Чарльза казалось опустевшим, а глаза напоминали два кусочка грязноватого голубого льда. Он схватил Исидро за руки, отдирая его от противника. Вскочивший Гелге Курт выхватил из-за пояса солдатский нож и ударил Исидро в грудь, после чего тот вышиб у него лезвие ногой, а затем выскользнул из объятий Эрнчестера...

Оглушительно грянул пистолетный выстрел. Эрнчестер и Гелге Курт замерли, а Исидро осел, простерся на ступенях.

Из-за противоположной части колоннады выступил Игнац Кароли.

— Идемте, — сказал он. В руке его был револьвер армейского образца. Дуло дымилось. — Я его прикончил. Кароли говорил по-немецки.

— Он прикидывается! — Гелге Курт с подозрением смотрел вниз на неподвижно лежащего Исидро. На лице и на горле чужака, там, где прошли когти дона Симона, мерцала кровь — но ни следа испарины. Вампир даже не задохнулся — строго говоря, он вообще не дышал. — Пулей с нами ничего не сделаешь.

Кароли усмехнулся.

— Мой дорогой Курт, разве вы ничего не слышали о серебряных пулях? Первое средство от нечистой силы. Когда вы станете работать на нас, я вам покажу, как они выглядят.

Глаза Гелге Курта опасно блеснули, но затем он ослабил — демон, подражающий человеку.

— Тем не менее. Шарль...

Чарльз Фаррен, третий граф Эрнчестерский, приложив ладонь ко рту, опустился на колени перед распростертым телом Исидро.

— Симон... — шепнул он, и затаившийся в тени Эшер по голосу его понял, что дело действительно безнадежно. — Симон...

— Пошли, — бросил Гелге Курт Эрнчестеру, и Эшер вспомнил, что столь же бесцеремонно Олюмсиз-бей обращался с Зардалу.

Эрнчестер поднял глаза, лицо его ожило на секунду. Воздух был напоен дурманящим запахом крови.

— Но он... — с запинкой начал Чарльз.

— Пошли!

Гелге Курт не дотронулся до Чарльза, он даже не двинулся, но Эрнчестер вздрогнул. Поднялся и последовал за хозяином. Оба вампира бесшумно скользнули вверх по лестнице.

Кароли пересек двор, держа пистолет наготове. Когда он ступит на первую ступеньку лестницы, Эшера от него будут отделять три длинных шага — самое подходящее расстояние, чтобы успеть получить пулю в грудь. Джеймс подумывал уже, не бросить ли ему куда-нибудь в сторону ключ, чтобы звон заставил венгра обернуться, когда кто-то окликнул из арки:

— Мистер Кароли!

Если бы не семнадцать полных неожиданностей лет на службе ее величества, Эшер бы замер на секунду, пережив смятение и шок: Лидия??? — и драгоценная секунда была бы потеряна. Он уже знал, что это ее голос, делая два длинных шага и обрушивая алебарду на шею Кароли. Лезвие легло плашмя, австрияк обернулся, пуля выщербил штукатурку за спиной Эшера. Джеймс повторил удар — и опять неточно. Осиновое древко угодило Кароли в висок.

Барон опрокинулся навзничь и, выронив револьвер, ухватился за древко алебарды. Каждый тянул оружие на себя — и тут появилась Лидия (вне всякого сомнения — Лидия!) с тяжелым бронзовым подсвечником в руке, который она изо всех сил опустила на позвоночник венгра. Тот охнул, согнулся, и Эшер, ударив его для верности ногой под ребра, нагнулся и подобрал револьвер. Лидия тем временем отпрянула на безопасное расстояние и стояла теперь, тяжело дыша. Рыжие волосы ее были растрепаны, и она напоминала взъерошенную русалку в рваном вечернем платье и длинных оперных перчатках. На шее мерцала серебряная цепочка.

Кароли перевернулся на спину, задыхаясь, поднял руки:

— Мой дорогой доктор Эшер... — Отсветы огня, рвущегося из окон византийского дворца, проникали во двор через арку. — Вы ведь и сами знаете, что не станете в меня стрелять... — Он произнес это почти с удивлением. Выражение лица его было как тогда, на вокзале, откуда Джеймса уводили при нем в венскую тюрьму.

Это была игра. Большая Игра.

Барон был одет, как рабочий, и весь перемазан кровью и грязью. Темные волосы липли ко лбу. И все же держался он так, словно на нем и сейчас гусарский мундир.

«Он пуст, — сказал Олюмсиз-бей. — У него ничего нет внутри...»

— Это дурачье сломало холодильную установку, — сообщил Кароли. — Я слышал, как они там задыхались внизу. Усыпальница заполнена аммиаком, лестница — тоже. Но я знаю другой путь.

— Это правда? — спросил Эшер.

Лидия кивнула. В отсветах пожара волосы ее казались особенно рыжими, стекла очков отражали пламя.

— Мы еле прошли там — Исидро и я. Он закрыл мне лицо своим плащом... — Взгляд ее остановился на том, что лежало на первых ступенях лестницы, — и Лидия замолчала.

— Вам не выбраться наружу без моей помощи. — Кароли позволил себе немного опустить руки. — Скажу больше: судя по вашему виду, вам вообще никуда отсюда не выбраться. Толпа уже убила двух слуг Бея. Мы видели их тела в переулке. Вас тоже примут за кого-нибудь из них.

— А вас нет?

Он сделал удивленные глаза.

— Кого? Меня? Ну, вы плохо меня знаете.

— Это он поднял мятеж, — тихо сказала Лидия. — Вместе с чужаком.

— Какая чепуха, мадам! Армяне только и ждали повода к новому восстанию. — Барон повернулся к Эшеру с кривой ухмылкой. — Патовое положение, как видите. И соображайте быстрее, а то через несколько минут будет поздно. По крайней мере я смогу спасти вашу жизнь и, что еще важнее, жизнь вашей жены.

Эшер сознавал, что Кароли прав. С каждым мгновением ему становилось все хуже и хуже: ребра пронзала боль, руки и ноги холодели. Страшно было подумать, что толпа может сделать с Лидией...

— Идемте. — Кароли протянул ему руку. — Будем считать это временным оборонительным союзом. Наши державы поступали так сплошь и рядом. Вы ведь не можете обвинить меня ни в чем таком, чего бы не совершали сами. Вы делали то же, что и я, причем по тем же самым причинам.

— Да, — сказал Эшер и снова увидел ту парижскую шлюху и нищего, которым он тогда не помог, Крамера, засмеявшегося, услышав, что неплохо бы ему разжиться серебряным распятием в Нотр-Дам; изуродованное тело чеха-проводника; Фэйрпорта, умирающего во дворе своей горячей лечебницы. И наконец — неверящие, непонимающие глаза Жана ван дер Плаца. Мир для Джеймса съезжился до размеров красивого мужественного лица Игнаца Кароли. Как? Неужели всего три недели назад он увидел это лицо на вокзале Черинг-Кросс?...

— Да, — сказал Эшер. — Вы правы. Потому-то я все и бросил.

И он выстрелил Кароли в голову.

Ему почудилось, что Лидия оказалась рядом чуть ли не в момент выстрела. Она схватила его за руки — и ребра снова пронзила боль. Эшер пошатнулся, уткнувшись губами в лицо жены:

— Лидия...

— Господи, Джейми...

Ему показалось нелепым спрашивать о том, как она здесь очутилась. «Исидро», — подумал Джеймс. Лидия отстранилась и подбежала к простертому на ступенях вампиру.

— Симон...

Скелетоподобная рука шевельнулась.

— За ними... Поспешите за ними... За Чарльзом и чужаком.

— Вы...

— Со мной все будет в порядке...

Она уже отрывала жгут от его залитой кровью рубашки, явно собираясь делать перевязку.

— Не будьте смешным, вы не можете...

— Пуля прошла навывлет... Какое-то время я буду болеть... серебро... жжет... — Вампир поднял голову, откинул длинные волосы с окровавленного лица. Эшер взглянул — и ужаснулся. Определенно, год назад дон Симон выглядел по-другому. — Идите... — Он зажал рану, сквозь тонкие пальцы выдавилась кровь. — Оба должны умереть. И человек, и вампир, с которым он заключил сделку. Это придется сделать вам, сударыня, — еще тише добавил дон Симон. — Ради этого я и пришел сюда с вами...

Эшер подобрался к ближайшей арке, где было светлее, и проверил барабан револьвера. Осталось четыре патрона, все пули — серебряные. Хотел сказать Лидии: «Останься с ним», — но крики и грохот грянули совсем рядом. Обезумевшая толпа приближалась. Поэтому Джеймс сказал:

— Иди за мной.

Однако лестницу он сумел одолеть лишь с помощью Лидии.

В коридоре пахло кровью и падалью — как на бойне. Дверь в бывшую тюрьму Эшера была открыта, и он ступил через порог, опираясь на плечо жены и держа револьвер наготове.

В помещении стояла тишина. Несколько уцелевших ламп бросали отсветы на клейкие черные лужи.

Кровь пропитала ковры, она стекала в плавающий лед; ею были забрызганы стены и диван. Пытаясь унять сердцебиение и накатывающую дурноту, Эшер сделал еще один шаг к месту недавней битвы.

То, что лежало в луже крови подобно поверженному дракону, было еще недавно Олюмсиз-беем. При таком освещении Эшер не мог рассмотреть все подробно, но, кажется, горло Мастера было вырвано, а внутренности лежали вперемешку с намокшим шелком одеяния. В трепетном тусклом свете глаза его казались живыми. В руке он все еще сжимал черный от крови кинжал с серебряным лезвием. Чуть поодаль лежал Эрнчестер. Сквозь прорехи в располосованном пальто чернели страшные дымящиеся раны, несомненно, нанесенные кинжалом Бея.

— Чарльз — тихо сказал Эшер.

Эрнчестер шевельнулся. Не в силах говорить, он судорожно приподнял руку, словно предостерегая.

Эшер обернулся, отшатнувшись к стене, и выстрелил в тень, метнувшуюся к нему из самого темного угла. Промажнулся и выстрелил вновь. Далее сознание помрачилось, в плече и в ребрах вновь вспыхнула боль, и Эшер был отброшен в дальний конец комнаты. Кто-то — Лидия — помог ему подняться с пола, и он увидел, как Гелге Курт с револьвером в руке отступает к лежащим в лужах крови телам Эрнчестера и Олюмсиз-бея.

Движения его были несколько неуклюжи, и Эшер подумал, что Гелге Курт, наверное, стал вампиром относительно недавно.

Лидия сорвала перчатки, сняла серебряную цепочку с горла.

— Надень, — сказала она.

Эшер подчинился, хотя и знал, что вряд ли это им теперь поможет. Вампир находился между ними и дверью.

Олюмсиз-бей пошевелился. Гелге Курт приставил ствол к черепу старого вампира и выстрелил. И в тот же самый миг страшно закричал Кахлил. Турок обернулся и выстрелил еще раз. Тело юноши вскинулось — и опало.

В свете ламп блеснул оскал Гелге Курта.

— Я бы отдал вас моему другу. — Он коснулся ногой Эрнчестера. — Мы оба ранены, нам необходимо подкрепиться. Но я подумал, раны от серебряного ножа такие болезненные, — зачем ему мучиться? Так что считайте, вы оба — мои.

Он осклабился еще шире, по лицу его потекла черная кровь — из ран, оставленных когтями Исидро.

— Я задержу его, — тихо сказал Эшер. — А ты беги к двери.

Она знала, что затея эта безнадежна, и все же кивнула.

— Я люблю тебя, Джейми.

В дальнем конце комнаты гулко, как в склепе, захлопнулась дверь. В замке щелкнул ключ.

Свет ламп скользнул по кривому лезвию серебряной алебарды.

Гелге Курт повернул голову.

Та, что заперла за собой дверь, стояла неподвижно — ведьма, призрак мести, поднявшийся из неведомой могилы. Лохмотья, недавно бывшие голубым платьем, окровавленный рот, разметанные волосы воронова крыла. В карих глазах светится холодное безумие. Руки по локоть в крови, на пальце блеснуло обручальное кольцо.

Гелге Курт вскинул револьвер и спустил курок, но еще до того, как раздался металлический щелчок, Антея скользнула к нему и обрушила алебарду, выбив оружие из руки турка.

Тот взвизгнул, кровь хлынула из перерубленных вен. Он кинулся к вампирше и был отброшен новым ударом, раскrojившим ему лицо и грудь.

— Неверная шлюха!..

Она шагнула вперед и полоснула серебряным лезвием по ногам, а когда Гелге Курт кинулся в одну из ниш, пытаясь допрыгнуть оттуда до окон в барабане купола, подсекла ему подколенные жилы. И все это время лицо Антеи не менялось, оно было почти равнодушным.

Только когда он откатился в угол, изувеченный, истекающий кровью, простирающий руку с обрубками пальцев, вампирша остановилась, глядя на него с ненавистью и презрением.

— Ты убил его, — очень тихо сказала она. — Ты послал его на смерть, ты прятался за его спиной. Он был для тебя орудием, как и для этого... Бея. Мастера. Скоро начнет светать, — беспощадно добавила Антея.

Гелге Курт рванулся, но смог лишь опереться на локти и колени. Антея стояла на безопасном расстоянии и внимательно следила за ним. Не поворачивая головы, позвала:

— Чарльз...

Тот шевельнулся, с трудом протянул руку. Шепот, услышанный Эшером, был не громче шороха осеннего листа, гонимого ветром по мраморной плите:

— Любимая...

— Любимый, — отозвалась Антея. Голос ее дрогнул, но взгляда от Гелге Курта она так и не отвела. — Ты ведь никогда не хотел такой жизни? — с нежностью спросила она. — Ты никогда не хотел... быть неумершим и неживым...

— ...не... знаю... — Эрнчестер снова протянул руку, попытался приподнять голову. Горло у него было перерезано, и Эшер не понимал, как он вообще может издать хотя бы звук. — Не... помню... чего я хотел. Я только не хотел расставаться с тобой...

— А мне была дорога жизнь, — отозвалась она, — только потому, что в ней был ты,

пусть даже за это потребовалось бы отдать душу... Ночи, ночи, ночи... я убивала, чтобы не умереть... и ты убивал, чтобы оставаться со мной. Не так?

— Я выбрал...

Антея опустилась рядом с ним на колени, краем глаза все еще следя за Гелге Куртом. Придерживая одной рукой алебарду, она коснулась другой седеющих волос Чарльза.

— Я понимаю, — сказала Антея. — Мы все выбираем. Теперь нам выбирать уже нечего...

Гелге Курт взвыл, осыпая ее проклятиями на немецком, турецком и ломаном французском. Антея слушала его с каменным лицом.

— Это не я вызвал его сюда! — вопил вампир. — Не я это с ним сделал!..

— Ты встретил его здесь, — сказала Антея. — Ты поработил его разум, ты использовал его, потому что он всегда был такой... слабый... Думаешь, я не знала, что вы идете сражаться с Олюмсиз-беем? Не почувствовала это во сне? Мне ничего не стоит убить тебя.

Желтый свет очерчивал ее профиль и лезвие алебарды, с которой все еще капала кровь. Шум снаружи стих, окна купола обрели пепельный оттенок.

— Я убивала каждую ночь, чтобы существовать. Приводила к нему жертвы, когда он утомился от такой жизни, когда ему уже ничего не было нужно. Зато он был нужен Гриппену, был нужен Олюмсиз-бею, был нужен тебе... А ведь ты хотел только покоя, Чарльз...

Не выпуская ее руки, Чарльз покачал головой. — Нет, — прошептал он. — Я хотел только тебя...

Гелге Курт был первым, чью плоть воспламенило солнце. Он еще пытался добраться к двери, но Антея рубила и рубила его алебардой, пока он снова не уполз в угол, где его и настиг рассвет. Плоть его пошла пузырями, почернела — и вспыхнула изнутри. Пламя было небольшое, синего цвета. Гелге Курт замер, но некоторое время еще продолжал кричать.

Следующим вспыхнул Олюмсиз-бей. Этот не издал ни звука — возможно, его уже одолел дневной сон вампира, и он вообще ничего не почувствовал.

Антея, которую тоже вот-вот должен был свалить необоримый сон, бросила свое оружие и, опустившись на пол рядом с тем, кого она любила, обняла его. Их губы встретились — и в этот миг обоих объял огонь. Они так и не разомкнули объятий, пока от них не осталось нескольких покрытых пеплом косточек. Лидия смотрела до конца, а Эшер не выдержал и уткнулся лицом в ее плечо, ослепленный запахом горящей плоти и собственными слезами.

22

Войска подошли чуть позже. Пока Лидия с профессиональной сноровкой человека, привыкшего обращаться с бесчувственными телами, свела Эшера по лестнице, тот несколько раз терял сознание. Внизу он ожидал увидеть сгоревшие в пепел останки Исидро, но их там не было. Кароли лежал в одиночестве: дыра во лбу, голова в луже крови, в широко раскрытых глазах искреннее изумление.

— Я так боялась, что он уговорит тебя, Джейми, — сказала Лидия, помогая Эшеру присесть на последнюю ступеньку и опускаясь рядом. Побелевшие губы ее дрожали, она поправила очки и, болезненно помаргивая, оглядела двор. — Я думаю, он собирался похитить меня сегодня... то есть вчера... Пойди мы с ним, нас бы уже не было в живых.

«Ты права, Лидия», — подумал Эшер и удивился: кто мог ее предупредить насчет Кароли?

Тихо было в Доме Олеандров. Бей не ошибся: мятежники убрались отсюда под утро. Эшер смотрел на Лидию — и самому не верилось, что ее не было с ним все эти три недели, что последний раз они виделись на железнодорожной платформе в Оксфорде. Джеймс привалился плечом к стене и, стараясь, чтобы голос его звучал по возможности рассудительно, спросил:

— А что ты делаешь в Константинополе?

И, не успев услышать ответа, вновь потерял сознание. Когда он пришел в себя, двор уже был оккупирован двумя взводами турецкой армии. Солдаты, бормоча и перешептываясь, толпились вокруг труп Кароли. Командовавший ими капитан из анатолийских горцев, гордый собой, отдавал распоряжения на французском и греческом.

В его печальном состоянии Эшеру было довольно затруднительно изъясняться по-турецки:

— Билмийорум... билмийорум... — повторял он, указывая на жену и тряс головой.

Капитан и его солдаты неодобрительно посматривали на ничем не прикрытое лицо Лидии.

Поскольку Эшер был явно ранен и сам идти не мог, солдаты положили его на извлеченный из руин византийского дворца длинный ставень и понесли по кривым улочкам. Когда добрались до полицейской префектуры, что напротив Айя-Софии, муэдзины возгласили наступление дня. Лидия долго доказывала полицейским, что она супруга Джеймса, предъявляла обручальное кольцо и убеждала сержанта дать ей возможность позвонить в Британское посольство. Однако телефонная станция по случаю мятежа была парализована.

Слава Богу, их поместили не в подвал, а в душную комнату на верхнем этаже и послали в Пера гонца с письмом. Турецкий врач, появившийся к полудню, беспрерывно бормоча что-то себе под нос, перебинтовал разорванную правую руку Джеймса, вправил плечевой сустав, наклеил на ребра клейкий пластырь и, пересыпав все, что мог, порошком базилика, вкатил дозу новокаина и веронала. Потом взглянул на Лидию и предложил ей успокаивающее. Поблагодарив, она приняла лекарство, понимая, что странное чувство отстраненности — просто результат шока.

Я это сделала, — думала Лидия, глядя на лицо спящего рядом с ней мужчины — небритое, в синяках, невероятно бледное, с засохшей кровью по краям пластыря на горле.

Я спасла его. Так или иначе...

Я нашла его. Он не погиб.

Но если бы она с самого начала до конца понимала, что ей предстоит, этого чуда не произошло бы...

Счастье обволакивало ее подобно теплым мыльным пузырькам: Джеймс был рядом, он дышал... Лидия осмотрела раны на шее мужа. Эшер спал так крепко, что даже не пошевелился. Раны напоминали его старые парижские шрамы, но края их не были припухшими, как случается, когда вампиры высасывают из своей жертвы кровь.

Успокоившись, она погладила ему волосы, потом привалилась плечом к стене и наконец-то выплакалась вволю. После чего немедленно уснула.

Примерно через час капрал принес им еды (хлеб, мед, белый козий сыр и чай), а также обмундирование рядового турецкой армии — для Джеймса, который все еще спал. Одежда его была свалена в углу и источала трупный запах. Лидии капрал предложил местную женскую одежду, в том числе и покрывала, под которыми надлежало прятать лицо.

— Жена... — сказал он с неловкой усмешкой и указал на рваный, испятнанный кровью наряд Лидии. — Нехорошо... Это лучше. — Капрал протянул покрывало и снова осклабился. Судя по возрасту, сам еще женат не был.

Одно покрывало Лидия накинула на дверной глазок, другое — на окошко. Затем переоделась, с наслаждением содрав с себя платье, пропитанное кровью и запахом горелой плоти. Сейчас ей казалось, что она ни разу ни за что больше не прикоснется к зеленому вечернему наряду, хотя в глубине души сознавала: пройдет совсем немного времени — и она отдаст что угодно за образец крови вампира. А не попробовать ли договориться с местными властями, чтобы они позволили ей взглянуть на сгоревшие останки?...

Скорее всего не получится. Поев и немного поспав, Лидия почувствовала себя гораздо лучше и, несмотря на ужасающие воспоминания о синем пламени, нечеловеческом визге и треске горящей плоти, уже сожалела об отсутствии блокнота.

Исидро...

Сердце сжалось. Сумел ли он уцелеть? Мятежники убрались до рассвета, но смог ли он подняться? Смог ли найти укрытие?

Ей вспомнились слова Гелге Курта о том, что раненому вампиру необходимо подкрепиться. На ночных улицах во время мятежа жертву найти нетрудно. Лидия закрыла глаза, не желая думать о невинных людях, поплатившихся жизнью в эту ночь.

Она вспомнила Исидро, волчьим броском настигнутого на лестнице Гелге Курта, и поразилась, как долго он держал невзначай данное ей слово.

Теперь он вправе делать что хочет.

Эрнчестер мертв. Кароли — в Константинопольском морге.

Джейми жив.

Иное, позабытое тепло... — слабым эхом отозвался в памяти шепот вампира.

Неужто он и впрямь почувствовал в ней этот притягательный жизненный огонь? Или просто, как положено в сонетах, прибег к противопоставлению, сравнив тепло крови с теплом ее волос и губ?

Она не знала. И не хотела знать. Странная рана оживала теперь в ее душе, когда Лидия вспоминала об Исидро. Темное желание, не похожее ни на страсть, ни на любовь, оно пугало, оно было несовместимо с ее жизнью. Единственное, чего хотела Лидия, — это просыпаться каждое утро в объятиях Джейми.

Когда Исидро после нападения Гелге Курта внес ее на руках в дом...

Лидия оттринула воспоминание и, прижавшись к мужу, уплыла в сон.

На закате Эшер вздрогнул, услышав крик муэдзинов Айя-Софии, призывающий правоверных на молитву. Испуганное его движение разбудило Лидию. Джеймс судорожно сжал ее руку почти до боли.

— Я уже и не надеялась найти тебя.

— Найти меня?... — повторил Эшер. Голос его был тих и хрипловат. — Да я поседел бы, если бы узнал о том, что ты меня ищешь.

Лидия рассмеялась — несколько нервно — и коснулась серебряной нити в его коричневой шевелюре.

— Прости меня. — Она откинула назад массу своих рыжих волос и потянулась за лежащими на полу очками. — Боюсь, что я все делала не так, но я старалась. Никогда не снимала цепочек, не расставалась с револьвером, никуда не ходила одна... ну, как правило. Не то чтобы это сильно мне помогло, и тем не менее...

— Ты все сделала верно. — Эшер погладил щеку жены. — Иначе и быть не могло...

Лидия хотела возразить, но он закрыл ей рот поцелуем. Кто-то постучал в дверь, и мужской голос позвал на плохом французском:

— Мсье Эш? Мадам? Тут за вами пришли из Британского посольства сэр Бернуэлл Клэпхэм и его леди...

Когда Эшер и Лидия вышли из посольской кареты, дом на рю Абидос встретил их темными окнами.

— Полагаю, бедная мисс Поттон еще разыскивает вас, — заметила леди Клэпхэм, пока Лидия отмыкала ворота. — Сами мы не рискнули вчера отправиться сюда до рассвета, иначе наш экипаж был бы атакован мятежниками. Но около девяти мы послали сюда человека, и он сказал, что дом заперт. Наверное, мисс Поттон начала поиски с того же, с чего и мы: проверила все городские больницы. В полицейские участки мы обратились лишь к вечеру.

— Стало быть, вы не получили послания? — спросила Лидия. В местном национальном платье и с непокрытой головой она напоминала явившуюся на маскарад школьницу. Эшер в форме цвета хаки и с правой рукою на перевязи смахивал на раненого фронтовика.

— Господи, а вы что-то посылали? — Жена атташе покачала головой. — Нас не было весь день, дитя. Видимо, мы найдем письмо под дверью, если эти мужланы из префектуры вообще удосужились отнести его по адресу.

Гремя колесами, экипаж канул во тьму. Лидия вздрогнула. Дом выглядел неприветливо. Сначала она решила, что мадам Потонерос с дочерьми отбыли отсюда утром, как только Маргарет их отпустила, однако плита в кухне была холодна. Стало быть, ушли они еще раньше. Лидия чиркнула спичкой и зажгла лампу на маленьком столе, пытаясь сообразить, где проживает их хозяйка: в Пера или в Стамбуле, по ту сторону Рога. Мятеж начался с Галаты, где солдаты убили почти дюжину армян. По дороге сюда Лидия видела патрули на каждом перекрестке.

Черный ход кухни был не заперт. Хозяйка с дочерьми вполне могла бежать этим путем, услышав шум схватки у подножия холма.

— Я надеюсь, Маргарет не учинила какую-нибудь очередную глупость. — Вернувшись в зал, Лидия подняла лампу повыше. — Мне жутко представить, как она пытается торговаться с турецким возницей или...

Эшер, разглядывавший что-то лежащее на столе, выпрямился. В руке у него была связка чеснока.

— Тут их штук пять, — сказал он. — И ни одного на окне.

— Их могла снять мадам Потонерос, — сказала Лидия, но внутри у нее все похолодело.

— Может быть. — Они взглянули друг на друга и поднялись по лестнице.

Замерев на пороге спальни, Лидия вскинула лампу, осветив открытые решетки окон, брошенные в угол обереги и недвижимое тело в постели.

Эшер тут же снял руку с плеча жены, подошел поближе. Лидия поставила лампу и с помощью провощенного фитилька зажгла оба ночника. Света стало больше, но в углах комнаты по-прежнему таилась тьма.

Женщина, лежащая на кровати, была Маргарет. Была...

Эшер дотронулся до ее шеи. Всего несколько пятнышек крови запеклось вокруг рваных белых ран. Лидия немедленно отметила восковую бледность лица, а также синеватый оттенок губ, пальцев и голых ног, выглядывающих из-под фланелевой ночной рубашки. Поставила лампу на столик рядом с пенсне Маргарет и склонилась над телом.

Оно еще было каменно-твердым. Если бы мисс Поттон умерла сразу после наступления темноты, трупное окоченение должно было уже пройти.

— Она сама сняла травы и чеснок с окна, — тихо сказала Лидия. — Исидро говорил... если вампир хоть раз встретился с тобой взглядом, ты в его власти...

Что-то заставило ее обернуться. Возможно, какой-то шум за дверью, хотя вроде бы она ничего не слышала...

В золотистом полусвете лампы Исидро выглядел как прежде: лицо его теперь гораздо меньше походило на череп; глазницы уже не так провалены; глубокие порезы, оставленные когтями Гелге Курта на лбу и горле, белы и чисты. Словно скульптор, достигший совершенства и возненавидевший вдруг лучшую свою работу, несколько раз перечеркнул восковой бюст стекой.

Он сыт, — подумала Лидия. — Она ему стала не нужна...

В нахлынувшей ярости слилось все: ужас прошедшей ночи и ненависть к Исидро за дурацкие романтические сны, которые он навевал этой глупышке. Лидия вне себя кинулась на вампира, изо всех сил нанося удары кулачками по его груди и плечам.

Спустя секунду вампир взял ее за запястья и слегка отстранил. Перечеркнутое бескровными порезами лицо было бесстрастно.

— Принимайте нас такими, как есть, сударыня, — сказал он с выражением, понятным ей одной. — И живых, и мертвых.

Затем он исчез. Очутившийся рядом Джеймс заключил Лидию в объятие своих надежных рук — и она припала к плечу мужа, всхлипывая от изнеможения, горя и смутного чувства какой-то огромной утраты.

Я найду вас, — сказал когда-то Исидро. — Для тех, кто охотится в ночи, это не сложно.

В высоте над провисшими цепями, путаницей противовесов и множеством позолоченных и посеребренных висячих ламп проглядывала обветшалая крашеная штукатурка купола Айя-Софии. Эхо тихих шагов Эшера шуршало в углах мечети, словно выбалтывая шепотом какие-то мышиные тайны. Горело всего несколько ламп, подсвечивая выдыхаемый Джеймсом пар.

Он пришел сюда из Пера, через Новый Мост.

Это строение воздвиг римский император, вернее, человек, полагавший себя римским императором, — он и его прекрасная взбалмошная рыжеволосая жена. Их имена еще звучали в немой музыке колонн и в неслышной басовой ноте куполов. Эшер прогуливался здесь, как прогуливался недавно по кладбищу под присмотром птенцов Олюмсиз-бея. Он снова был наживкой, но на этот раз по своей воле.

Если Исидро хочет его найти, он найдет его здесь.

Когда-то здесь прогуливался и Чарльз Фаррен, третий граф Эрнчестерский, еще будучи живым, два с половиной столетия назад — в парике и кружевах, — тоскуя об оставленной в Англии женщине.

Все, что я хотел... и все, что у меня было...

Как жаль, что вы не знали нас тогда.

Он закрыл глаза, а когда открыл их снова, то уловил некое легкое движение в темноте между колоннами; свет лампы на миг коснулся дымчатой паутины волос.

Эшер замер. Шаги приближающегося вампира были неслышны.

— Я не уверен, что это подходящее место для встречи. — Голос Эшера гулко отдался в рукотворной каменной пещере. — Но на улицах я не чувствую себя в безопасности. Я надеюсь, выводок Олюмсиз-бея вряд ли заглядывает в это святое для них место.

— Они не заглядывают сюда по другой причине. — Исидро двигался несколько скованно, словно преодолевая боль. Эшер знал, что по сравнению с другими, более молодыми вампирами дон Симон переносит ожоги от серебра менее болезненно, и все же огнестрельное ранение (пусть даже пуля Кароли прошла навылет) должно было причинять Исидро адские страдания.

Хотелось бы знать, кто ему делал перевязку.

— Если мы захотим войти в то или иное помещение, нас не остановит ничего, кроме серебра, чеснока и некоторых других веществ. Ни крест, ни полумесяц, ни прибитая к двери подкова — все это для нас не преграда. Как, кстати, и для живых. — Исидро небрежно шевельнул рукой в черной лайковой перчатке. — Хотя святых мест мы действительно избегаем. Не потому что там обитает Бог. Он обитает везде, о чем люди обычно забывают на полях сражений, в спальнях и кабинетах. Просто люди, молясь, перестают скрывать свои мысли и чувства. Их любовь, ненависть, тайные чаяния, сплетаясь, образуют нечто подобное музыке, и она, пропитывая собой камни, звучит, даже когда храм пустеет. Некоторые из нас не обращают на это внимания. Мне же это кажется неприятным.

Вновь пала тишина, подобная власти вампира, отвлекающей внимание, делающей зрячих слепыми. Примерно то же самое проделывали сейчас с людьми такие, как Игнац Кароли, и такие, как Гелге Курт, незаметно, шаг за шагом подталкивая мир к войне.

Причем успешно... — угрюмо подумал Эшер.

И уже ничего нельзя было сделать. Джеймсу следовало это предвидеть, еще когда он сел в парижский поезд. Наступают новые времена, их не остановишь... Здесь, в Константинополе, был вырван один-единственный плевел, в то время как разрастались они повсеместно.

— Спасибо вам, что присматривали за ней.

Исидро слегка отвернул лицо.

— Вы взяли в жены очень глупую женщину, Джеймс, — мягко сказал он. — Присматривать за ней следовало по-другому. Переломить ей обе ноги, чтобы она не совала

нос в гнезда вампиров, и отправить обратно в Оксфорд под надзор сиделки. Я же проделал все настолько скверно, что сиделка теперь требуется и вам, и мне. А главное — все зря...

— Если вспомнить, — сказал Эшер, — что Гелге Курт не стал Мастером Константинополя, то отнюдь не зря. На этот раз мы, согласитесь, победили.

Бесцветные глаза секунду задумчиво изучали его лицо.

— Это не мое дело. Мертвые — мертвы.

— Вам будет не хватать ее, — сказал Эшер, — не так ли? Антеи.

Исидро молча смотрел в сторону.

— Хотя не думаю, — продолжал Эшер, — чтобы она сожалела о случившемся.

Он полагал, что вампир не ответит, и тот действительно некоторое время безмолвствовал. Затем сказал:

— Да. Но надолго она бы Чарльза не пережила.

«Он знал ее двести пятьдесят лет...» — подумал Эшер.

— Это ведь не вы, я надеюсь, убили мисс Поттон?

Исидро молчал.

— Я не собираюсь обсуждать это с Лидией. В городе есть и другие вампиры, возможно, не только те, кого я видел в Доме Олеандров. Если уж рабочие, механики, нищие сообразили, кого именно ищут Лидия и Маргарет, то вампиры тем более должны были догадаться. Возможно, они уже встречались взглядом с мисс Поттон и, когда начался мятеж, а дом опустел, они могли приказать ей открыть окна...

— Она была дура, — сказал Исидро. Он взглянул искоса на Джеймса. — Можете так и передать миссис Эшер.

— Много лет назад, — сказал тот, — когда я был в Вене, меня полюбила одна женщина. А я — ее. Она была умна и очень порядочна. Я сделал глупость, встретившись с ней второй раз, потому что-потом уже ничего было нельзя изменить. Когда она начала догадываться, что я шпион враждебной державы... я предал ее. Я украл ее деньги и покинул Вену с красивой и безмозглой девицей, причем постарался, чтобы Франсуаза об этом узнала. Я поступил так не только потому, что спасал себя и свою агентурную сеть. Мне нужно было, чтобы она вычеркнула меня из памяти и не испытывала потом ни сожаления, ни сомнений на мой счет.

Исидро долго молчал. Холодные хрустальные глаза его были устремлены куда-то далеко-далеко. Возможно, он видел старую добрую Англию тех времен, когда еще был живым.

— Между нами ничего не было, и вы это знаете.

— Знаю. — Лидия не рассказывала Эшеру о сонетах, но он нашел их в корзинке мисс Поттон (в том числе и разорванный). Сложив клочки, он вновь вспомнил, как его влекло к Антее, а раньше — к той лунной вампирше, что чуть не прикончила его в Венском лесу. Он вспомнил голос Лидии, когда она сказала: «Симон...» С болью, на грани слез.

Эшер знал, что Лидия просто не успела еще рассказать. И все же это был удар.

Вампир покачал головой.

— Жизнь — для живых, Джеймс. Смерть — для мертвых. Да, я очаровал ее, мы всегда очаровываем. Мы так охотимся. И это ничего не значит.

Эшер вновь вспомнил Антею. Он знал, что Исидро лжет. А тот выждал еще пару мгновений — и продолжал:

— Что же касается мисс Поттон, возможно, в конце я, как и предсказывала Лидия, действительно убил бы ее. Не думаю, чтобы она возражала. Но скорее всего ее убила вампирша по имени Зенайда, обитающая в старом серале, откуда сейчас разбежались даже слуги. Зенайда видела там Маргариту, может быть, даже встретилась с ней взглядом. Мне кажется, потом я несколько раз замечал эту вампиршу ночью возле дома на рю Абидос, но в ту пору моя чувствительность оставляла желать лучшего. Вот вам еще одна причина, почему я не хочу, чтобы эти подробности стали известны миссис Эшер. Она решит, что это она виновна в смерти Маргарет. Надеюсь, вы не оставили супругу в одиночестве?

Эшер покачал головой:

— Она сейчас с леди Клэпхэм и князем Разумовским. Я попросил их побыть с ней до моего возвращения. Объяснил, что ее мучают кошмары... Хотя что может быть кошмарней того, что с нами случилось!

Недвижное, словно выточенное из слоновой кости лицо ожило на миг, улыбнулось.

— У вас не возникнет трудностей с возвращением, дон Симон?

— Мертвый всегда найдет живого, который бы согласился служить ему, — сказал Исидро. — Иногда служат за деньги, как Бессмертному Лорду, иногда — из страха, как Гелге Курту, а иногда — из-за любви. Бывает, что живые и сами не знают, почему они служат.

Эшер изучал узкое загадочное лицо, пересеченное бледными шрамами. Подобно Антее, подобно Эрнчестеру, Исидро был убийцей. То, что он помог Эшеру и спас Лидию, дела нисколько не меняло. Как и то, что не он убил мисс Поттон. Взамен он наверняка убил этой ночью кого-то другого или даже двух-трех (если он и впрямь постился столь долгое время, как утверждала Лидия).

— Иногда знаем. — Эшер протянул руку вампиру. — Знаем, а вот... понять, не можем.

Исидро секунду разглядывал протянутую ему руку с легким недоумением. Казалось, его покорила такая фамильярность. Затем улыбнулся, как человек, вспомнивший свои собственные грехи молодости, и коротко дотронулся до ладони Эшера двумя холодными пальцами.

— В этом вы не оригинальны, — сказал он.

И тут же пропал из виду, по обыкновению затемнив на миг сознание Эшера. Джеймс обнаружил вдруг, что он уже один, что вокруг него лишь тонущие во тьме колонны. И нигде ни души — ни живой, ни мертвой.

О свете дня молю из темноты -
И вот Христос ведет меня туда,
Где я увижу с горной высоты
Бледнеющие в дымке города.
Взойдя за Ним, в смятении гляжу,
Как женщина по ком-то слезы льет,
А пастырь призывает к мятежу,
А брата брат в неволю продает,
А дева отдает любовь свою
Тому, кто слеп, жестокосерд и глух,
А юноши сражаются в бою,
Покуда кесарь ублажает шлюх...
И, удручен, схожу с вершины прочь,
Моля, чтоб снова наступила ночь.

³ Добрая женщина (фр.)

⁴ дорогуша (фр.)